

ISSN 2409-8965

www.aurora-group.eu

www.nbpublish.com

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АФРИКИ

Конфликтология

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 05-07-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Большаков Андрей Георгиевич, доктор политических наук, кандидат социологических наук, bolshakov_andrei@mail.ru

ISSN: 2454-0617

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 05-07-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Bol'shakov Andrei Georgievich, doktor politicheskikh nauk, kandidat
sotsiologicheskikh nauk, bolshakov_andrei@mail.ru

ISSN: 2454-0617

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

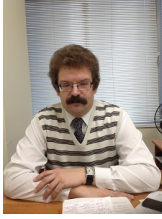
E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Председатель редакционного совета

Большаков Андрей Георгиевич — доктор политических наук, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой конфликтологии Казанского федерального университета. 420111, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18.

E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

Абрамова Ирина Олеговна — доктор экономических наук, чл.-корр. РАН, профессор, директора Института Африки Российской академии наук. 123001, Россия, г. Москва, ул. Спиридоновка, 30/1.

E-mail: dir@inafr.ru

Амелин Веналий Владимирович — доктор исторических наук, директор НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета.

460018, Оренбургская обл., , Оренбург, пр. Победы, 13.

E-mail: avenali@mail.ru

Белозеров Василий Клавдиевич — доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии Московского государственного лингвистического университета. 119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38.

E-mail: vk_belozеров@mail.ru

Бойко Иван Иванович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук. 428015, Чувашия, г. Чебоксары, Московский просп., 29, корп. 1.

E-mail: boyko2003@yandex.ru

Бондаренко Дмитрий Михайлович — доктор исторических наук, профессор, чл.-корр. РАН, заместитель директора по научной работе Института Африки РАН. 123001, Россия, г. Москва, ул. Спиридоновка, 30/1.

E-mail: dbondar@hotmail.com

Бочарников Игорь Валентинович — доктор политических наук, проректор по научно-исследовательской работе Московского государственного гуманитарно-экономического института.

107150, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49,

E-mail: bocharnikov@rambler.ru

Анжела Ди Грегорио — доктор политологии, профессор Департамента международных, правовых и историко- политических исследований Миланского университета.

20122 Италия, Милан, ул. Консерваторио, 7.

E-mail: angela.digregorio@unimi.it

Емельянов Антон Игоревич — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Московского государственного лингвистического университета.

119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38.

E-mail: anton.politolog@yandex.ru

Анна Задора — доктор политологии, профессор Межуниверситетского Дома наук о человеке.

67300, Франция, Эльзас, Страсбург, 6-ая Туринская улица, 5 аллея генерала РувийоЧилтигейма, 67083.

E-mail: anna_zadora@hotmail.com

Кассе Ныгусие В. Микаэль — доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов.

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

E-mail: kmikhail2003@mail.ru

Нестерчук Ольга Алексеевна — доктор политических наук, профессор кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов. 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

E-mail: nesterchuk68@mail.ru

Радвани Жан — доктор географических наук, профессор Государственного института языков и цивилизаций Востока. 75013 Франция, Париж, ул. Гранд Мулен, д. 65.

E-mail: radvanyi.jean@wanadoo.fr

Семенов Ирина Станиславовна — доктор политических наук, чл.-корр. РАН, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук. 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.

E-mail: isemenenko@mail.ru

Сидорова Галина Михайловна — доктор политических наук, Московский государственный лингвистический университет, заведующая кафедрой теории и истории международных отношений. 119034, г. Москва, ул. Остроженка, д.38 .

E-mail: gal_sid@mail.ru

Фитуни Леонид Леонидович — доктор экономических наук, чл.-корр. РАН, профессор, заместитель директора Института Африки Российской академии наук. 123001, Россия, г. Москва, ул. Спиридоновка, 30/1.

E-mail: africa.institute@yandex.ru

Чернышов Юрий Георгиевич — доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета. 656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61. E-mail: 7ashpi7@gmail.com

Шутов Анатолий Дмитриевич — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

119992, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2, строение 1.

E-mail: geopolitika10@yandex.ru

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ),

127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2.

krainovgn@mail.ru

Судоргин Олег Анатольевич – доктор политических наук, профессор, МАДИ, первый проректор, профессор по кафедре МАДИ «История и культурология», 125319. Москва, Ленинградский пр., дом 64, оф. 250.

sudorgin@madi.ru

Быков Илья Анатольевич – доктор политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра связей с общественностью в политике и государственном управлении, 199004, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. 1-я Линия, 26, оф. 509,

Волох Владимир Александрович - доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Института государственного управления и права Государственного университета управления.

Рязанский проспект, 99, г. Москва, Россия, 109542;

E-mail: v.volokh@yandex.ru

Попова Ольга Валентиновна - доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета.

Университетская набережная, 7-9.

г. Санкт-Петербург, Россия, 199034.

E-mail: politinstitute2010@mail.ru

Акишин Михаил Олегович - доктор исторических наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского научного исследовательского университет.

Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра документоведения, архивоведения и истории государственного управления,

620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, оф. 482,

Мациевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент Университет: Краснодарский государственный институт культуры Кафедра: истории, культурологии и музееведения, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 40-Летия победы, 33, каб. 132

Побережников Игорь Васильевич - доктор исторических наук, заведующий сектором методологии и историографии отдела истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редин Дмитрий Алексеевич - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55.

sverhtitan@rambler.ru.

Серов Дмитрий Олегович - доктор исторических наук, доцент, заведующий

Сергеев Дмитрий Степанович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Батьковский Александр Михайлович – доктор экономических наук, АО Центральный научно-исследовательский институт экономики, систем управления и информации «Электроника», советник генерального директора, 127299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, 12, batkovskiy_a@instel.ru

Морозко Наталья Иосифовна – доктор экономических наук, профессор Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 49, Ленинградский проспект, Москва. 125993. NIMorozko@fa.ru

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Бурда Алексей Григорьевич – доктор экономических наук, профессор Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина", Частное образовательное учреждение высшего образования "Южный институт менеджмента" Кафедра: экономической кибернетики, финансов и кредита, 350044, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, каб. 209 корпуса экономического факультета

Черкасов Валерий Николаевич – доктор экономических наук, кандидат технических наук, первый заместитель главного редактора научно-практического журнала «Информационная безопасность регионов», Саратовский социально-экономический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 410009, Россия, Саратовская область, г. Саратов, ул. Дачная, 30А, кв. 116

Архипова Надежда Ивановна – доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, 6

Кормишкин Евгений Данилович - доктор экономических наук, профессор кафедры теоретической экономики и экономической безопасности, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

Гончаренко Любовь Ивановна - доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой «Налоги и налогообложение» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. 125993. Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 49.

.. .. .

Чирун Сергей Николаевич – доктор политических наук, доцент,
Кемеровский государственный университет, институт истории и
международных отношений, профессор,
650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6,
Sergii-Tsch@mail.ru

Артемяева Ольга Аркадьевна - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Иркутский государственный университет", профессор, руководитель лаборатории методологии и истории психологии, 664025, Россия, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, каб. 205, oaartemeva@yandex.ru

Бесчасная Альбина Ахметовна - доктор социологических наук, Северо-Западный институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Профессор, 190121, Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., д. 57/43 aabes@inbox.ru

Блейх Надежда Оскаровна - доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, 16, кв. 32, nadezhda-blejkh@mail.ru

Деметрадзе Марине Резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) , профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса , Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmms@rambler.ru

Рыжов Игорь Валерьевич - доктор исторических наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", заведующий кафедрой истории и политики России, 603005, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2, оф. 313, ivr@fmo.unn.ru

Шашкова Анна Владиславовна - доктор политических наук, Московский государственный институт международных отношений, профессор, 125299, Россия, г. Москва, пр-д Вернадского, 76, ауд. 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Шевцова Анна Александровна - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет», Профессор кафедры культурологии, 127018, Россия, Москва, г. Москва, ул. Стрелецкая, 14к1, кв. 164, ash@inbox.ru

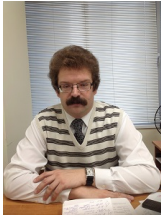
Россохин Андрей Владимирович — доктор психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Белинская Елена Павловна - доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова .

Пазухина Светлана Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого", 300026, г. Тула, проспект Ленина, 125pazuhina@mail.ru

Борзова Татьяна Владимировна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тихоокеанский государственный университет», профессор кафедры психологии. 680000, Россия, Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68, borzova_tatiana@mail.ru

Editorial collegium

Chairman of the Editorial Board

Bolshakov Andrey Georgievich — Doctor of Political Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Conflictology of Kazan Federal University. 420111, Russia, Kazan, Kremlevskaya str., 18.

E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

Irina Abramova — Doctor of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Director of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. 123001, Russia, Moscow, Spiridonovka str., 30/1.

E-mail: dir@inafr.ru

Amelin Venali Vladimirovich — Doctor of Historical Sciences, Director of the Research Institute of History and Ethnography of the Southern Urals of Orenburg State University.

460018, Orenburg region, , Orenburg, Pobedy Ave., 13.

E-mail: avenali@mail.ru

Vasily Klavdievich Belozerov — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Science at Moscow State Linguistic University. 38 Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russia.

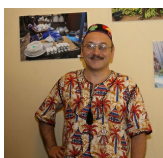
E-mail: vk_belozerov@mail.ru

Boyko Ivan Ivanovich — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Chuvash State Institute of Humanities.

428015, Chuvashia, Cheboksary, Moskovsky Ave., 29, building 1.

E-mail: boyko2003@yandex.ru

Bondarenko Dmitry Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Scientific Work of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences.

123001, Russia, Moscow, Spiridonovka str., 30/1.

E-mail: dbondar@hotmail.com

Bocharnikov Igor Valentinovich — Doctor of Political Sciences, Vice-Rector for Research at the Moscow State Humanitarian and Economic Institute.

Losinoostrovskaya str., 49, Moscow, 107150,

E-mail: bocharnikov@rambler.ru

Angela Di Gregorio is a Doctor of Political Science, Professor of the Department of International, Legal, Historical and Political Studies at the University of Milan.

20122 Italy, Milan, Conservatorio str., 7.

E-mail: angela.digregorio@unimi.it

Anton Igorevich Yemelyanov — Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science at Moscow State Linguistic University. 38 Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russia.

E-mail: anton.politolog@yandex.ru

Anna Zadora is a Doctor of Political Science, professor at the Interuniversity House of Human Sciences.

67300, France, Alsace, Strasbourg, 6th Turin Street, 5 Avenue of General Rouvillochiltigame, 67083.

E-mail: anna_zadora@hotmail.com

Kassae Nygusie V. Mikael — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Peoples' Friendship University of Russia.

6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia.

E-mail: kmikhail2003@mail.ru

Olga A. Nesterchuk — Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Political Analysis and Management of the Peoples' Friendship University of Russia. 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia.

E-mail: nesterchuk68@mail.ru

Radvani Jean — Doctor of Geographical Sciences, Professor at the State Institute of Languages and Civilizations of the East. 75013 France, Paris, 65 Grand Moulin Street.

E-mail: radvanyi.jean@wanadoo.fr

Semenenko Irina Stanislavovna — Doctor of Political Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Scientific Work of the National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. 23, Trade Union Street, Moscow, 117997, Russia.

E-mail: isemenenko@mail.ru

Sidorova Galina Mikhailovna — Doctor of Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Head of the Department of Theory and History of International Relations. 38 Ostrozhenka str., Moscow, 119034 .

E-mail: gal_sid@mail.ru

Fituni Leonid Leonidovich — Doctor of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. 123001, Russia, Moscow, Spiridonovka str., 30/1.

E-mail: africa.institute@yandex.ru

Chernyshov Yuri Georgievich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of General History and International Relations of Altai State University. 61 Lenin Ave., Barnaul, Altai Krai, 656049, Russia. E-mail: 7ashpi7@gmail.com

Shutov Anatoly Dmitrievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation.

53/2 Ostozhenka str., building 1, Moscow, 119992, Russia.

E-mail: geopolitika10@yandex.ru

Krainov Grigory Nikandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science, History and Social Technologies, Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2.

krainovgn@mail.ru

Oleg A. Sudorgin — Doctor of Political Sciences, Professor, MADI, First Vice-

Rector, Professor at the Department of MADI "History and Cultural Studies",
125319. 64 Leningradsky Ave., office 250, Moscow.
sudorgin@madi.ru

Ilya A. Bykov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Department of Public Relations in Politics and Public Administration,
199004, Russia, St. Petersburg, 1st Line str., 26, office 509,

Volokh Vladimir Aleksandrovich - Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Public Administration and Political Technologies of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management.
Ryazan Avenue, 99, Moscow, Russia, 109542;
E-mail: v.volokh@yandex.ru

Popova Olga Valentinovna - Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies of St. Petersburg State University. University Embankment, 7-9.
St. Petersburg, Russia, 199034.
E-mail: politinstitute2010@mail.ru

Akishin Mikhail Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, leading researcher at the Laboratory of Humanitarian Studies of Novosibirsk Scientific Research University.

Lyudmila N. Mazur – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration,
620000, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Turgenev str., 4, office 482,

Matsievsky Herman Olegovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the University: Krasnodar State Institute of Culture Department: History, Cultural Studies and Museology,
350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 40-Letiya pobedy, 33, office 132

Igor V. Berezhnikov - Doctor of Historical Sciences, Head of the Methodology and Historiography Sector of the History Department of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Dmitry A. Redin - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Scientific Affairs of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism,
656031, Barnaul, Molodezhnaya str., 55.
sverhtitan@rambler.ru.

Serov Dmitry Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Novosibirsk State University of Economics and Management.

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University,
440052, Russia, Penza region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106

stawiczky.v@yandex.ru

Batkovsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Economics, JSC Central Research Institute of Economics, Control Systems and Information "Electronics", Advisor to the General Director,
127299, Moscow, ul. Cosmonaut Volkov, 12,
batkovskiy_a@instel.ru

Morozko Natalia Iosifovna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation,
49, Leningradsky Prospekt, Moscow. 125993.
NIMorozko@fa.ru

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory,
125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49,
18111959@mail.ru

Burda Alexey Grigorievich – Doctor of Economics, Professor Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin", Private Educational Institution of Higher Education "Southern Institute of Management" Department: Economic Cybernetics, Finance and Credit,
350044, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Kalinina str., 13, office. 209 buildings of the Faculty of Economics

Cherkasov Valery Nikolaevich – Doctor of Economics, Candidate of Technical Sciences, First Deputy Editor-in-Chief of the scientific and practical journal "Information Security of Regions", Saratov Socio-Economic Institute (branch) of the Plekhanov Russian University of Economics,
410009, Russia, Saratov region, Saratov, Dachnaya str., 30A, sq. 116

Nadezhda Arkhipova – Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics, Management and Law of the Russian State University for the Humanities.
125993, Russia, GSP-3, Moscow, Miuskaya Square, 6

Kormishkin Evgeny Danilovich - Doctor of Economics, Professor of the Department of Theoretical Economics and Economic Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education N. P. Ogarev Mordovian State University

Goncharenko Lyubov Ivanovna - Doctor of Economics, Professor, Head of the Department "Taxes and Taxation" of the Financial University under the Government of the Russian Federation.
125993. Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 49.

Chirun Sergey Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University, Institute of History and International Relations, Professor,
650000, Kemerovo, Krasnaya str., 6,
Sergii-Tsch@mail.ru

Artemyeva Olga Arkadyevna - Doctor of Psychological Sciences, Irkutsk State University, Professor, Head of the Laboratory of Methodology and History of Psychology, 664025, Russia, Irkutsk, Chkalova str., 2, room 205, oaartemeva@yandex.ru

Beschasnaya Albina Akhmetovna - Doctor of Sociology, North-Western Institute of Management - Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor, 190121, St. Petersburg, Sredny prospekt V.O., 57/43 aabes@inbox.ru

Nadezhda Oskarovna Bleikh - Doctor of Historical Sciences, K.L.Khetagurov North Ossetian State University, Professor of the Psychology Department of the Faculty of Psychology and Pedagogy, Vladikavkaz, ul. Vladikavkazskaya, 16, sq. 32, 362043, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, nadezhda-blejkh@mail.ru

Demetradze Marina Rezoevna - Doctor of Political Sciences, D. S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Chief Researcher, Institute of World Civilizations, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Professor, 48 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117292, Russia sq.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Control Staff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmMos@rambler.ru

Ryzhov Igor Valeryevich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Head of the Department of History and Politics of Russia, 603005, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 2, office 313, ivr@fmo.unn.ru

Anna Vladislavovna Shashkova - Doctor of Political Sciences, Moscow State Institute of International Relations, Professor, 76 Vernadsky Ave., Moscow, 125299, Russia, room 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Shevtsova Anna Aleksandrovna - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow Pedagogical State University", Professor of the Department of Cultural Studies, 127018, Russia, Moscow, Moscow, Streletskaya str., 14k1, sq. 164, ash@inbox.ru

Rossokhin Andrey Vladimirovich — Doctor of Psychological Sciences, Senior Researcher at the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Belinskaya Elena Pavlovna - Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of Social Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Svetlana V. Pazukhina – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State

Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tolstoy Tula State Pedagogical University", 300026, Tula, Lenin Avenue, 125pazuhina@mail.ru

Borzova Tatiana Vladimirovna – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Pacific State University", Professor of the Department of Psychology. 680000, Russia, Khabarovsk, Karl Marx str., 68, borzova_tatiana@mail.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

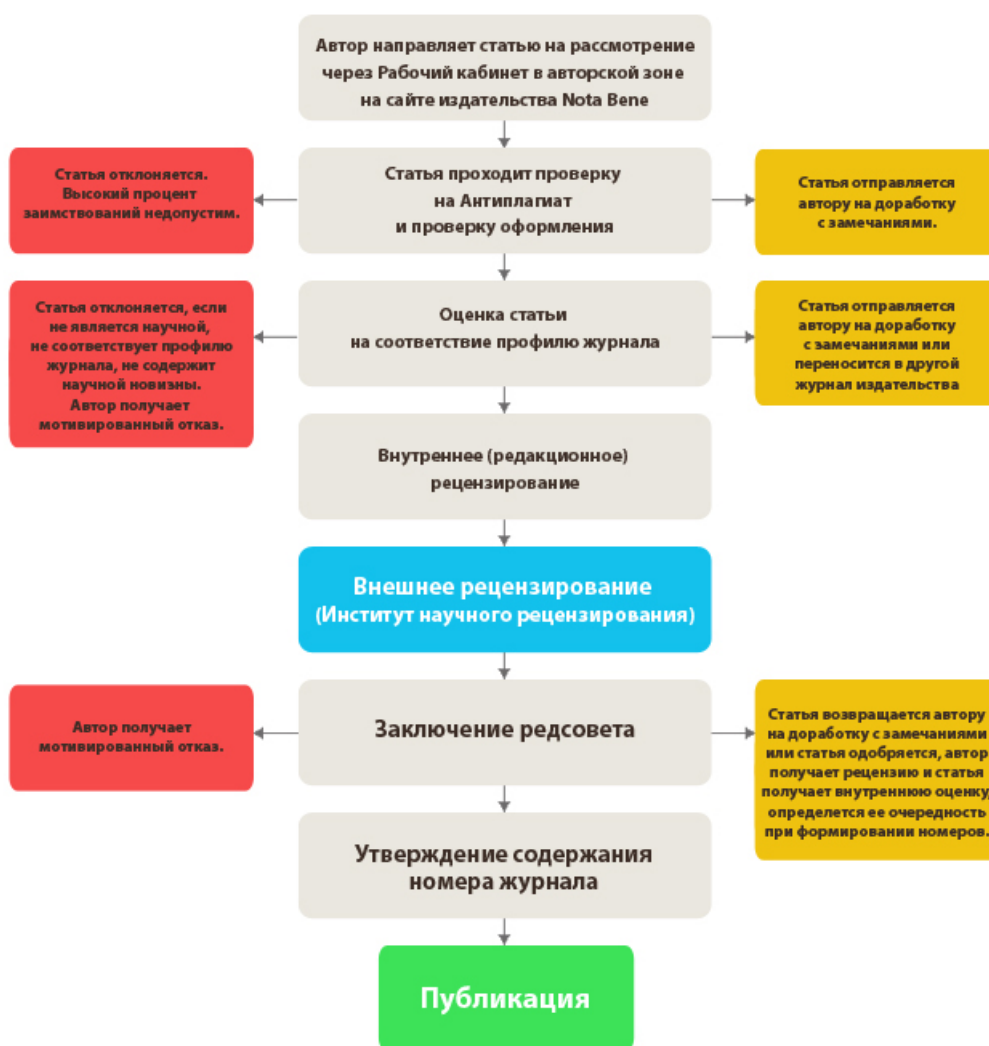
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Белков А.Д. Внутренняя политика Абия Ахмеда в Эфиопии: секьюритизация и разрешение конфликтов	1
Аверьянова-Зайцева Д.А., Барави М.В., Рыжов И.В. Курдский фактор в ближневосточной политике Саудовской Аравии в контексте отношений с Ираком и Ираном	14
Ауа Д., Сюэ Ф., Нгойе С., Ачонва Е. Развитие и влияние «Боко Харам» в бассейне озера Чад в условиях многополярного мира	28
Ильичев А.В. Нарратив восточного деспотизма во внешней политике Франции первой половины XIX в.: связи и аналогии с современностью	41
Ростовцева М.В., Смирная А.А., Новопашина Л.А., Ткачева А.В., Владыкин И.В. Особенности копинг-стратегий и защитных механизмов у студентов 1 и 4 курсов с разным уровнем адаптивности	66
Черкасова Т.В. Конфликты в жизнедеятельности магистрантов: эмпирико-гендерный обзор	83
Коренева В.В., Гудовский И.В., Смирнова А.В., Дулинец Т.Г., Гусаренко В.В. Профилактика межличностных конфликтов в трудовом коллективе	92
Англоязычные метаданные	112

Contents

Belkov A.D. Abiy Ahmed's Domestic Policy in Ethiopia: Securitization and conflict resolution	1
Aver'yanova-Zaitseva D.A., Baravi M.V., Ryzhov I.V. The Kurdish factor in Saudi Arabia's Middle Eastern policy: an analysis in the context of relations with Iraq and Iran	14
Awah J., Xue F., Ngoye S., Achonwa E. The evolution and impact of Boko Haram in the Lake Chad Basin in a Multipolar world.	28
Ilyichev A.V. The Narrative of Oriental Despotism in French Foreign Policy in the first half of the 19th century: connections and analogies with Modernity	41
Rostovtseva M.V., Smirnaya A.A., Novopashina L.A., Tkacheva A.V., Vladikin I.V. Features of coping strategies and defense mechanisms for 1st and 4th year students with different levels of adaptability	66
Cherkasova T.V. Conflicts in the life of undergraduates: an empirical gender review	83
Koreneva V.V., Gudovskii I.V., Smirnova A.V., Dulinets T.G., Gusarenko V.V. Prevention of interpersonal conflicts in the workforce	92
Metadata in english	112

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Белков А.Д. Внутренняя политика Абия Ахмеда в Эфиопии: секьюритизация и разрешение конфликтов //

Конфликтология / nota bene. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0617.2024.2.70095 EDN: ZQWJWT URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70095

Внутренняя политика Абия Ахмеда в Эфиопии: секьюритизация и разрешение конфликтов

Белков Александр Дмитриевич

ORCID: 0009-0003-7843-6656

магистр, кафедра Сравнительной политологии, Российский Университет Дружбы Народов им.
Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ aleksanderbelkov@gmail.com

[Статья из рубрики "Государственная политика в сфере разрешения современных конфликтов"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2024.2.70095

EDN:

ZQWJWT

Дата направления статьи в редакцию:

05-03-2024

Дата публикации:

12-03-2024

Аннотация: Предметом данного исследования служит набор политических реформ, которые проводит премьер-министр Эфиопии Абий Ахмед с 2018 г. по настоящее время. Объектом исследования являются внутривнутриполитические противоречия, накопленные в Эфиопии с 1974 по 2018 гг. Цель работы состоит в проверке гипотезы о том, что политика А. Ахмеда подчиняется положениям теории секьюритизации Б. Бузана и О. Уэвера и направлена на трансформацию конфликтного образования Эфиопия в режим безопасности. Тема исследования носит актуальный характер, поскольку Эфиопия рассматривается рядом ученых, как потенциальный региональный тяжеловес, способный стабилизировать регион Африканского Рога и повлиять в итоге на безопасность всей Африки. Поэтому важно исследовать динамику политических процессов в современной Эфиопии. В основу исследования положена теория региональных комплексов

безопасности Б. Бузана и О. Уэвера. Методами работы являются качественный контент-анализ официальных документов и мнений экспертов, а также инвент-анализ, допускаются логические и философские предположения. Для анализа внутренней политической ситуации в Эфиопии используется реалистический подход. Научная новизна работы состоит в том, что политика Абия Ахмеда анализируется не с позиций исторических подходов, а с точки зрения политологической теории, которая применяется к политическому процессу, происходящему в наше время. Автор делает вывод о том, что политический курс А. Ахмеда детерминирован тяжелой ситуацией, в которой оказалась Эфиопия к 2018 г. Премьер-министр старается стабилизировать ситуацию в стране, используя свой богатый опыт и профессиональные знания, пытается изменить позицию Эфиопии, как конфликтного образования, на режим безопасности, в его внутренней политике прослеживаются подходы, основанные на укреплении центральной государственной власти, что с точки зрения теории Б. Бузана и О. Уэвера делает Эфиопию функциональным субъектом, способным реагировать на экзистенциальные угрозы и успешно развиваться.

Ключевые слова:

Эфиопия, Африканский Рог, Абий Ахмед, конфликт, региональный комплекс безопасности, секьюритизация, десекуритизация, религия, сепаратизм, Тыграйский кризис

Введение

Эфиопия - одна из крупнейших и самых населенных стран Африки. Она долгое время сталкивалась с различными конфликтами, которые были связаны с разделом ресурсов, этническими кризисами, политическими расколами и традиционными для Субсахарской Африки проблемами недоразвития и многомерной бедности. Аддис-Абеба с 1974 по 2018 гг. воспринимала себя как столицу африканской дипломатии. В ней базируется штаб-квартира Африканского Союза. Эфиопия много раз принимала участие в операциях по поддержанию мира, стабилизировала Южный Судан, Сомали и другие страны региона. Ее история восходит к временам битвы при Адуа 1896 г., когда эфиопская армия разгромила итальянских колонизаторов, и длительное время сохраняла независимость среди практически полностью колонизированных соседей. При этом Эфиопия являлась одной из беднейших стран мира. Сформировался разрыв между имиджем государства – спонсора международной безопасности и страной с бесконечной чередой внутренних гражданских конфликтов и эндемического насилия, порождающих потоки беженцев.

Несмотря на то, что последние полтора десятилетия темпы ее экономического роста были выше, чем среднеафриканские, страна накопила внутри себя большой конфликтогенный потенциал. В 2018 г. он достиг достаточно высокого уровня, что привело к переходу государственной власти Эфиопии к новому премьер-министру Абию Ахмеду. Уже в 2019 г. Абий Ахмед был удостоен Нобелевской премии мира, потому что пошел на уступки для урегулирования длившегося с 1976 г. территориального конфликта с соседней Эритреей. Основой его преобразований был набор либеральных и демократических реформ: он выпустил из тюрем политических оппонентов предыдущего режима, снял запрет с ряда запрещенных организаций и партий, восстановил независимые СМИ ^[1]. А. Ахмед начал широкую приватизацию убыточных государственных активов, а также развернул борьбу с коррупцией и расширил политическое представительство женщин в органах власти. Они появились даже в

правительстве [\[1\]](#). Это сделало его самым популярным африканским политиком для стран Запада. Казалось бы, курс, взятый новым премьер-министром, должен был гарантировать Эфиопии безоблачное будущее. Предпринятый А. Ахмедом ряд остро назревших внутривнутриполитических реформ породил внутри Эфиопии и среди либеральных кругов Запада ожидания, которые не сбылись. Последовавшие за этим события эпизодов гражданской войны и внутренней дестабилизации рассматриваются многими аналитиками, как отступление политики нового премьер-министра Эфиопии от демократических принципов.

С нашей точки зрения, накопленные противоречия могли реализоваться в существенно более катастрофический сценарий, который рациональная политика А. Ахмеда смогла предотвратить. Мы высказываем гипотезу о том, что действия эфиопского руководства можно объяснить с позиции теории секьюритизации и построения регионального комплекса безопасности Б. Бузана и О. Уэвера.

Целью работы является проверка гипотезы о том, что внутренняя политика, проводимая Абием Ахмедом в Эфиопии, укладывается в логику рациональных действий согласно теории секьюритизации Б. Бузана и О. Уэвера и направлена на трансформацию конфликтного образования в режим безопасности.

Объектом исследования служат внутривнутриполитические противоречия, накопленные в Эфиопии с 1974 по 2018 гг.

Предметом изучения является комплекс политических реформ реактивных и проактивных действий, предпринятый А. Ахмедом с 2018 г. по настоящее время.

Африка, согласно прогнозу ООН [\[2\]](#), является самым быстрорастущим в демографическом плане регионом мира. Она будет определять не только демографический потенциал Земли, но и влиять на стабильность миропорядка. По мнению исследователей Б. Бузана и О. Уэвера, региональный комплекс безопасности Африканского Рога будет складываться вокруг стабильной Эфиопии и представлять собой один из четырех комплексов безопасности Африканского континента [\[3\]](#). Поэтому, исследование опыта эфиопского руководства по стабилизации страны является весьма актуальным.

Научная новизна работы состоит в том, что внутренняя политика, проводимая А. Ахмедом в Эфиопии, рассматривается не с исторической точки зрения, а через призму теоретических положений, заслуживших уважение политологов во всем мире, и они применяются на конкретном примере политического процесса, начатого в Эфиопии в 2018 г.

Теоретическая база и методы

Базовой теорией, на которой строится исследование, является теория региональных комплексов безопасности Б. Бузана и О. Уэвера [\[3\]](#). Для анализа внутренней политической ситуации в Эфиопии используется реалистический подход, допускаются логические и философские предположения. Основными методами служат качественный контент-анализ официальных документов и мнений экспертов, а также ивент-анализ.

Степень разработанности темы

Различные аспекты политической жизни Эфиопии проанализированы в ряде работ отечественных и зарубежных авторов. Российский исследователь Р. Н. Исмаилова

изучала влияние этнического федерализма в Эфиопии на политическую ситуацию в ее отдельных штатах и стране, а также изменения, которые произошли в Эфиопии в связи с приходом к власти Абия Ахмеда [\[4-6\]](#). С. В. Мезенцев и П. Г. Царев обращали внимание на проблему борьбы за водные ресурсы между Эфиопией и Египтом [\[7\]](#). И. Д. Лошкарёв и И. С. Копытцев подробно разбирали кризис в Тыграе с точки зрения процессов, происходящих в элитах Эфиопии [\[8\]](#). С.А. Горохов, М. М. Агафшин и Р. В. Дмитриев исследовали масштабы миграционной проблемы в Восточной Африке и, в частности, в Эфиопии [\[9\]](#). В. Г. Иванов и В. М. Кассе Ныгусие сосредоточили свои научные усилия на проблеме беженцев, возникшей из-за этнических насилий в Эфиопии [\[10\]](#). Б. Д. Гардачев, Г. М. Кефале и Г. А. Кумие представили в работе свой взгляд на этнический федерализм Эфиопии [\[11\]](#). Semahagn Abebe описывает последствия авторитарной политики в Эфиопии в 1991 - 2018 гг. [\[12\]](#). Роли религии в эфиопских конфликтах посвящена статья Г. К. Антигегна [\[13\]](#). Э. Байе рассуждает о модели государства развития в Эфиопии, выделяет ее плюсы и минусы [\[14\]](#). Проблемы, возникшие как следствие этнического федерализма в Эфиопии, были рассмотрены В. Гончаровым [\[15\]](#).

Особое место в исследовании политических процессов в Эфиопии занимают работы зарубежных политологов: J. Lie и B. Mesfin [\[16\]](#), L. P. Blanchard [\[17\]](#), K. O. Opalo и L. Smith [\[18\]](#), A. O. Jima [\[19-20\]](#), K. Tronvoll [\[21\]](#), M. Woldemariam [\[22\]](#), Y. Gedamu [\[23\]](#), T. Østebø T. [\[24-27\]](#), Y. Tariku [\[28\]](#), J. Abbink [\[29\]](#), L. Kong и O. Woods [\[30\]](#).

1. Этнические конфликты и сепаратистские движения в Эфиопии

Шесть лет назад к власти в Эфиопии пришел молодой харизматичный политик Абий Ахмед, которому досталась не только центральная власть, но и сопровождающие ее накопившиеся проблемы. Это был практически первый опыт передачи власти относительно мирным путем в результате широкого общественного движения, а не через военный переворот [\[16\]](#). Следует отметить, что впервые за тридцать лет руководителем государства стал представитель национального большинства народа оромо, профессиональный политолог и лидер фронта освобождения оромо. Также большую роль в этом общественном движении сыграла молодежь второго по величине этноса Эфиопии амхара.

1.1 Тыграйский кризис

Через небольшой период времени эфиопская власть оказалась перед лицом внутривнутриполитического кризиса настолько масштабного, что ряд экспертов [\[17\]](#) заговорил о дезинтеграции второй по демографическому потенциалу стране Африки и отходе от демократии.

На грань развала государство поставил конфликт с лидерами народа тыграй, которые возглавляли Эфиопию в составе Революционно-демократического фронта эфиопских народов (РДФН). Именно эта группировка, состоявшая из племенных ополчений ряда провинций, свергла марксистский режим Менгисту Хайле Мариам в 1991 г. В тот год главой государства стал лидер Народного фронта освобождения Тыграя (НФОТ) Мелес Зенауи, который реформировал страну по принципу этнического федерализма, подразумевающего ведущую роль субъектов федерации во внутривнутриполитической жизни государства [\[4\]](#). Тыграйское ополчение оказалось самым боеспособным, и поэтому долгие двадцать семь лет представители этого этноса, составляющего 6% населения

Эфиопии, занимали высшие государственные должности, что вызвало недовольство среди более крупных народов оромо (38%) и амхара (27%).

До 1990-х гг. режим Дерга опирался на политику амхаризации всей страны. Реформы М. Зенауи существенно усугубили этноконфессиональное напряжение между многочисленными этносами и народностями Эфиопии. Конституция 1995 г. [\[31\]](#), несмотря на юридический запрет дискриминации по этническому принципу, фактически ее узаконила. Этноты были разделены на несколько уровней, которые были наделены разными правами (ст. 30 Конституции Эфиопии) [\[31\]](#). Самые крупные «нации» (Nations) получили возможность сформировать штаты, обладавшие правом выходить из состава федерации. Более мелкие «национальности» (Nationalities) получили право создавать области, небольшие племенные группы (People) могли формировать районы, территориальные границы разрешалось изменять посредством референдума (ст. 39, 46 Конституции Эфиопии) [\[31\]](#). Во всех этих объединениях были титульные и нетитульные «нации». В итоге, даже такие крупнейшие общности, как амхара, оромо, сомали и тыграй, оказываясь в роли переселенцев на других территориях, имели ограниченные права, что неизбежно вело к конфликтам. Это осложнялось также тем, что в составе одного этноса могли быть разные конфессиональные группы, исповедующие ислам, христианство и язычество. Помимо этого, среди представителей четырех крупнейших народов существуют проекты создания собственных государств и даже реконфигурации соседних стран Африканского Рога, таких как Эритреи и Сомали [\[4\]](#). Таким образом, высокая конфликтогенность Эфиопии была заложена исторически и наследовалась новым руководством страны вместе с ожиданиями позитивных перемен.

В конечном итоге это и привело к событиям 2018 г., в результате которых А. Ахмед получил власть. НФОТ отказался входить в коалиционное правительство и всячески саботировал попытки Аддис-Абебы укрепить позиции федерального центра. В ноябре 2020 г. НФОТ начал боевые действия, пытаясь вернуть утраченные позиции [\[18\]](#).

Специфика военного строительства Эфиопии последних двадцати лет состояла в том, что большая часть генералов, офицеров и опытных солдат перешла на сторону сепаратистов Тыграя, что поставило к 2021 г. правительство реформатора А. Ахмеда на грань краха [\[18, 20\]](#). Остановить внутривнутриполитический конфликт ему помогла успешная десекьюритизация отношений с Эритреей, которую не все в Эфиопии восприняли однозначно [\[22\]](#). Помощь эритрейских войск позволила стабилизировать линию фронта, а затем перейти к политическим переговорам под эгидой Африканского Союза [\[19\]](#). В ноябре 2022 г. было подписано мирное соглашение в Претории (ЮАР) между НФОТ и федеральным правительством Эфиопии [\[32\]](#), что позволило заморозить конфликт на основе примирения и прекращения огня. Согласно данным ООН на март 2022 г., в результате этого конфликта возникло несколько миллионов беженцев, и тысячи человек погибли [\[33\]](#).

1.2 Сепаратистские движения в штатах Амхара, Оромия и Сомали

Однако, в течение 2022 - 2024 гг. усилились сепаратистские движения в районе штата Амхара. Племенное ополчение не захотело переподчиняться центральному командованию, посчитав себя преданными в связи с тем, что их военное руководство было арестовано за попытки захватить власть в штате. События начались еще в 2019 г., когда командир местного ополчения убил начальника генерального штаба армии Эфиопии Сира Меконнена и лояльного Аддис-Абебе губернатора штата Амхара [\[28, 34\]](#).

Подобные проблемы существуют еще в нескольких штатах, в том числе, в двух крупных – Сомали и Оромия. Они вызваны постоянными попытками местных элит и ополчений поменять существующие границы вне конституционных процедур. Например, Тыграйский конфликт принял такой ожесточенный характер еще и потому, что амхарское ополчение FANO, поддерживавшее центральное правительство на первом этапе, проводило этнические чистки народа тыграй, захватывая его плодородные земли [21]. В результате, по мнению исследователя К. Тронволла, желание политической элиты региона Амхара силовым путем изменить внутренние границы штатов создало федеральному Эфиопскому правительству проблемы внутри страны и за рубежом [21]. А попытка премьер-министра А. Ахмеда остановить этот процесс привела к новому конфликту, теперь уже с представителями ополчения FANO. На все это накладывается эндемическое насилие и локальные конфликты. Поставлен на паузу процесс урегулирования с освободительной армией Оромо, которая пока до последнего момента выдвигала по отношению к Аддис-Абебе нереалистические требования. В штате Амхара было введено чрезвычайное положение в августе 2023 г., там продолжается силовое разоружение местного ополчения [23].

В ноябре 2023 г. премьер-министр Абий Ахмед на заседании Парламента Эфиопии обратился к сепаратистам, назвав их «нашими братьями», призвал сложить оружие и использовать мирные средства для достижения политических целей, не продлевая «ненужные конфликты», которые "задерживают страну на пути» к миру [35]. Также он признал, что чрезвычайные меры позволили стабилизировать ситуацию. Абий Ахмед дает юридические гарантии безопасности участникам восстаний и их лидерам. Так, в ноябре 2023 г. появился прогресс в переговорном процессе с Армией освобождения Оромо (OLA) в Дар-эс-Саламе [36].

Таким образом, очевидно, что комплекс вопросов, стоящих перед премьер-министром Эфиопии и требующий продуманного решения с точки зрения внутренней политики, носит экзистенциальный характер и нуждается в выработке специальных подходов, которые и были применены А. Ахмедом.

2. Влияние религиозного фактора на конфликтогенность Эфиопии

Современная эфиопская государственность формировалась в рамках марксистского дискурса. Это в полной мере касалось коммунистического режима Менгисту Хайле Мариам (1974 - 1991 гг.) и сменившего его правительства НФОТ во главе с Мелесом Зенауи (1991 – 2012 гг.), а также Хайлемариам Десаленя (2012 – 2018 гг.), передавшего власть Абию Ахмеду. Религиозный дискурс не поощрялся со стороны органов государственной власти, рассматривался в качестве устаревшей составляющей культурного наследия и в целом способствовал формированию секуляризации государства и церкви. Крупные религиозные праздники позволялось использовать в большей степени как фольклорные традиционные практики и обычаи. При этом религия имела большой потенциал и достаточно широко практиковалась особенно в сельских и удаленных районах. В 1990-е гг. этот потенциал начал реализовываться. Это было связано с тем, что режим М. Зенауи относился более нейтрально к религии и снял ограничения на регистрацию и строительство новых культовых объектов. Особенно это коснулось реформатской церкви, которая получила мощную поддержку от своих единомышленников из США и Западной Европы. В конечном итоге, активная прозелитическая работа принесла плоды. Ходить в церковь стало модно. Молодежь стала посещать богослужения, участвовать в жизни приходов. Началось активное строительство храмов, мечетей и молельных домов.

Исторически доминирующей конфессией в стране была Эфиопская православная церковь, которая за полторы тысячи лет господства считала себя опорой эфиопской государственности, несмотря на несколько десятилетий марксистского правления. Традиционно также присутствовавший, особенно в южных и восточных районах, ислам воспринимался более маргинализировано, потому что православные народы издревле являлись опорой государственности Эфиопии. До 1974 г. Эфиопский Патриарх благословлял императорскую власть. После краха режима Дерга эфиопское православие получило поддержку традиционалистов и также привлекло в свои ряды молодежь, большей части которой не понравилась активность протестантов и мусульман в традиционно православных штатах и городах.

С начала 1990-х гг. и исламская умма испытала религиозный ренессанс. Соседняя Саудовская Аравия и монархии Залива начали финансировать строительство мечетей и медресе [26], что также позволило увеличить число прихожан и религиозных общин. Вместе с ними в мусульманские регионы стали проникать идеи радикального ислама. Среди православных христиан появились свои ревнители веры, готовые на насильственные действия.

Все это привело уже к началу 2000-х гг. к формированию определенного межрелигиозного напряжения. При этом, с точки зрения мусульман и протестантов, они борются с гегемонией Эфиопской православной церкви и отстаивают свои религиозные права [30]. А с точки зрения православных, они охраняют традицию, защищают государство от вторжения религиозного Иного [29]. Это наложило на бурное развитие интернета, который стал дополнительной площадкой для поляризации общественных настроений. Появился феномен, когда представители одного этноса оказались в разных конфессиональных сообществах. У протестантских церквей большое число прихожан стало формироваться в южных районах, где традиционно проживали мусульмане и представители языческих верований [там же]. Это не могло не привести к новым конфликтам.

В 2006 – 2010-х гг. вспыхнули кровавые конфликты между протестантами и мусульманами на юго-западе штата Оромия в городе Джимма [24]. Показательно то, что конфликт начался между представителями народа оромо, протестантами и католиками. В результате это привело к серии противостояний с человеческими жертвами и уничтожением религиозных объектов. Пострадали православные из другой этнической группы – амхара. Эти события подтолкнули к радикализации ряд сторонников эфиопского православия. С одной стороны, в ряде православных районов население переходит в протестантизм и мусульманство. С другой стороны, там, где православные составляют меньшинство, они подвергаются гонениям. На севере Эфиопии в городах Лалибэла и Аксум православные запретили строительство мечетей и протестантских церквей. Эти города получили особый статус православных святынь. Также там была введена практика уличных демонстраций во время священных праздников. Очень часто эти шествия становились причинами беспорядков и конфликтов. В 2018 г. молодые мусульманские радикалы убили настоятелей церквей и сожгли церкви в мусульманском штате Сомали, в 2020 г. в православном регионе Хараре шествие на празднике превратилось в нападение на мусульманские мечети [27], в 2022 г. были нападения на мусульман в христианском городе Гондэр [24]. Поэтому в 2023 г. в Аддис-Абебе мэрия ввела ограничение на шествие в честь религиозного православного праздника Мескель, который часто заканчивался столкновениями и кровопролитиями [37]. Таким образом, можно сделать вывод, что последние десятилетия привели к возрастанию роли

религиозного фактора в жизни Эфиопии. Он, наряду с этническими конфликтами, становится важнейшей точкой, куда должны быть направлены усилия государства для десекуритизации этого опасного процесса.

3. Секьюритизация внутренних угроз в политике Абия Ахмеда

В г. Джимма родился будущий премьер-министр Эфиопии Абий Ахмед, у которого мать – евангелистка из народа амхара, а отец – мусульманин из народа оромо [4]. Поэтому ему понятна вся сложная проблематика, когда на этнические противоречия накладываются конфессиональные различия. Город Джимма может демонстрировать Эфиопию в миниатюре, поскольку там живут представители трех ведущих конфессий и двух крупнейших народов. По данным на 2023 год православных в Эфиопии было 43%, мусульман – примерно 33%, а протестантов – 20% [25].

А. Ахмед в своей политике опирается на большой политический опыт и профессиональные знания. Он дипломированный политолог, получивший магистерскую степень по направлению «Transformational Leadership and Change» в университете Гринвича (Великобритания) [4]. В 2010 г. он стал депутатом парламента Эфиопии от штата Оромия, а в 2016 г. был избран вице-губернатором штата Оромия. А. Ахмед принимал участие в модерации кровавого межконфессионального конфликта в родном городе. На основе этого опыта он защитил докторскую диссертацию «Общественный капитал и его роль в традиционных механизмах разрешения конфликтов на примере межрелигиозного конфликта в Зоне Джимма» в Аддис-Абебе в 2017 г. [4].

Приход Абия Ахмеда в большую политику и занятие им должности премьер-министра существенно изменило роль религии в конфликтогенности эфиопского общества. Среди огромного количества проблем Эфиопии выделялись четыре экзистенциальные угрозы: голод и недостаток чистой воды, комплекс внешнеполитических угроз, этнические конфликты и религиозные конфликты. Одновременно решить все проблемы было невозможно. Политик с практическим опытом, знающий изнутри специфику трех основных конфессий Эфиопии, секьюритизировал две внутренние проблемы: отстранил от власти коррупционеров из НФОТ и решил использовать знания религиозных практик как инструмент достижения этнического и межконфессионального мира. А. Ахмед реформировал «Межрелигиозный совет Эфиопии» [39], куда включил дополнительно реорганизованный Высший совет по делам ислама Эфиопии [24]. У мусульман появился глава - шейх Хадж Ибрагим Туфа, который 8 марта 2024 года возглавил процесс примирения двух мусульманских штатов – Сомали и Афар, имеющих затянувшийся территориальный спор [38]. В результате заработала комиссия по примирению и удалось остановить военные действия между племенными ополчениями. Впервые за историю страны мусульмане были уравнены в правах с православными и евангелистами. Кроме этого, А. Ахмед преодолел раскол среди православных епископов народа оромо, которые хотели создать конкурирующую православную церковь, чтобы не вести богослужения на амхарском языке [24]. Высокий авторитет, полученный среди религиозных лидеров, и устранение раскола внутри традиционных религиозных организаций позволили Абию Ахмеду использовать влияние «Межрелигиозного совета Эфиопии» в урегулировании Тыграйского и Амхарского кризисов. Это стало значимым рычагом для стабилизации внутренних конфликтов.

Заключение

Понятие секьюритизации, введенное в теории международных отношений, относится к

процессу превращения некоторых проблем в значимые вопросы безопасности, что может привести к мобилизации политической и общественной поддержки для их решения. Иногда в целях достижения самых важных результатов некоторые вопросы нужно десекуритизировать, то есть перестать рассматривать как ключевую угрозу. Поэтому Абий Ахмед, имея несколько важных проблем, старается путем проактивных и реактивных действий снизить остроту некоторых проблем или отодвинуть по времени их решение. Важно отметить, что А. Ахмед использует свое знание и уважение религиозных ценностей, как инструмент достижения политических целей. При этом сейчас он сосредоточился на решении внутренних проблем, чем и вызваны внешнеполитические уступки своим более напористым соседям. Уступив в территориальном споре Эритрее [6], он десекуритизировал векового противника и превратил его в союзника для решения острейшего Тыграйского конфликта. Он не пошел на столкновение с Суданом из-за спорного региона на границе между Суданом и штатом Амхара, что позволило переключить усилия федерального центра на борьбу с амхарским сепаратизмом.

А. Ахмед не избегает применения силы, если это диктуется экзистенциальной опасностью. Это в полной мере объясняет его жесткие решения в момент обострения тыграйского или амхарского вопросов. Однако, он принимает международное посредничество и не стремится добывать своих противников, дает им юридические гарантии безопасности. Большое количество беженцев и военных преступлений с разных сторон, когда в результате Тыграйской войны пострадали три региона (Амхара, Афар и Тыграй), связано со спецификой действий военных ополчений, которые традиционно в Эфиопии рассматривают представителей соседних народов как военную добычу. Именно этим вызваны ответные действия федерального центра к в прошлом союзным ополчениям народов амхара и оромо.

Будучи на одну половину амхаром, а на другую половину оромо, Абий Ахмед не дает преференций ни одному из этих крупнейших народов, потому что видит Эфиопию единым государством, а не конфедерацией. Практикуя евангелизм, он не делает его государственной религией, а в равной степени помогает поиску конфессионального единства православных, мусульман и протестантов. Абий Ахмед принял страну в момент тяжелейшего системного кризиса, который еще не изжит до сих пор. Эфиопия не была федеративным процветающим государством, а представляла из себя конфликтное образование с перспективой к дезинтеграции на десятки племенных failed state, подобно соседнему Сомали. Своим политическим курсом А. Ахмед пытается вывести Эфиопию с позиции конфликтного образования в режим безопасности.

Таким образом, во внутренней политике А. Ахмеда прослеживаются подходы, основанные на укреплении центральной государственной власти, что с точки зрения теории Б. Бузана и О. Уэвера делает Эфиопию функциональным субъектом, способным реагировать на экзистенциальные угрозы и успешно развиваться.

Библиография

1. Jima, A. O., & Meissner, R. (2021). Vicious circle of Ethiopian politics: Prospects and challenges of current political reform. *Cogent Social Sciences*, 7(1). DOI: 10.1080/23311886.2021.1893908
2. Population. United Nations. Retrieved from URL: <https://www.un.org/en/global-issues/population> (accessed March 05, 2024).
3. Buzan, Barry; Weaver, Ole. (2003). *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press.

4. Исмагилова Р.Н. Эфиопия: этнополитическая ситуация в штате Бенишангул-Гумуз // Ученые записки Института Африки РАН, № 2-3 (36-37), 2016. С. 80-96.
5. Исмагилова Р. Н. Политический кризис в Эфиопии: «эфиопская весна»? // ИМЭМО РАН, 24.04.2018. URL: <https://www.imemo.ru/special-rubrics/africa/text/politicheskiy-krizis-v-efiopii-efiopskaya-vesna> (дата обращения: 06.03.2024)
6. Исмагилова Р. Н. Эфиопия и Эритрея – долгий путь к миру // ИМЭМО РАН, 09.07.2018. URL: <https://www.imemo.ru/special-rubrics/africa/text/efiopiya-i-eritreya-dolgiy-puty-k-miru> (дата обращения: 06.03.2024)
7. Мезенцев С.В., Царев П.Г. Нильский торг // Ученые записки Института Африки РАН, № 3 (52), 2020, С. 112-128. DOI:10.31132/2412-5717-2020-52-3-112-132
8. Лошкарёв И.Д., Копытцев И.С. Трансформация политической элиты Эфиопии и вооруженный конфликт в Тиграе: от вытеснения предшественников к деэскалации? // Ученые записки Института Африки РАН, № 4(57), 2021. С. 87-101. DOI: 10.31132/2412-5717-2021-57-4-87-101
9. Горохов С. А., Агафшин М. М., Дмитриев Р. В. Миграционный кризис в регионе Восточной Африки // ВОСТОК (ORIENT) 2023 № 1, С. 50-62. DOI: 10.31857/S086919080023788-3
10. Иванов В.Г., Кассе Ныгусие В.М. Проблема внутренне перемещенных лиц в Эфиопии в контексте парламентских выборов 2020 года // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 633–641. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-633-641
11. Gardachew B.D., Kefale G.M., Kumie G.A. The pitfalls of ethnolinguistic-based federal Experiment in Ethiopia // RUDN Journal of Political Science. 2019. Vol. 21, № 4. P. 661-672. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-661-672
12. Semahagn Abebe (2018.) The developmental state model in Ethiopia: a path to economic prosperity or political repression? Social Evolution & History, Vol. 17 No. 1. P. 123–139. DOI: 10.30884/seh/2018.01.07
13. Antigegn G.K. An Assessment of Religion, Peace and Conflict in the Post 1991 of Ethiopia1 // Vestnik RUDN. International Relations. 2019 Vol. 19 No. 4. P. 607–614. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-607-614
14. Bayeh E. Developmental state of Ethiopia: Reflections on the Costs of Viewing economic growth as a governance criterion // RUDN Journal of Political Science. 2019. Vol. 21, № 4. P. 642-660. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-642-660
15. Гончаров В. Кризис в Эфиопии: плоды «этнического федерализма» // Международная жизнь // 20.09.2021. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/31764> (дата обращения: 09.03.2024)
16. Lie, J., & Mesfin, B. (2018). Ethiopia: A political economy analysis. Report commissioned by the Norwegian Ministry of Foreign Affairs. Norwegian Institute of International Affairs. Norway: Oslo, p. 44.
17. Blanchard, L. P. (2020). The Unfolding Conflict in Ethiopia. Congressional Research Service. <https://crsreports.congress.gov> (accessed March 10, 2024)
18. Opalo, K. O., & Smith, L. (2021). Ideology and succession politics in Ethiopia: Autocratic leadership turnover and political instability. Democratization, 0(0), 1–20. DOI: 10.1080/13510347.2021.1929178
19. Jima, A. O. (2023). Ethiopian political crisis after reform: Causes of Tigray conflict. Cogent Social Sciences, Volume 9, - Issue 1. DOI: 10.1080/23311886.2023.2209991
20. Jima, A. O., & Meissner, R. (2021). Vicious circle of Ethiopian politics: Prospects and

challenges of current political reform. *Cogent Social Sciences*, 7(1). DOI: 10.1080/23311886.2021.1893908

21. Tronvoll, K. (2021). Ethiopia's Tigray War is Fueling Amhara Expansionism. *Foreign Policy*. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/04/28/ethiopia-tigray-war-amhara-abiy-ahmed-expansionism/> (accessed March 09, 2024)
22. Woldemariam, M. (2018). «No war, no peace» in a region in flux: Crisis, escalation, and possibility in the Eritrea-Ethiopia rivalry. *Journal of Eastern African Studies*, 12(3), 407–427. DOI: 10.1080/17531055.2018.1483865
23. Gedamu Y. (2023) Ethiopia's Amhara crisis: Abiy's political failures threaten a return to war. *The Conversation*. URL: <https://theconversation.com/ethiopias-amhara-crisis-abiys-political-failures-threaten-a-return-to-war-211754> (accessed March 09, 2024)
24. Østebø T. (2023). Religious Dynamics and Conflicts in Contemporary Ethiopia: Expansion, Protection, and Reclaiming Space, *African Studies Review*, Volume 66, Issue 3, pp. 721 – 744. DOI: 10.1017/asr.2023.11
25. Østebø T. (2023) Ethiopia: religious tension is getting worse – 5 factors driving groups apart. *The Conversation*. URL: <https://theconversation.com/ethiopia-religious-tension-is-getting-worse-5-factors-driving-groups-apart-214278> (accessed March 09, 2024)
26. Østebø T. (2020). *Islam, Ethnicity, and Conflict in Ethiopia: The Bale Insurgency (1963–1970)*. Cambridge: Cambridge University Press, p. 363.
27. Østebø T., Haustein J., Gedif F., Kadir M. J., Kedir J., Tesfaye Y. A. (2021). Religion, ethnicity, and charges of extremism: the dynamics of inter-communal violence in Ethiopia. *European Institute of Peace*. URL: <https://www.eip.org/wp-content/uploads/2021/03/Ostebo-et-al-2021-Religion-ethnicity-and-charges-of-Extremism-in-Ethiopia-final.pdf#page=14> (accessed March 09, 2024)
28. Tariku Y. (2022). The Red Book: The Political Foundation of the Ethiopian National Defence Forces under the EPRDF, *Ethiopian Journal of the Social Sciences and Humanities (EJOSSAH)*: V. 18, No. 2, p. 31-58.
29. Abbink J. Religion and Violence in the Horn of Africa: Trajectories of Mimetic Rivalry and Escalation between 'Political Islam' and the State. *Politics, Religion & Ideology* Volume 21, 2020 - Issue 2, p. 194-215. DOI: 10.1080/21567689.2020.1754206
30. Kong L., Woods O. (2016). *Religion and Space: Competition, Conflict and Violence in the Contemporary World*. – Bloomsbury Publishing.
31. Constitution of the Federal Democratic Republic of Ethiopia (1995). Constitution of the Federal Democratic Republic of Ethiopia. pp. 1–33. URL: <https://www.refworld.org/docid/3ae6b5a84.html> (accessed March 09, 2024)
32. Turning the Pretoria Deal into Lasting Peace in Ethiopia, *International Crisis Group*, 23 November 2022. URL: <https://www.crisisgroup.org/africa/horn-africa/ethiopia/turning-pretoria-deal-lasting-peace-ethiopia> (accessed March 09, 2024)
33. Агентство ООН по делам беженцев: Позиция УВКБ ООН относительно возвращения беженцев в Эфиопию, март 2022. URL: <https://www.refworld.org/ru/policy/position/unhcr/2022/ru/124066> (дата обращения: 09.03.2024)
34. The Guardian: Ethiopian army chief killed by bodyguard and regional leader dead in coup attempt, 23 Jun 2019. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/jun/23/ethiopia-coup-attempt-leaves-army->

chief-shot-says-

pm#:~:text=In%20a%20separate%20attack%20on,statement%20said%2C%20without%20giving%20details. (accessed March 09, 2024)

35. ADDIS STANDARD: News: PM Abiy Ahmed urges armed groups to lay down weapons, pursue peaceful struggle amid surging impact of conflicts, November 14, 2023. URL: <https://addisstandard.com/news-pm-abiy-ahmed-urges-armed-groups-to-lay-down-weapons-pursue-peaceful-struggle-amid-surging-impact-of-conflicts/> (accessed March 09, 2024)
36. ADDIS STANDARD: News: Senior gov't officials join military leaders in Dar es Salaam as ongoing talks with OLA progress positively, November 13, 2023. URL: <https://addisstandard.com/news-senior-govt-officials-join-military-leaders-in-dar-es-salaam-as-ongoing-talks-with-ola-progress-positively/> (accessed March 09, 2024)
37. APANEWS: Tight security, low turnout at Ethiopia's Meskel festival, 29 September 2023. URL: <https://apanews.net/this-years-ethiopian-meskel-festival-sees-low-turnout-tight-security/#:%7E:text=The%20laity%20is%20restricted%20from,Shirts%20was%20not%20allowed%20too> (accessed March 09, 2024)
38. ADDIS STANDARD: News: Reconciliation committee established to resolve border disputes between Somali, Afar regions, March 10, 2023. URL: <https://addisstandard.com/news-reconciliation-committee-established-to-resolve-border-disputes-between-somali-afar-regions/> (accessed March 10, 2024).
39. Inter-religious council Ethiopia talks strategy for mediation, 28 Jun 2023, URL: <https://www.clingendael.org/news/inter-religious-council-ethiopia-talks-strategy-mediation> (accessed March 09, 2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рецензирование научная статья на тему: «Внутренняя политика Абия Ахмеда в Эфиопии: секьюритизация и разрешение конфликтов» посвящена актуальной проблеме исследования внутри и межгосударственных политических конфликтов последних лет в различных государствах мира на примере Эфиопии.

Считаем, что автором/ами подготовлена достаточно добротная по научной глубине статья, которая полностью соответствует критериям, предъявляемым к такого рода научным публикациям. Во введении автором/ами обоснована актуальность проведенного научного исследования, определена его цель и решаемые задачи.

Положительно следует отметить то обстоятельство, что исследование выверено методологически и содержит в себе необходимую научную дискуссию. В статье автором/ами представлены ссылки на значительное количество отечественных и зарубежных публикаций по заявленной проблеме исследования. Сама источниковая база исследования включила в себя порядка 39 позиций, среди которых - научные статьи, материалы ведущих зарубежных СМИ, нормативные правовые документы и документы международных организаций.

Рецензируемая статья структурирована и содержит методологический раздел, в котором раскрыта основная теоретико-методологическая база исследования.

В целом, проведенный анализ рецензируемой статьи показывает, что сама по себе она не содержит постановки и решения какой-либо глубокой и значимой научной проблемы.

При этом, однако, очевидно, что содержательно статья представляет собой несомненный научный интерес и вносит свой определенный вклад в развитие знаниевой базы государственных и общественно-политических, зачастую конфликтогенных процессов в странах африканского континента в современных условиях их цивилизационного и государственно-политического развития.

В рецензируемой статье авторами представлены особенности политического процесса в современной Эфиопии. Достаточно подробно показана роль действующего премьер-министра Эфиопии А. Ахмеда в значительном снижении уровня конфликтогенности в обществе данной африканской страны и секьютиризации сложных внутригосударственных проблем на современном этапе ее развития. Проведен анализ и дана оценка современному состоянию этнических конфликтов и активности сепаратистских движений в Эфиопии, в том числе, в штатах Амхара, Оромия и Сомали в 2022-2024 гг. Детально описан, так называемый, «Тыграйский» кризис и влияние религиозного фактора на уровень конфликтогенности в стране. Нет сомнений в том, что автор/ы статьи основательно и детально владеют глубокими знаниями по Эфиопии и являются специалистами в исследовании указанной научной проблемы.

Рецензируемая статья изложена понятным языком, она логична и способна вызвать интерес у профессиональной аудитории, а, также, более широкого круга читателей.

Таким образом, исходя из вышесказанного, считаем возможным опубликование рецензируемой статьи «Внутренняя политика Абия Ахмеда в Эфиопии: секьюритизация и разрешение конфликтов» в искомом научном журнале.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Аверьянова-Зайцева Д.А., Барави М.В., Рыжов И.В. Курдский фактор в ближневосточной политике Саудовской Аравии в контексте отношений с Ираком и Ираном // Конфликтология / nota bene. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0617.2024.2.70540 EDN: RTVTWM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70540

Курдский фактор в ближневосточной политике Саудовской Аравии в контексте отношений с Ираком и Ираном

Аверьянова-Зайцева Диана Александровна

ORCID: 0009-0007-6540-4558

аспирант, кафедра истории и политики России, Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603022, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23

✉ averyanov_007@bk.ru

Барави Мелина Владимировна

ORCID: 0009-0004-6063-6948

соискатель, кафедра истории и политики России, Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603022, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23

✉ melinabaravi@gmail.com

Рыжов Игорь Валерьевич

ORCID: 0000-0002-6417-1517

доктор исторических наук

профессор, кафедра истории и политики России, Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603022, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23

✉ ivr@fmo.unn.ru

[Статья из рубрики "Региональные конфликты"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2024.2.70540

EDN:

RTVTWM

Дата направления статьи в редакцию:

22-04-2024

Дата публикации:

08-05-2024

Аннотация: Предметом исследования является сложная взаимосвязь между ближневосточной политикой Саудовской Аравии и курдским вопросом. Она включает в себя изучение отношений, стратегий и действий Саудовской Аравии в отношении курдских групп в регионе, а также факторов, влияющих на ее подход к этому вопросу. Объектом исследования, является ближневосточная политика Саудовской Аравии, то есть это анализ внешнеполитических целей, приоритетов и интересов Саудовской Аравии в ближневосточном регионе, с особым акцентом на то, как курдский фактор влияет на эту политику или пересекается с ней. Это включает в себя изучение дипломатических отношений, проблем безопасности и стратегических расчетов Саудовской Аравии по отношению к Ираку и Ирану, а также ее более широких региональных амбиций. Анализируя курдский фактор в более широком контексте ближневосточной политики Саудовской Аравии, авторы предлагают междисциплинарное понимание, которое соединит области политологии, международных отношений, ближневосточных исследований и курдоведения. Такой междисциплинарный подход позволяет более полно понять сложности, связанные с курдским вопросом, и его последствия для региональной повестки. Научная новизна состоит в том, что: 1. Представлен исторический анализ взаимодействия Саудовской Аравии с курдскими группами в регионе, проливающий свет на прошлую политику, альянсы и конфликты. Контекстуализируя текущие события в исторических рамках, статья предлагает ценную информацию об эволюции подхода Саудовской Аравии к самому курдскому фактору. 2. Оцениваются политические последствия особенностей саудовского подхода к курдскому фактору для региональной стабильности, безопасности, дипломатических и региональных международных отношений. Анализируя потенциальные последствия различных политических решений, статья предоставляет ценные идеи относительно эффективных стратегий управления курдским вопросом в более широких рамках ближневосточной политики. 3. Определенным элементом научной новизны является рассмотрение курдского фактора в более широком контексте ближневосточной политики Королевства Саудовской Аравии. Авторы предлагают междисциплинарное понимание, которое соединит области политологии, международных отношений, ближневосточных исследований и курдоведения. Такой междисциплинарный подход позволяет более полно понять сложности, связанные с курдским вопросом, и его последствия для региональных международных отношений.

Ключевые слова:

Саудовская Аравия, Иран, Ирак, курдский вопрос, Ближний Восток, региональная политика, США, Китай, Россия, этнический Курдистан

Актуальность темы исследования заключается в первую очередь в том, что курдское население проживает во многих странах Ближнего Востока, включая Ирак, Иран, Сирию и Турцию. Их стремление к автономии или независимости влияет на региональную стабильность и динамику власти. Понимание того, как Саудовская Аравия воспринимает и решает курдский вопрос в этом более широком геополитическом контексте, имеет

решающее значение для понимания сложностей региональной политики. Более того, Саудовская Аравия и Иран – это крупные региональные державы с конкурирующими интересами и влиянием на всем Ближнем Востоке. Курдский фактор добавляет еще один слой к их соперничеству, поскольку обе страны могут стремиться использовать курдские группировки для достижения своих стратегических целей. Анализ подхода Саудовской Аравии к курдскому вопросу в сравнении с ее отношениями с Ираном позволяет понять динамику этого продолжающегося соперничества.

Не стоит забывать, что также курдский вопрос имеет последствия для безопасности и стабильности на Ближнем Востоке. Напряженные отношения между курдскими группами и центральными правительствами, а также региональные конфликты с участием курдских ополченцев могут усилить нестабильность. Понимание того, как Саудовская Аравия воспринимает и учитывает курдский фактор при выработке своей политики, вносит вклад в оценку динамики региональной безопасности.

Методология и методы исследования. В качестве методологии статьи авторами использовался системный подход, применение которого обусловлено тем, что на формирование региональной политики Эр-Рияда оказывают влияние целый ряд социально-экономических, военно-политических и религиозно-этнических факторов. С помощью методов эмпирического и теоретического характера, таких как синтез и анализ, проанализированы основные проблемы, влияющие на систему региональной политики Королевства, в частности на отношения с Ираком и Ираном. В основе исследования лежат общенаучные методы – исторический подход и анализ научной литературы. Данные методы используются для установления исторических процессов, в рамках которых устанавливается архитектура принятия решения и их вес в процессе принятия внешнеполитических решений. Кроме того, на основе теоретического анализа данных (официальные сайты организаций, сообщения средств массовой информации и т. д.) дана объективная картина текущего состояния внутренних отношений среди курдов. В процессе работы над настоящим исследованием были использованы хронологический и структурный методы и сравнительный анализ, а также структурно-функциональный метод, которые позволили рассмотреть все составляющие ближневосточной подсистемы международных отношений как единую региональную подсистему, а также метод критической геополитики, который позволил отразить динамичный характер международных отношений на Ближнем Востоке.

Степень научной разработанности темы. Историографическую базу данного исследования составили труды зарубежных авторов. Данная проблематика находится на продвинутом этапе научной разработки, о чем свидетельствует обширный массив цитируемой литературы. Глубина и широта научного охвата свидетельствуют о тщательном исследовании сложностей, связанных с курдским вопросом в рамках региональной политики.

Ключевым вкладом в этот дискурс являются такие научные статьи, как, например, «Парадипломатия Курдистана в Ираке и курдская государственность» Аббаса Заде Юсефа и Кирманжа Шерко, в которой рассматриваются нюансы динамики стремления курдов к государственности и их последствия для региональной стабильности. С нашей точки зрения, ценным историографическим источником является такой труд Аль-Рашида Мадави «Саудовская Аравия и вызов американского вторжения в Ирак», который содержит достаточно глубокий анализ реакции Саудовской Аравии на геополитические сдвиги, проливая свет на ее позицию в отношении курдского вопроса на фоне меняющейся региональной динамики.

«Иракские курды и государственное строительство» Ахмеда Мохаммеда, предлагают глубокое исследование курдского стремления к государственности, давая ценное представление об исторических и современных аспектах курдской идентичности и политической самостоятельности. Современные перспективы также представлены в таких докладах, как «Иран и Барзани: ухудшение отношений и риск неизбежного столкновения?» Али Отмана и «Курдская независимость... страхи и предчувствия» Аль-Рашида Абдулрахмана предлагают актуальный взгляд на развивающуюся динамику между курдскими группами, Ираном и Саудовской Аравией. Эти материалы подчеркивают актуальность происходящих событий и их последствия для региональной стабильности и безопасности.

Введение

С самого начала операции «Буря в пустыне» в 1990 году и до свержения Соединенными Штатами режима Саддама Хусейна в 2003 году Саудовская Аравия выступала в качестве основного арабского союзника США в решении вопросов, связанных с Ираком и глобальной стабильностью. Однако, во время и после этого периода давление на американо-саудовские отношения в связи с необходимостью урегулирования ситуации в Ираке и противостояния Саддаму Хусейну достигло беспрецедентного уровня, особенно усугубленного последствиями террористических атак 11 сентября 2001 года и предстоящей американской интервенцией. Этот «особый» контекст американо-саудовских отношений в отношении Ирака впоследствии перешел в более обычную схему, когда интересы и стратегии обеих стран в отношении Ирака часто пересекались или сталкивались в зависимости от конкретных обстоятельств.

С момента образования Саудовской Аравии и Ирака после Первой мировой войны двусторонние отношения постоянно сталкивались с трудностями. Эпоха после Саддама Хусейна ставит новые проблемы, касающиеся нефтяной геополитики, влияния иракской демократии на Саудовскую Аравию, трансграничной религиозной динамики - особенно среди шиитского населения в обеих странах - и последствий поддержки Саудовской Аравии.

В сложном геополитическом ландшафте Ближнего Востока отношения с курдами имеют важное значение для Саудовской Аравии. Это стратегическое взаимодействие является многогранным и обусловлено сочетанием геополитических соображений, интересов энергетической безопасности и гуманитарных проблем. Одна из основных причин интереса Саудовской Аравии к развитию связей с курдскими группировками кроется в стратегических геополитических расчетах. Расположенная в регионе, отмеченном политической нестабильностью и конфликтами, Саудовская Аравия рассматривает курдов как потенциальных союзников в обеспечении стабильности и противодействии общим противникам. Поскольку курды контролируют территории, охватывающие части Ирака, Сирии, Турции и Ирана, Саудовская Аравия видит возможность установить партнерские отношения, которые могли бы обеспечить дополнительные рычаги воздействия и влияние на региональную динамику.

Идентичность курдов и вопрос их политического статуса

Курды, этническая группа, проживающая преимущественно в регионе, известном как Курдистан и охватывающем части Турции, Ирака, Ирана и Сирии, представляют собой одну из крупнейших в мире наций без гражданства с населением более 30 миллионов человек. Обладая отдельным языком, культурой и самобытностью, курды давно стремятся к самоопределению и автономии.

Центральное место в дискуссиях о курдах занимает «курдская проблема», охватывающая их длительную борьбу за признание культурных и политических прав, включая самоуправление и независимость. Исторически подвергаясь угнетению со стороны правительств Турции, Ирака, Ирана и Сирии, где они составляют значительное меньшинство населения, курдская проблема остается сложным и нерешенным вопросом, формирующимся под влиянием политических, социальных и этнических факторов.

Истоки курдской проблемы можно отнести к периоду после Первой мировой войны, когда Севрский договор обещал курдам создание независимого государства, но так и не был полностью реализован. Последующие события, включая создание современных национальных государств на Ближнем Востоке и курдские восстания в разных странах, еще больше подогрели стремление курдов к самоуправлению. Усилия по устранению недовольства курдов и достижению мирного урегулирования сталкиваются с серьезными проблемами, включая динамику региональной власти, геополитические интересы и внутренние разногласия внутри курдских общин.

Современное состояние курдской проблемы в разных регионах неодинаково. Например, в Турции она остается ключевым аспектом внутренней политики, а Рабочая партия Курдистана (РПК) ведет длительную повстанческую борьбу, добиваясь расширения прав и автономии курдов. Аналогичным образом, курды в Иране сталкиваются с репрессиями и ограниченным политическим участием, а в Сирии они стремятся к большей автономии на фоне сложностей сирийского конфликта.

Ирак представляет собой особый сценарий, где курды добились заметного прогресса на пути к автономии после создания Курдистана в 1992 году. Управляемый Региональным правительством Курдистана (РПК), автономный курдский регион сталкивается с постоянной напряженностью в отношениях с центральным правительством в Багдаде по поводу распределения доходов и территориальных споров. Сама история курдов в Ираке богата и запутанна, она охватывает века борьбы, стойкости и сопротивления угнетению. Их история начинается в древней Месопотамии, где курдские племена и кланы населяли регион, внося свой вклад в его культурный гобелен [Mansour, 2018, p.5]. В эпоху османского владычества курдские территории на территории современного Ирака управлялись полуавтономно местными вождями, известными как «паши». Несмотря на это, курды подвергались дискриминации и периодически поднимали восстания против османской власти.

После Первой мировой войны в регионе произошли значительные изменения. Как и упоминалось ранее, Севрский договор первоначально обещал курдам независимое государство, но это обещание так и не было выполнено. Вместо этого территория попала под британский мандат, а Ирак возник как национальное государство в 1921 году. Однако курды оказались на периферии общества в составе нового иракского государства, что привело к недовольству и спорадическим восстаниям против центральной власти.

На протяжении всего XX века курдские восстания против иракского правительства были постоянной темой. Среди них выделяется восстание 1946 года под руководством Мустафы Барзани, целью которого было создание независимого курдского государства. Несмотря на первоначальный успех, в конечном итоге восстание было подавлено иракскими войсками.

Самая разрушительная глава в истории курдов в Ираке произошла во время режима Саддама Хусейна в 1980-х годах. Кампания геноцида «Анфаль» была направлена против

курдских общин на севере Ирака, что привело к гибели тысяч людей и перемещению остального населения. Целью этой кампании было подавление восстания курдов и уничтожение их культуры и идентичности. Под эгидой операции «Анфаль» произошла серия массовых убийств, массовых депортаций и атак на курдские деревни и поселки. В рамках этих действий было убито от 50 000 до 100 000. Одним из самых известных и страшных инцидентов в рамках геноцида «Анфаль» является химическая атака на город Халабджа в 1988 году, в результате которой погибли тысячи мирных жителей, включая множество женщин и детей. Эта трагедия остается одной из самых крупных химических атак против гражданского населения в истории [Mansour, 2018, p.12].

Эпоха после Саддама принесла значительные изменения в курдский регион Ирака. После свержения режима Хусейна в 2003 году Иракский Курдистан получил фактическую автономию. Создание Регионального правительства Курдистана (РПК) официально закрепило эту автономию, предоставив региону собственный парламент, вооруженные силы и контроль над некоторыми территориями [Zeidel, 2018, p.49]. Однако, напряженность в отношениях с центральным правительством Ирака сохранялась, особенно по таким вопросам, как распределение доходов, спорные территории, такие как Киркук, и экспорт нефти.

Вопрос о Киркуке и экспорте нефти в Ираке имеет глубокие исторические корни, сформированные веками геополитических маневров и этнического соперничества. Стратегическое значение Киркука восходит к древним временам, когда он служил ключевым торговым узлом на Шелковом пути, соединявшем средиземноморский мир с Центральной Азией. В эпоху Османской империи значение Киркука росло по мере того, как империя расширяла свой контроль над Месопотамией, используя богатые запасы нефти в этом регионе. Однако современная нефтяная промышленность зародилась лишь в начале XX века, когда в 1920-х годах британские исследователи обнаружили в Киркуке обширные нефтяные месторождения.

Последующий раздел Османской империи после Первой мировой войны заложил основу для включения Киркука в состав новообразованного государства Ирак. Нефтяные богатства города стали средоточием конкурирующих интересов: британские, а затем и американские компании боролись за контроль над добычей и экспортом нефти. Этнические противоречия в Киркуке также сыграли значительную роль в формировании его истории. В городе проживает разнообразное население - курды, арабы, туркмены и другие этнические группы, каждая из которых имеет свои собственные претензии на этот регион. На протяжении XX века сменявшие друг друга иракские правительства проводили в Киркуке политику «арабизации», вытесняя курдские и другие неарабские общины. Стоит отметить, что курды, в частности, давно пытаются отстоять свои права в Киркуке, рассматривая его как неотъемлемую часть своей исконной родины. Курдские восстания против центральной власти в XX веке часто включали требования автономии и признания курдской идентичности в Киркуке. После падения режима Саддама Хусейна Киркук стал очагом напряженности между центральным правительством Ирака и Региональным правительством Курдистана (РПК). Споры о распределении доходов от продажи нефти, контроле над нефтяными месторождениями и статусе самого Киркука часто обостряли отношения между Багдадом и Эрбилем. В последние годы предпринимаются усилия по решению проблемы Киркука путем переговоров и заключения соглашений о разделении власти. Однако этнические, экономические и политические интересы, лежащие в основе этого вопроса, по-прежнему создают проблемы для поиска долгосрочного решения дилеммы Киркука и экспорта нефти в Ираке [Abbas Zadeh & Kirmanj, 2017, p.587].

В 2014 году возникновение Исламского государства Ирака и Сирии (ИГИЛ) представляло значительную угрозу стабильности Ирака, что заставило курдские силы Пешмерга, сыграть важную роль в борьбе с экстремистской группировкой. Эффективное сопротивление курдов против ИГИЛ укрепило их международный авторитет и подчеркнуло их роль в качестве ключевого союзника в борьбе с терроризмом.

Стоит отметить, что напряженность в отношениях между РПК и центральным правительством в Багдаде сохранялась, особенно по вопросам, связанным с доходами от продажи нефти (территории Киркука), территориальными спорами и политическим представительством. Проведенный в 2017 году референдум о независимости курдов еще больше обострил эти противоречия. Багдад отверг его результаты и ввел карательные меры в отношении РПК.

Несмотря на эти проблемы, курды сохранили свои позиции в качестве влиятельной политической силы в Ираке. РПК продолжает отстаивать свою автономию, одновременно участвуя в переговорах с Багдадом для решения нерешенных вопросов и обеспечения своего места в иракском государстве. По всему региону усилия по решению курдской проблемы требуют учета сложной геополитической динамики и укоренившихся интересов. Несмотря на серьезные проблемы, курды по-прежнему стремятся к самоопределению, что подчеркивает непреходящее значение курдского вопроса в более широком ближневосточном контексте.

Влияние курдского вопроса на динамику внешней политики Саудовской Аравии по отношению к Ирану

Между двумя региональными гигантами существует достаточно сложное и зачастую напряженное взаимодействие, которое обусловлено множеством исторических, религиозных, идеологических и геополитических переменных. Саудовская Аравия и Иран ведут давнее соперничество, которое берет начало в их полярных интересах регионального лидерства и в их межконфессиональных противоречиях. Иранская революция 1979 года, свергнувшая шаха и установившая исламскую теократию во главе с аятоллой Хомейни, усилила это соперничество и привела к возникновению Исламской Республики Иран. В целом, главной задачей иранской революции 1979 года было создание политической структуры с географическим расширением за пределы политических границ Ирана посредством процесса политического моделирования. Первые черты шиитской геополитики сформировались именно с победой иранской революции, которая была основана на характере религиозно-теократического режима. Необходимо отметить, что шиитская геополитика - это выражение шиитской географии, влияющей на международные отношения власти. Подталкивая шиитские общины к связям с иранским централизмом, а затем формируя растущую международную силу, Иран становится международным полюсом, стремящимся изменить международный порядок на основе многополярности. Иначе говоря, шиитская геополитика по сути является иранским геостратегическим проектом, отражающим природу геополитических предположений [Othman, 2017, p.6].

Анализируя саудско-иранские двусторонние отношения, необходимо отметить, что страны поддерживают противостоящие силы в региональных кризисах и втянуты в затяжную войну за влияние на всем Ближнем Востоке. Это соперничество принимает форму политических интриг, прокси-конфликтов и попыток повлиять на результаты значимых региональных событий. В качестве примера можно привести их соответствующие роли в гражданской войне в Сирии, в которой Иран поддерживает режим Асада, а Саудовская Аравия - повстанческие организации. События «арабской весны» в 2011 году и

последующие региональные беспорядки создали определенные трудности как для Саудовской Аравии, так и для Ирана. В то время как Иран видел возможности для расширения своего влияния на фоне смены режима и народных восстаний, Саудовская Аравия рассматривала эти события как угрозу своей собственной стабильности и стремилась противостоять иранскому влиянию.

КСА стремится уравновесить влияние Ирана посредством стратегических альянсов с региональными и международными партнерами-единомышленниками [Asli, 2016, p.23]. Совет сотрудничества стран Персидского залива (ССАГПЗ), в состав которого входят Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), служит платформой для коллективной безопасности и сотрудничества против предполагаемых угроз. Кроме того, Саудовская Аравия поддерживает прочные связи с Соединенными Штатами, которые разделяют обеспокоенность по поводу региональных амбиций и ядерной программы Ирана.

Политика Саудовской Аравии направлена на сдерживание влияния Ирана, изолируя его дипломатически, экономически и в военном отношении. Это включает в себя усилия по мобилизации международной поддержки санкций против Ирана, особенно в отношении его ядерной программы. Саудовская Аравия также стремится ограничить региональное влияние Ирана, поддерживая союзников и доверенных лиц, соответствующих ее интересам, таких как правительство Йемена в его конфликте против поддерживаемых Ираном повстанцев-хуситов. Иначе говоря, гражданская война в Йемене, начавшаяся в 2014 году, переросла в прокси-конфликт между Саудовской Аравией и Ираном. Саудовская Аравия вмешалась военным путем в поддержку международно признанного правительства против повстанцев-хуситов. Конфликт обострил напряженность между двумя региональными державами и способствовал гуманитарному кризису в Йемене.

Союз с Соединенными Штатами был выбором Королевства для борьбы с угрозой со стороны «иранского соседа», и он был эффективным и успешным в своей миссии, доказав взаимовыгодность для обеих сторон на протяжении десятилетий [Eilts, 2004, p.219]. Однако в последнее время Соединенные Штаты постепенно начали смещать свои стратегические приоритеты с Ближнего Востока. Нападения на нефтяные объекты Saudi Aramco в Абгайке и Хурайсе в сентябре 2019 года и безрезультатная реакция Вашингтона стали переломным моментом в восприятии безопасности Саудовской Аравии. Эр-Рияд осознал бесперспективность опоры исключительно на союз с США и активизировал усилия по диверсификации своих партнеров в сфере безопасности и военной сфере, включая укрепление сотрудничества в области безопасности с Китаем и Россией. И 10 марта 2023 года, в результате переговоров в Пекине, Саудовская Аравия и Иран достигли соглашения о восстановлении дипломатических связей и открытии посольств в течение двух месяцев. По сути, примирение с Ираном является проявлением этого относительного сдвига в саудовской доктрине безопасности, «безопасность в обмен на нефть». Восстанавливая отношения с Ираном, королевство надеется, что дипломатия поможет уменьшить его подверженность прямым иранским атакам, а также побочному ущербу, вызванному ухудшением американо-иранских отношений и взаимной военной эскалацией между Ираном и Израилем. Саудовско-иранская сделка имеет и коммерческий смысл: Эр-Рияд считает, что его безопасность крайне важна для того, чтобы не нарушить разведку, транспортировку и продажу нефти, а усилия Саудовской Аравии по снижению зависимости от экспорта нефти и диверсификации экономики создают новые модели региональных партнерств и соперничества, поэтому сейчас она пересматривает свои непростые отношения с Ираном, а также меняет вектор развития двусторонних отношений с Ираком, в частности с курдами. Саудовская Аравия стремится

уравновесить иранское влияние в регионе, и эта цель соответствует ее более широкой геополитической повестке дня. Иран исторически поддерживал тесные связи с курдскими группировками, особенно в Ираке и Сирии. Взаимодействуя с курдскими организациями, Саудовская Аравия стремится уменьшить влияние Ирана и не дать Тегерану дальнейшего расширения своего влияния в регионе. И соответственно, поддержка курдских интересов служит средством сдерживания иранского влияния и продвижения стратегических целей Саудовской Аравии.

Как уже было отмечено ранее, Саудовская Аравия стремится уравновесить иранское влияние в регионе, и эта цель соответствует ее более широкой геополитической повестке дня. Иран исторически поддерживал тесные связи с курдскими группировками, особенно в Ираке и Сирии. Взаимодействуя с курдскими организациями, Саудовская Аравия стремится уменьшить влияние Ирана и не дать Тегерану дальнейшего расширения своего влияния в регионе. Поддержка курдских интересов служит средством сдерживания иранского влияния и продвижения стратегических целей Саудовской Аравии.

После войны в Ираке в 2003 году Саудовская Аравия осторожно, но целенаправленно начала налаживать связи с Региональным правительством Курдистана (РПК), признавая геополитическое и экономическое значение Курдистана в эпоху после Саддама Хусейна. Изначально Саудовская Аравия подходила к ситуации с оговорками, но вскоре признала стратегическую важность развития отношений сотрудничества с курдами [Al-Rasheed, 2006, p.158]. Необходимо отметить, что данное сотрудничество было многогранным и охватывало различные сферы, среди которых важное место занимало экономическое сотрудничество. Признание Саудовской Аравией значительных запасов нефти в Курдистане побудило королевство приступить к масштабным инвестициям в курдские нефтяные месторождения. Эти инвестиции были не только значительными, но и стратегически важными, поскольку отражали намерение Саудовской Аравии получить долю в прибыльном курдском энергетическом секторе. Более того, Иракский Курдистан (ИК) (преимущественно Киркук) может похвастаться значительными запасами нефти, что делает его важным игроком на мировом энергетическом рынке. Признавая важность диверсификации энергетического партнерства, Саудовская Аравия стремится обеспечить доступ к курдским нефтяным ресурсам посредством расширения сотрудничества с курдскими властями. Такое сотрудничество не только способствует достижению долгосрочных целей энергетической безопасности Саудовской Аравии, но и укрепляет ее позиции на мировом энергетическом ландшафте.

Взаимодействие Саудовской Аравии с РПК выходило за рамки экономических интересов и включало в себя более широкие стратегические соображения. Королевство рассматривало Курдистан как потенциального союзника в регионе, чреватом политической нестабильностью и изменчивостью альянсов. Развивая связи с КРГ, Саудовская Аравия стремилась укрепить свое влияние в Ираке и на всем Ближнем Востоке, одновременно подстраховываясь от региональных противников.

Помимо экономических инвестиций, Саудовская Аравия активно поддерживала инфраструктурные проекты в Курдистане - от транспортных сетей до образовательных учреждений. Эти инициативы были направлены не только на стимулирование экономического роста, но и на содействие социальному развитию и стабильности, тем самым укрепляя позиции королевства в регионе. Кроме того, это взаимодействие было подкреплено тонким пониманием стремления курдов к автономии и самоопределению. Уважая территориальную целостность Ирака, королевство признавало законные политические права курдов и стремилось использовать их региональное влияние для

продвижения взаимных интересов.

В целом, сотрудничество между Саудовской Аравией и РПК представляло собой стратегическое согласование интересов, обусловленное экономическими возможностями, геополитическими соображениями и взаимным уважением. Благодаря своему многогранному взаимодействию с Курдистаном Саудовская Аравия позиционировала себя в качестве ключевого игрока в меняющейся динамике Ближнего Востока, заложив основу для прочного партнерства, которое будет определять региональную политику и экономику на долгие годы вперед.

Заключение

В заключение следует отметить, что динамика отношений между Саудовской Аравией и Региональным правительством Курдистана (РПК) претерпела значительные изменения со времен войны в Ираке 2003 года, кульминацией которых стал спорный референдум о независимости 2017 года и продолжается по сей день. Изначально обусловленные общей оппозицией режиму Саддама Хусейна и последующими усилиями по стабилизации послевоенного Ирака, отношения Саудовской Аравии и РПК развивались на фоне изменения региональной динамики и геополитических соображений.

После войны в Ираке Саудовская Аравия стала постепенно сотрудничать с РПК, рассматривая курдскую автономию как потенциальный противовес иранскому влиянию в Ираке. Экономические связи процветали, а саудовские инвестиции играли ключевую роль в развитии РПК, хотя и в рамках федеральной структуры Ирака. Однако референдум о независимости 2017 года стал определенной «проверкой на прочность» этих двусторонних отношений, поскольку Саудовская Аравия, наряду с другими региональными и международными игроками, выразила обеспокоенность потенциальными дестабилизирующими последствиями отделения курдов. Хотя Саудовская Аравия подтвердила свою поддержку территориальной целостности Ирака, она поддерживала диалог с РПК, признавая сложность курдских устремлений и необходимость инклюзивного управления в Ираке.

В перспективе будущее отношений между Саудовской Аравией и РПК остается неопределенным, которое также будет зависеть от развивающейся региональной динамики, внутренней политикой Ирака и более широких геополитических тенденций. Взаимодействие с РПК по вопросам, представляющим взаимный интерес, таким как сотрудничество в области безопасности и экономическое развитие, может создать возможности для конструктивного диалога и партнерства, поскольку Саудовская Аравия стремится сбалансировать свои стратегические интересы с региональной стабильностью.

Библиография

1. Abbas Zadeh, Yoosef, & Kirmanj, Sherko. (2017). The para-diplomacy of the Kurdistan Region in Iraq and the Kurdish statehood enterprise. *The Middle East Journal*, 71(4), 587–606. doi: 10.3751/71.4.14
2. Ahmed, Mohammed (2012). *Iraqi Kurds and nation-building*. New York: Palgrave Macmillan.
3. Ali, Othman. (2017). Iran and Barzani: Worsening relations and the risk of an inevitable clash? *Orsam Review of Regional Affairs*, 58, 1–14.
4. Al Jazeera. (2020). Iraq, Saudi Arabia reopen Arar border crossing after 30 years. Retrieved from <https://www.aljazeera.com/news/2020/11/18/iraq-saudi-reopen-arar-border-crossing-after-30-years>
5. Al-Rasheed, Madawi. (2006). Saudi Arabia and the challenge of the American invasion of

- Iraq, 153–161. Fawn Rick, & Hinnebusch Raymond (Eds.). *The Iraq War: Causes and consequences*. Boulder, Colo.: Lynne Rienner Publishers.
6. Al-Rasheed, Madawi. (2015). *Saudi Arabia's foreign policy: Loss without gain?* London, UK: London School of Economics and Political Science, Middle East Centre.
 7. Al-Rasheed, Abdulrahman. (2017). Kurdish independence... fears and premonitions. Asharq Al-Awsat. Retrieved from <https://eng-archive.aawsat.com/abdul-rahman-al-rashed/opinion/kurdish-independence-fears-premonitions>
 8. Aras, Bülent, & Falk, Richard. (2016). Five years after the Arab Spring: A critical evaluation. *Third World Quarterly, Taylor & Francis Journals*, 37(12), 2252–2258. doi: 10.1080/01436597.2016.1224087
 9. Aslı Kelkitli, Fatma. (2016). Saudi-Iranian entanglements in the Persian Gulf: Is rapprochement possible? *The Turkish Yearbook of International Relations*, 47, 23–44. doi: 10.1501/Intrel_0000000306
 10. Ataman, Muhittin. (2003). The impact of non-state actors on world politics: A challenge to nation-states. *Alternatives Turkish Journal of International Relations*, 2(1), 42–66.
 11. Aydınli, Ersel. (2015). Assessing violent non-state actorness in global politics: A framework for analysis. *Cambridge Review of International Affairs*, 28 (3), 424–444. doi: 10.1080/09557571.2013.819316
 12. BBC. (2003). Saudis warn US over Iraq War. Retrieved from http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/2773759.stm
 13. Baumann Rainer, & Stengel Frank. (2013). Foreign policy analysis, globalisation and non-state actors: State centric after all? *Journal of International Relations and Development*, 17(4), 489–521. doi:10.1057/jird.2013.12
 14. Bongers, Rob. (2012). Iran's foreign policy towards post-invasion Iraq. *Journal of Politics & International Studies*, 8, 124–160.
 15. Buzan, Barry, & Waeber, Ole. (2003). *Regions and powers: The structure of international security*. New York: Cambridge University Press.
 16. Charountaki, Marianna. (2018). State and non-state interactions in International Relations: An alternative theoretical outlook. *British Journal of Middle Eastern Studies*, 45(4), 528–542. doi: 10.1080/13530194.2018.1430530
 17. Daily Sabah. (2015). Former Saudi consultant reveals a plan to establish "Great Kurdistan". Retrieved from <https://www.dailysabah.com/mideast/2015/06/16/former-saudi-consultant-reveals-a-plan-to-establish-great-kurdistan>
 18. Dehghanpisheh, Babak. (2016). To Iranian eyes, Kurdish unrest spells Saudi incitement. Reuters. Retrieved from <https://uk.news.yahoo.com/iranian-eyes-kurdish-unrest-spells-saudi-incitement-114743642.html>
 19. GOV.KRD. (2021). PM Masrour Barzani meets with Saudi Arabian Ambassador to Iraq. Retrieved from <https://gov.krd/english/government/the-prime-minister/activities/posts/2021/september/pm-masrour-barzani-meets-with-saudi-arabian-ambassador-to-iraq/>
 20. Hermann, Frederick Eilts (2004). Saudi Arabia's foreign policy, 219–244. In Brown Leon Carl (Ed.), *Diplomacy in the Middle East: International relations of regional and outside powers*. London; New York: I.B. Tauris.
 21. Eisenstadt, Michael, Knights, Michael, & Ali, Ahmed. (2011). *Iran's influence in Iraq: Countering Tehran's whole-of-government approach*. Policy Focus # 111. Washington: Washington Institute for Near East Policy.
 22. Hawramy, Fazel. (2018). Will Riyadh-Tehran rivalry kill Iraqi Kurdistan's investment drive? Al-Monitor. Retrieved from <https://www.al-monitor.com/originals/2018/08/iraq-kurdistan-saudi-investment-iran.html>
 23. Gulmohamad, Zana. (2021). *The making of foreign policy in Iraq: Political factions and*

the ruling elite. London; New York: I.B. Tauris.

24. Hearst, David. (2017). How Saudi tried to use the Kurds to clip Iran's wings. Middle East Eye. Retrieved from <https://www.middleeasteye.net/opinion/how-saudi-tried-use-kurds-clip-irans-wings>

25. Homa, Ava. (2017). Saudis storm social media in support of Kurdistan Independence. Kurdistan 24. Retrieved from <https://www.kurdistan24.net/en/news/b341be09-9be6-4707-bdfb-dc4d7fd68ed4>

26. Mansour, Renad. (2018). Saudi Arabia's new approach in Iraq. Center for Strategic and International Studies. Retrieved from <https://www.csis.org/analysis/saudi-arabias-new-approach-iraq>

27. Özdemir, Volkan, & Raszewski, Slawomir. (2016). State and sub-state oil trade: The Turkey-Kurdistan regional government deal. *Middle East Policy*, 23(1), 125–135. doi: 10.1111/mepo.12178

28. Riamei, Lungthuiyang. (2015). *The Kurdish question: Identity, representation, and the struggle for self-determination*. New Delhi: KW Publishers Pvt Ltd.

29. Romano, David. (2020). Sub-state actors and foreign policy risk-taking: The Kurdistan Regional Government of Iraq. *Kurdish Studies*, 8 (2), 339–369. doi: 10.33182/ks.v8i2.533

30. Rudaw. (2016). Saudi Arabia opens Erbil consulate. Retrieved from <https://www.rudaw.net/english/kurdistan/230220168>

31. Rudaw. (2018). Saudi Arabia eyes Kurdistan as starting point for investing in Iraq. Retrieved from <https://www.rudaw.net/english/business/240720181>

32. Stansfield, Gareth. (2014). *Kurdistan rising: To acknowledge or ignore the unravelling of Iraq*. Brookings Institution. Middle East Memo, 33.

33. The New York Times. (2007). Saudi King is said to be angered by Maliki. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2007/04/29/world/americas/29iht-royal.4.5493662.html>

34. Zeidel, Ronen. (2018). Iraqi-Saudi relations 2017–2018: Expectations and limits. *Middle East Policy*, 2(4), 49–56. doi: 10.1111/mepo.12376

35. Zeino-Mahmalat, Ellinor. (2012). Saudi Arabia's and Iran's Iraq policies in the post-Gulf war era: Re-thinking foreign policy analysis in the Gulf at the intersection of power, interests, and ideas. Universität Hamburg. Retrieved from <https://ediss.sub.uni-hamburg.de/handle/ediss/4606>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает курдский фактор в ближневосточной политике Саудовской Аравии. Авторы справедливо связывают высокую степень актуальности выбранной для исследования темы с дисперсностью проживания курдского населения на территориях разных государств, что имеет прямым следствием стремление курдов к обретению государственной автономии Курдистана, а это в свою очередь не может не сказываться на стабильности и безопасности указанных государств. Кейсу Саудовской Аравии в решении «курдского вопроса» дополнительную актуальность придаёт соперничество этого королевства с Ираном, резко активизировавшееся после войны в Ираке 2003 г. и утраты Багдадом роли фактора, уравнивающего влияние Ирана в регионе. Таким образом, выбранную авторами рецензируемой статьи тему следует признать и очень актуальной, и безусловно интересной. В качестве базовой методологии авторы декларировали системный подход, а также исторический, структурный и компаративный методы. Странно, что авторы

упоминают методы критической геополитики (хотя они парадигма критической геополитики обычно связывается с анализом дискурса, нарративов и проч. аспектов, связанных не столько с географией, сколько с ментальностью акторов геополитики, использования чего в рецензируемой статье не обнаруживается), при этом не указав институциональный метод, который действительно постоянно использовался в процессе исследования. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило авторам получить результаты, обладающие признаками научной новизны. Прежде всего, речь идёт о выявленном и проанализированном курдском факторе во внешней политике Саудовской Аравии в отношении сдерживания Ирана – авторы последовательно раскрывают использование этого фактора Саудовской Аравией в её стремлении уравновесить иранское влияние в регионе. С этим связан ещё один любопытный момент: расширяющееся взаимодействие Эр-Рияда с Региональным правительством Курдистана вплоть до формирования стратегического партнёрства, не ограничивающегося экономическими интересами. На этом фоне не менее интересна официальная поддержка Саудовской Аравией территориальной целостности Ирака после 25 сентября 2017 года. В структурном плане рецензируемая статья также не вызывает серьёзных нареканий: её логика достаточно последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. В тексте выделены следующие разделы: - условная квалификационная часть (почему-то предваряющая «Введение», а не входящая в него) – «актуальность», «методология и методы исследования», «степень научной разработанности темы»; - «Введение», где проблематизируется курдский фактор в отношениях Саудовской Аравии, Ирана, Ирака, США и др. геополитических акторов в регионе; - «Идентичность курдов и вопрос их политического статуса», где даётся характеристика курдов как этнической группы, а также раскрывается история «курдского вопроса»; - «Влияние курдского вопроса на динамику внешней политики Саудовской Аравии по отношению к Ирану», где собственно реализуется авторский замысел по раскрытию значимости курдского фактора в политике сдерживания Тегерана Саудовской Аравией; - «Заключение», где резюмируются результаты проведённого исследования, делаются выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований. Стиль статьи научный. В тексте встречается некоторое количество стилистических погрешностей (например, повторы слов «...используются для установления исторических процессов, в рамках которых устанавливается...», «принятия решения... в процессе принятия внешнеполитических решений»; или просто неудачные выражения вроде «данная проблематика находится на продвинутом этапе научной разработки», или «эти материалы подчёркивают... последствия» (как можно подчёркивать сами последствия? – не их важность или разрушительность, а сами последствия?), или «беспрецедентный уровень, особенно усугубленный» (как можно усугубить уровень? усугубить, т. е. усилить можно фактор, а уровень только повысить или понизить); и др.), но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 35 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при анализе степени научной разработанности темы исследования.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные авторами результаты будут интересны политологам, социологам, конфликтологам, специалистам в области межэтнических отношений, мировой политики и международных отношений, а также студентам перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene». По результатам рецензирования статья

рекомендуется к публикации.

Conflict Studies / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Awah J., Xue F., Ngoye S., Achonwa E. The evolution and impact of Boko Haram in the Lake Chad Basin in a Multipolar world. // Конфликтология / nota bene. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0617.2024.2.70646 EDN: LBNZRO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70646

The evolution and impact of Boko Haram in the Lake Chad Basin in a Multipolar world. / Развитие и влияние «Боко Харам» в бассейне озера Чад в условиях многополярного мира

Ауа Джеремай Акуро

ORCID: 0000-0002-8085-0894

ассистент, кафедра Теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов имени патриса лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 15, кв. 14

✉ acuro96@gmail.com

Сюэ Фужун

аспирант, кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 21, кв. 3

✉ xuefurong111@gmail.com

Нгойе Софи Татьяна

аспирант, кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 15, кв. 1

✉ sophie.ngoye.sn@gmail.com

Ачонва Етель Чинве

аспирант, кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 3, кв. 22

✉ ethelchinwe@mail.ru

[Статья из рубрики "Политические аспекты борьбы с международным терроризмом и политическим экстремизмом"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2024.2.70646

EDN:

LBNZRO

Дата направления статьи в редакцию:

03-05-2024

Дата публикации:

14-06-2024

Аннотация: Террористическая организация "Боко Харам" представляет собой угрозу безопасности для стран региона бассейна озера Чад, состоящего из Чада, Нигерии, Камеруна, Нигера, Ливии и Центральноафриканской Республики. В данной статье представлен анализ происхождения и распространения "Боко Харам". В этой статье также подчеркивается ключевая роль, которую может сыграть сотрудничество с внешними партнерами (Россией и Китаем) в борьбе с терроризмом в Африке. Наш анализ показывает, что террористическая организация "Боко Харам" в регионе озера Чад обусловлена сочетанием таких пересекающихся и самодополняющихся факторов, как политические и экономические интересы, а не религия, что имеет последствия для безопасности и усилий по борьбе с терроризмом. В конце были предложены рекомендации по преодолению этой террористической организации. Для анализа происхождения и влияния «Боко Харам» было использовано сочетание теории социальных конфликтов и исследований терроризма. Теория социальных конфликтов помогает объяснить, как экономическое неравенство и политическая нестабильность могут способствовать появлению экстремистских группировок, подобных «Боко Харам». Исследования терроризма дают представление о тактике и стратегии, используемых «Боко Харам» для достижения своих целей. В данной статье используется междисциплинарный подход, опирающийся на ряд первичных и вторичных источников, включая научную литературу, правительственные отчеты и материалы СМИ. Методология включает качественный анализ исторических и современных данных, позволяющий понять истоки и эволюцию деятельности «Боко Харам», а также ее влияние на пострадавшие сообщества и страны региона бассейна озера Чад. Этот анализ позволил предложить рекомендации по преодолению «Боко Харам» и терроризма в Африке в целом.

Ключевые слова:

Пограничные конфликты, Боко Харам, бассейн озера Чад, региональная безопасность, терроризм, глобальные теоретические рамки, военная помощь, трансграничные вторжения, исламизация, реакция правительства

1- Introduction

The current pace of global terrorism and instability spreading is considerably higher than that of any previous century. This is due to the fact that militants are organizing a wide array of groups and initiatives, ranging from political parties to cultural organizations to religious groups and local coalitions. This situation has arisen as a result of their concerted

efforts. While several outbreaks occurred in Africa between the late 20th and early 21st centuries, it has become an issue that requires global, regional, and national level discussions. The majority of African countries were colonized during the Industrial Revolution, which expedited the scramble for Africa. European colonizers partitioned the continent to reduce the likelihood of conflict, and although many indigenous people were displaced, a significant number harbored resentment towards those who had compelled them to leave their homes.^[1]

This paper analyses the origin, impacts and suggests government cooperation with foreign partners to fight Boko Haram. The Boko Haram insurgency, which began in July 2009, is an ongoing armed conflict between the Nigerian government together with countries of the Lake Chad Basin Region, and the Islamic extremist group, Boko Haram.^[2] The group, whose name translates to "Western education is forbidden" in the Hausa language, seeks to establish an Islamic state in Nigeria.^[3]

2- Origin and Ideology of Boko Haram

Boko Haram is a terrorist group known for its extreme and sporadic attacks, driven by the ideology of a fanatical Islamic. It originated in the early 2000s and poses a significant challenge in Northern Nigeria and Cameroon.^[4] The group's beliefs are based on the teachings of Muhammed Marwa, who strongly opposed Western education and influence in Nigerian society. Despite initially being overlooked by Nigerian authorities in the 1970s, Marwa's anti-government sermons and growing following led to a government crackdown in the late 1970s, sparking a series of uprisings and riots.^[5] Marwa's goal was to reintroduce Sharia law in Northern Nigeria, and his death in the 1980s paved the way for Muhammad Yusuf to become the leader of Boko Haram.^[6] Yusuf aimed to establish an Islamic state in Nigeria and garnered support by addressing poverty and corruption within the government. The group's official name, Jama'atu Ahlis Sunna Lidda'awati wal-Jihad, means "People Committed to the Propagation of the Prophet's Teachings and Jihad" in Arabic, but it is commonly known as Boko Haram, which translates to "Western education is forbidden" in the local Hausa language.^[7] After Yusuf's death in 2009, his deputy, Abubakar Shekau, became the leader and has declared loyalty to ISIS.^[8] The group's membership is largely comprised of individuals who have experienced socioeconomic injustice and insecurity, and many are uneducated, poor, jobless, or from low socioeconomic backgrounds.

Nigerian authorities believed Shekau was killed in 2009 during clashes between security forces and Boko Haram, but in July 2010 he appeared in a video claiming leadership of the group. His death was announced successively by the Nigerian authorities several times, but he always reappeared in another part of Northern Nigeria.^[9] In March 2015, Shekau pledged allegiance to ISIS leader Abu Bakr al-Baghdadi. Shekau is a Salafi. Over the past few years, Boko Haram has been responsible for several brutal attacks, including bombings across northern Nigeria and has expanded its activities south, where it has attacked targets in Nigeria's capital, Abuja. These attacks occurred on high-level government offices, markets, banks, police stations and churches. The group, initially considered a domestic terrorist group, has also successfully carried out transnational attacks and attacked international targets. This not only led to a change in their description and status, but also attracted worldwide attention.^[10]

The group's leadership says it has more than 40,000 members in Nigeria, as well as some from neighboring African countries. Note that among them are some members of the

Nigerian political elite, including two former military commanders-in-chief and a former civilian vice-president from the north, all of whom have been indicted. Some members of the state security forces are also members of the group and allegedly helped train it. This has created many problems, including the fact that in August 2011, the commander of US Africa Command, General Carter Ham, stated that Boko Haram had and continues to have ties to al-Qaeda in the Islamic Maghreb and al-Shabab of Somalia, two other terrorist groups under close surveillance. In fact, in May 2014, Boko Haram was added to the UN Security Council's list of terrorist groups due to their ties to al-Qaeda. It is now subject to financial sanctions and an arms embargo, and any group that provides Boko Haram with any financial or material support is also subject to al-Qaeda sanctions.^[11]

3- Impact of the Boko Haram insurgencies.

The Boko Haram insurgency has had significant social, economic, and political consequences for Nigeria and the surrounding region. The conflict has led to the death of thousands of people, the displacement of millions of people, and the destruction of property worth billions of naira.^[12] The insurgency has also exacerbated poverty, brought massive human suffering, and destroyed property, leading to a loss of confidence in the system and a reliance on divine intervention for protection.^[13] The insurgency has also had a profound impact on education, with schools being targeted and students being killed or kidnapped. The most notable example is the mass kidnapping of more than 275 girls from a boarding school in Chibok in 2014, which generated international condemnation and offers of assistance to Nigeria.^[14]

Boko Haram's trans-border attacks into Cameroon's northern border communities have negatively impacted the already vulnerable economic base of the North, Far North, and Adamawa regions. These incursions have not only weakened the local economy but also endangered the safety of the vulnerable populations in these regions. In response, Cameroon has been compelled to allocate additional military personnel and resources to its northern regions to Boko Haram's escalating violent and merciless operations.^[15] Due to the spread of insurgency activities into Northern Cameroon and regions of Niger and Chad, the imperative to control this brutal terrorist group has evolved into a regional dimension.^[16]

4- Government Response to counter Boko Haram.

The Nigerian government's response to the Boko Haram insurgency has been characterized by a mix of military action, political engagement, and legal measures. The government initially pursued a strategy of military confrontation, which had limited success in driving Boko Haram from larger cities but did little to end the attacks.^[17] In 2013, the government proposed an amnesty program for Boko Haram militants, which was rejected by Shekau.^[18] In response to the group's continued attacks, the government launched a large-scale military offensive against Boko Haram, employing thousands of troops and air strikes. In June 2013, President Jonathan officially declared Boko Haram a terrorist group and banned it under Nigerian law, making it easier for authorities to prosecute members of the group legally.^[19]

Cameroon, whose Far North Region has been severely affected by the violence, has taken strong action. As far back as 2016 Amnesty International reported on arbitrary arrests, torture and summary executions in overcrowded prisons filled with suspected terrorist

suspects living under "horrific conditions."^[20] In June, Niger launched a major offensive against Boko Haram. Chad also joined Niger by deploying a 2,000-strong contingent to Bosso, Niger, in response to escalating attacks.^[21]

Multi National Joint Force.

The Multinational Joint Task Force (MNJTF) is a combined multinational formation established in April 2012, initially by Nigeria, to secure the north-east region against armed bandits from the Chadian war. Its mandate expanded in 1998 to include military units from Chad, Niger, and Nigeria, dealing with common cross-border security problems in the Lake Chad region.^[22] The MNJTF's primary role was to secure the borders between the Lake Chad Basin countries, preventing Boko Haram from accessing the borders for launching attacks. It has been successful in reducing the menace of Boko Haram, liberating territories and hostages, and neutralizing a significant number of insurgents.^[23] The MNJTF operates in four national sectors: Sector 1 (Cameroon), Sector 2 (Chad), Sector 3 (Nigeria), and Sector 4 (Niger), with a total of approximately 10,000 soldiers. It has made significant progress in delivering on its mandates, including creating a safe and secure environment, facilitating the implementation of stabilization programs, and interacting with local populations.^[24] However, challenges remain, such as coordination and interpretation of mandates, as well as the failure of non-military actors to hold areas cleared of Violent Extremist Organizations (VEOs).^[25] The withdrawal of Niger from the MNJTF in July 2023 due to ECOWAS sanctions may create a void, increasing the level of terrorist and insurgency activities in the region. This could potentially lead to a resurgence of terrorism and insurgency, undermining the earlier successes of the MNJTF.^[26] The MNJTF, with its multinational approach, plays a crucial role in combating Boko Haram and ensuring the security of the Lake Chad Basin region. The MNJTF counterterrorism activities are in strict respect of the current international law corresponding to the principle of self-defense and collective self-defense as in case of aggression as enshrined in the UN Charter.^[27]

5- Overview of the assistance from Africa's larger international partners.

A- The contribution of Russia in Fighting Boko Haram

From the mid-1950s onwards, as Africa emerged as a significant front in the Cold War, the Soviet Union played a pivotal role in transforming the continent's political and security dynamics. By offering substantial economic and security aid to a wide array of local Marxist, anti-colonial, or anti-U.S. factions, the Soviet Union was able to extend its influence across Africa. This support was particularly notable during the colonial conflict era, with the Soviet Union backing independence movements and providing assistance to governments facing internal or external challenges. This strategy allowed the Soviet Union to establish a strong presence in major African countries, including but not limited to Algeria, Angola, Egypt, Ethiopia, Libya, and Mozambique.^[28] After the fall of the Soviet Empire, the Russian Federation was struggling to reestablish political and socioeconomic stability, which led to an interruption of the country's economic and military assistance programs on the continent. For about two decades after the collapse of the Soviet Union, the country's involvement in Africa was marginal.

Russia's attempts to re-engage with the continent started in the mid 2000s and the efforts increased after facing western sanctions when Crimea voted to join Russia in a referendum in 2014. The country was actively seeking new geopolitical partners and business opportunities after Western sanctions. Russia's renewed interest in Africa has paralleled,

and in some cases been facilitated by, a decrease in U.S. involvement on the continent. This includes the Trump administration's decision in 2018 to reduce U.S. counterterrorism efforts in Africa, despite the escalating terror threats in many African countries. In response, Russia quickly stepped in to fill the security gap. In 2019, President Putin convened the inaugural Russia-Africa summit in Sochi, aiming to solidify Russia's position as a dependable strategic partner in Africa and to negotiate military contracts with various nations. The country is now the chief arms supplier of the continent, higher than the United States (16 percent of imports), China (9.8 percent of imports) and France (7.6 percent of imports). Indeed, Russia exports of major weapons systems account for 40 percent of the continent's imports between 2018 and 2022 according to reports from RAND Corporation.^[29]

One country that has vastly profited from Russia's involvement in the security of the continent is Nigeria. The country was facing insurgency threats from the seemingly invisible Boko Haram in the North East. The insurgency began in July 2009^{[30][31]}. Taking place in a context of long standing issues between Nigeria's muslim communities and Christian communities, the terrorist group was created with an aim to establish an Islamic State in the region. Nigeria, faced with an unwillingness from the USA and Britain to provide weapons due to reports mentioning a collusion between high ranking military officials and members of the sect^[32] first turned to Israel and Brazil and reached agreements in 2014 for the procurement of lethal weapons to aid in the fight against the terrorist group.^[33] But the deals were blocked by the USA.^[34] Needing help with its antiterrorist efforts, Nigeria turned to Russia. The positive response from Moscow marked a new milestone in the bilateral relations between the nations. Russia, like Nigeria, had to face terrorist threats on its territory, especially when it launched war against a terrorist group in Grozny, Chechnya.^[35] Those wars led to numerous attacks in the country, and forced the regime to declare the fight against terrorism domestically and abroad a top priority. In fact, Russian Foreign Minister, Sergey Lavrov acknowledged that ISIS was the country's biggest enemy in 2015.^[36]

In August 2017, Russia's support to Nigeria became official with the signing of a cooperation agreement. This agreement allowed Moscow to provide training for military missions aimed at combating terrorism and piracy, as well as training Nigerian personnel in peacekeeping missions. Additionally, in October 2019, a security agreement was signed between Russia and Nigeria, under which Russia committed to supplying weapons, equipment, and training to Nigerian security forces to counter Boko Haram's activities within Nigerian territory.^[37] While specific details on the types of weapons provided by Moscow to Nigeria are not officially documented, various reports suggest that Nigeria received T-72 tanks, multiple RM70 missile launchers, anti-mine mines, and MI35 helicopters, along with all necessary weapons and accessories.^[38]

Russia's assistance in combating Boko Haram also extended to neighbouring countries facing significant challenges. Among these, Niger was a key focus, with Russia's strategy focusing on two main areas. Firstly, in October 2019, Russia agreed to supply Niger with 12 MI-35 attack helicopters to help combat extremist activities within the country.^[39] The second pillar of Russia's strategy in Niger involves providing training grants to Nigerian military personnel in Russian academies, focusing on the latest techniques for combating armed groups. This initiative was acknowledged by Niger's Foreign Minister, Kala Ankurau, in interviews with various international news outlets.^[40]

Cameroon was also among the countries that Russia aimed to assist in combating Boko Haram operations. In 2015, Russia announced plans to provide military aid to Cameroon, which included heavy artillery equipment, missiles, air defences, anti-aircraft missile systems, and armored vehicles. In addition to military and technical cooperation agreements between the two countries, Moscow also offered specialized military training for Cameroonian forces to counter Boko Haram.^[41] It is worth nothing that, ISIS, Al-Qaeda, Boko Haram are recognised as extremist and banned in Russia.

B-The contribution of China in Fighting Boko Haram

The origins of China's assistance to Africa can be traced back to the late 1950s and early 1960s, a period in which it mainly supported the independence and development of African countries through the provision of economic assistance, technical support, and human resource training.^[42] The first ministerial meeting of the Forum on China-Africa Cooperation (FOCAC) in Beijing in 2000 led to the further development of China-Africa bilateral relations.^[43] The security challenges facing the African region have increased in the 21st century, including terrorism, internal conflicts, and transnational crime, which not only threaten the stability and development of African countries, but also pose a threat to the security of the international community, including China. With the promotion of the "Belt and Road" initiative and the increase of China's outward direct investment, China's economic interests in Africa have grown significantly. The stability of Africa is directly related to the security of China's investment and economic interests there, so China is more concerned about the security environment in Africa. On the other hand, as China's military power grows, China wants to take more responsibility in global governance. Therefore, based on the concepts of mutual respect, win-win cooperation and "community of human destiny", China has provided appropriate assistance and support in addressing regional security challenges in Africa.

At the level of the international community, in the UN's already global counter-terrorism conferences, Chinese representatives have repeatedly called on the international community to help African countries eradicate the threat of terrorism. China's Permanent Representative to the United Nations, Zhang Jun, speaking at the Security Council's debate on combating terrorism and extremism in Africa on 11 November 2020, emphasized that the international community should help Africa to combat terrorism and extremism in a comprehensive and integrated manner.^[44] In 2023, Liu Yuxi, Special Representative of the Chinese Government for African Affairs, proposed at a high-level open meeting of the United Nations Security Council on strengthening cooperation between the United Nations and regional organizations on counter-terrorism that "at present, terrorist activities are spreading globally, and Boko Haram and other terrorist organizations in Africa are closely linked to Al-Qaida and other terrorist organizations in Africa. "At present, terrorist activities are spreading globally, terrorist organizations in Africa, such as Boko Haram, are collaborating with Al-Qaida and the Islamic State, regional hotspot issues continue to be volatile, and there is a long way to go in eradicating the threat of terrorism. The international community should sense Africa's urgency, think about what Africa thinks, and work together to help Africa meet the most urgent challenges and solve the root causes of the problems." He also mentioned that China has always been a strong supporter of Africa's development. And he also mentioned that China has always been an ally of the cause of peace and security in Africa. China will continue to take the implementation of the Global Security Initiative and the Global Development Initiative as the starting point to join hands with Africa to build a high-level China-Africa community of destiny, and to contribute more

to the realization of lasting peace and sustainable development in Africa.^[45]

In addition, the Chinese government has been actively contributing to humanitarian hosting organizations such as the World Food Program (WFP) to alleviate the suffering of Boko Haram victims, including refugees, returnees, host populations and internally displaced persons.^[46] Chinese peacekeeping forces in Africa have been involved in a variety of missions, including counter-terrorism and civil protection. According to the International Crisis Group (Crisis Group), China is the second largest contributor to the UN peacekeeping budget and has increased its contributions to UN peacekeeping operations since 2013, covering a wide range of roles such as infantry and police. These peacekeepers are mainly deployed in the Democratic Republic of the Congo, Mali, Sudan and South Sudan. In addition, through the establishment of the UN Trust Fund for Peace and Development, China has also supported capacity-building programs for peacekeeping in Africa, including the training of African police and soldiers in peacekeeping operations and support for the African Union's "Silence of the Guns" initiative.^[47]

At the national level China has taken several measures to support and maintain peace and security in the African region through military cooperation with Africa. For example, between 2003 and 2017, China provided \$2.52 billion in loans to eight countries explicitly for military and defense purposes.^[48] Through these loans, African countries have strengthened their military power and upgraded the capacity of African forces to fight terrorism and the logistical support of their troops. Nigeria, Sierra Leone, Senegal, Uganda, and Ghana have also taken advantage of the use of loans to establish national security communication and surveillance systems.^[49] China has committed about \$25 million per year between 2015 and 2020 to the African Union in security force assistance. The assistance is aimed at enhancing the capacity of the security forces of the receiving countries, including military equipment and training.^[50] In addition, China's infrastructure investment cooperation in Africa has provided a platform for both sides to enhance security cooperation, including intelligence sharing, counter-terrorism training, and joint exercises. This international cooperation has helped build a closer counterterrorism network to jointly address transnational terrorist threats. Particularly in the fight against Boko Haram terrorism, China has sold significant amounts of military equipment to Nigeria. China has provided Nigeria with drones, guided bombs, and missiles to help Nigeria fight Boko Haram. By 2020, the Nigerian Air Force announced the purchase of more drones from China, demonstrating the deepening military ties between the two countries.^[51] In 2013, China sent its first defense attaché to Cameroon. Between 2012 and 2014, China sent a variety of weapons to Cameroon, including transport aircraft and combat helicopters. These weapons were not only used to fight the Boko Haram terrorist organization, but were also deployed to other parts of the country.^[52] In the face of global and regional security challenges, including terrorism and piracy, China has enhanced its security cooperation with Nigeria and Cameroon through military assistance, which has helped to protect China's investments and expatriates in Africa. At the same time, through military assistance and training, China has helped African countries upgrade their own defense capabilities and enhance their ability to respond to threats such as terrorism, piracy and transnational crime. Such support helps to realize regional stability and peace and is in line with the purpose of the community of human destiny in pursuing global security.

6- Conclusion

The challenging political and socioeconomic climate in Nigeria and other lake Chad basin

states, has allowed for the emergence and appeal of various radical religious interpretations among the majority of disadvantaged youth who view religion as a tool to address societal shortcomings. The impact of the conflict has been devastating, with thousands of deaths, millions of displaced people, and significant damage to properties and infrastructure. The government's response to the conflict has been characterized by a mix of military action, political engagement, and legal measures, with varying degrees of success. An important way to remove the threat of the group in the long term is widespread reform of northern Nigeria that improves the livelihoods of northern Nigerians, and gives them a bigger stake in their politics. It is also important to consider a higher level collaboration with Russia and China as the assistance of the US and some European states has yielded less results.

Recommendations

In the light of the foregoing, this paper proposes the following recommendations;

1. Member states within the Lake Chad Region need to intensify efforts in tackling the fundamental social issues of injustice, poverty, illiteracy, unemployment, and poor governance among them, as these factors facilitate the recruitment of youths into terrorist activities.
2. The MNJTF member states must prioritize adequate funding to enhance military capacity, capabilities, intelligence gathering, and the utilization of modern technology to effectively combat Boko Haram and other forms of terrorism in the region. This is crucial for sustaining the gains made by the MNJTF in clearing strongholds, eliminating top terrorist commanders, freeing civilians, and reducing terrorist attacks and fatalities.
3. This research suggests the creation and implementation of a worldwide collaborative theoretical model that urges major nations with military and technological capabilities to support developing nations in their battle against terrorist organizations. Collaboration with Russia and China who have positive and fruitful intervention in Africa, can help achieve these objective.

Библиография

1. Nimely, A.N. Masters Thesis. Boko Haram Insurgency in Nigeria and its Implication on the West African Region, 2023.
2. Ayoade, J.A. On the Origin of Boko Haram. African Studies Quarterly, 2016 .
3. Umar, N. Boko Haram Insurgency: Causes and Solutions.// Journal of Sustainable Development in Africa, 2019.
4. Iyekekpolo, W. O. Political elites and the rise of the Boko Haram insurgency in Nigeria. Terrorism and Political Violence, 2020, 32(4), 749–767.
5. Loimeier, R. Boko Haram: The development of a militant religious movement in Nigeria. Africa Spectrum, 2012, 47(2-3), 137–155.
6. Iyekekpolo, W. O. Boko Haram: Understanding the Context. Third World Quarterly, 2016, 37(12), 2211–2228.
7. Denisova T.S., Kostelyanets S.V. The Split in Boko Haram and Its Impact for the Lake Chad Basin Region. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, 2021, vol. 14, no 2, pp. 214–230 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-12.
8. Agbiboa, D. E. The social dynamics of Nigerian's Boko Haram insurgency: A social identity theory approach. Cegla Working Paper. 2013, (110), 1–28.
9. Okoroafor C.U., Ukpabi M.C. Boko haram insurgency and national security in Nigeria. International Journal of Development and Management Review. 2015, 4(3), 124–131.
10. KOUMA, J.G. Cameroon fighting Boko Haram // Vestnik RUDN. International Relations.

2017-Vol. 17.-N. 4.-P. 727-737. doi: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-727-737

11. MacEachern, Scott: Searching for Boko Haram: A History of Violence in Central Africa. New York: Oxford University Press, 2018.
12. Denisova T., Kostelyanets S. Cameroon: the radicalization of Islam and the expansion of Boko Haram. *Asia and Africa Today* 2021, pp.40-48 DOI: 10.31857/S032150750016590-1
13. Counterterrorism year book. Australian Strategic Policy Institute. 2017.
14. Olawale, I.A. Rethinking the Functionality of the Multinational Joint Task Force in Managing the Boko Haram Crisis in the Lake Chad Basin. *African Development* 42(3). Special issue on security Regimes in Africa-Prospects and Challenges.pp 119-135. CODESRIA, 2017..
15. Kindzeka, M.E. 'Lake Chad Countries Agree on Military Task Force amid Insecurity', *Voice of America News*, 2014.
16. MNJTF Blog. Origin and History of MNJTF, 2018.
17. Adu, Yao Nikez et al. International Law and Use of Force by States Outside of National Borders while Countering Terrorism: The Case of the Emerging Islamic State (ISIL). *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, [S.l.], v. 8, n. 5, p. 1416-1420, feb. 2018. ISSN 2068-696X.
18. Center for strategic & international studies (CSIS)// Russia is still progressing in Africa. What's the limit? Russia Is Still Progressing in Africa. What's the Limit? (csis.org), 2023.
19. Adam R. G., Samuel Charap, Joe Cheravitch, Russel Hanson, Dara Massicot, Christopher A. Mouton, Jordan R. Reimer. Russia's growing presence in Africa: A geostrategic Assessment. RAND, 2022.
20. Sunday Omotuyi. Russo-Nigerian relation in the context of counterinsurgency operation in Nigeria, *Jadavpur journal of international relations*, 2019. 23(1) 48-68.
21. Taiwo Ojoye, Fidelis Soriwei. Troops kill Boko Haram commander, 18 others in Borno- *Punch Newspapers* (punchng.com), 2016.
22. Alade, Charles. 'Russian and Chechnya: An Essay in Conflict and War', *Nigerian Journal of International Affairs*, 2009. vol. 35. no. 1, pp. 141-162.
23. Song, W. Promoting autonomous development: China's governance assistance to Africa under the global civilization initiative. *International Affairs Research*, (3), [Issue No. 215]. Published May 15, 2023.
24. PM NEWS. Act of insurgency is unislamic, says Sultan, "Act of insurgency is unislamic, says Sultan – P.M. News". Retrieved 27 October 2021.
25. BBC News, Who are Nigeria's Boko Haram Islamist group?.
26. Daily Maverick. "Advanced into Africa-an audit of Russia's growing economic and military footprint on the continent". 2019.
27. Fahaum Network for social justice. "How Russian arms are helping Nigeria fight Boko haram".2020.
28. Elwatan News. "Russia provides Niger MI35 helicopters to counter Boko haram". 2019
29. Russia Today. "Russia and Niger sign a contract to supply them with MI-35 helicopters".2019.
30. Adamowski, J. "Russia to arm Cameroon against boko haram", *Defense News*, 2024.
31. Karozza, I. Making China increasingly involved in the legitimization of African security: Changes in the continuity of official discourse. *The China Quarterly*. 2021. 248(1), 1174-1199.
32. Xinhua News Agency. Chinese envoy calls on international community to help Africa counter terrorism in a comprehensive and integrated manner, 2020.
33. Xinhua Net. Chinese representative calls on international community to help African countries eradicate the threat of terrorism, 2023.
34. World Food Programme. Life-saving Chinese contribution to WFP's efforts in Niger to support victims of the Boko Haram crisis. 2017.

35. Kovrig, M. China expands its peace and security footprint in Africa. Crisis Group, 2017.
36. China Africa Research Initiative. Data: Chinese loans to Africa, 2019.
37. Xinhua News Agency. China fully implements the commitments of the United Nations Peacekeeping Summit, 2020.
38. Janes news. Nigeria receives Wing Loong II UAVs from China, 2020.
39. Bone, R. M. China and Cameroon's evolving political and military cooperation. The Diplomat, 2020.
40. Denisova T.S., Kostelyanets S.V. The Split in Boko Haram and Its Impact for the Lake Chad Basin Region. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, 2021. vol. 14, no 2, pp. 214–230 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-1

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В последние годы не только различные специалисты – политологи, философы, экономисты, – но многочисленные наблюдатели отмечают происходящую на наших глазах динамичную трансформацию монополярного мира во главе США в мир многополярный, в котором ведущие позиции будет занимать целый ряд акторов, среди которых Пекин, Москва, Нью-Дели, Тегеран. Разумеется, именно многополярный мир обеспечивает подлинную безопасность на нашей планете, однако временно перемена в системе международных отношений связана с усилением напряженности. Это находит свое проявление в расширении зон локальных военных конфликтов, в эскалации деятельности радикальных и экстремистских групп и т.д.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является деятельность террористической организации «Боко Харам». Автор ставит своими задачами показать происхождение и идеологию "Боко Харам", определить последствия восстаний "Боко Харам", рассмотреть реакцию нигерийского правительства, а также оценить помощь Нигерии со стороны крупных международных партнеров.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор использует также сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать способы противодействия террористической организации «Боко Харам».

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя до 40 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, которую проделал ее автор. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы, что определяется самой постановкой темы. Из используемых автором источников укажем, прежде всего, на новостные интернет-ресурсы, представляющие значительный фактологический массив. Из привлекаемых исследований укажем на труды Р. Лоймайера, Дж. Айоаде, А. Нимели, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения деятельности организации «Боко Харам». Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по ее

теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как ключевыми аспектами региональной безопасности в Африке, в целом, так и ситуацией в Нигерии, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что в состав «Боко Харам» «в основном входят люди, испытывавшие социально-экономическую несправедливость и незащищенность, многие из них необразованны, бедны, безработны или имеют низкий социально-экономический статус». Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи в руководство организации входят «некоторые представители нигерийской политической элиты, в том числе два бывших военных главнокомандующих и бывший гражданский вице-президент». Говоря о помощи других государств нигерийскому правительству, автор прежде всего обращает внимание на Россию и КНР, чья деятельность «помогает реализовать региональную стабильность и мир и соответствует цели сообщества человеческих судеб в обеспечении глобальной безопасности».

Главным выводом статья является то, что в рамках борьбы с «Боко Харам» «государствам-членам региона озера Чад необходимо активизировать усилия по решению фундаментальных социальных проблем несправедливости, бедности, неграмотности, безработицы и плохого управления, поскольку эти факторы способствуют вербовке молодежи в террористическую деятельность».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, написана на английском языке, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках стратегий борьбы с международным терроризмом.

В то же время к статье есть замечания:

- 1) Следует правильно изложить название статьи, у автора сейчас название звучит: «Террористическая организация «Боко Харам»: Стойки, бытовые и противодействия с ней».
- 2) Необходимо указать в тексте, что ИГИЛ, Аль-Каида, Боко Харам признаны экстремистскими и запрещены в России.
- 3) Автор включает в библиографию материалы из Википедии: следует найти более проверенный источник информации.
- 4) Автор проигнорировал работы российских авторов по теме статьи. Так, вне его поля зрения оказались статья Т.С. Денисовой и С.В. Костелянец («Раскол в «Боко Харам» и его последствия для региона озера Чад», *Контур* глобальных трансформаций, 2021, № 2) и др.

После исправления указанных замечаний статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Конфликтология / nota bene».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию влияния нигерийской исламистской организации «Боко Харам» в бассейне озера Чад и ее влияния на развитие

многополярного мира.

Методология исследования базируется на обобщении публикаций зарубежных и отечественных авторов по рассматриваемой в статье проблематике.

Актуальность работы авторы связывают с тем, что нынешние темпы распространения глобального терроризма и нестабильности значительно выше, чем в любое предыдущее столетие, в том числе и на Африканском континенте, разделенном колонизаторами для снижения вероятности конфликтов.

Научная новизна работы состоит в сформулированных авторами статьи рекомендациях по противодействию террористической деятельности, которые отражены в отдельном разделе публикации.

В статье структурно выделены следующие разделы и подразделы: Введение, Происхождение и идеология «Боко Харам», Влияние повстанческих движений «Боко Харам», Реакция правительства на борьбу с «Боко Харам», Многонациональные объединенные силы, Обзор помощи, оказываемой более крупными международными партнерами Африки. Вклад России в борьбу с «Боко Харам», Вклад Китая в борьбу с «Боко Харам», Заключение, Рекомендации и Библиография.

Публикация содержит изложение истории появления изучаемой террористической группировки «Боко Харам», известной своими экстремальными и спорадическими нападениями, идеологией фанатичного ислама и стремлением к искоренению западного образа жизни; характеристики лидеров этой организации; исследование численности членов этой организации; социальные, экономические и политические последствия влияния «Боко Харам» на развитие Нигерии и окружающего региона, в частности на развитие Камеруна, Нигера и Чада; правительственная реакция на действия этой группировки, а также реакция Многонациональной объединенной оперативной группы по защите северо-восточного региона от вооруженных бандитов, участвовавших в войне в Чаде. В статье освещен вклад России и Китая в борьбу с «Боко Харам» в Нигерии и соседних странах. Отмечено, что сложный политический и социально-экономический климат в Нигерии и других государствах бассейна озера Чад способствовал возникновению и привлекательности различных радикальных религиозных интерпретаций среди обездоленной молодежи, которая рассматривает религию как инструмент для устранения социальных недостатков, а последствия конфликта были разрушительными: тысячи смертей, миллионы перемещенных лиц и значительный ущерб имуществу и инфраструктуре. Предложены способы устранения угроз со стороны группировки «Боко Харам».

Библиографический список включает 40 источников – публикации и интернет-ресурсы по рассматриваемой теме. В тексте публикации имеются адресные отсылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Тема статьи актуальна, материал отражает результаты проведенного авторами исследования, соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene», может вызвать интерес у читателей, рекомендуется к опубликованию.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Ильичев А.В. Нарратив восточного деспотизма во внешней политике Франции первой половины XIX в.: связи и аналогии с современностью // Конфликтология / nota bene. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0617.2024.2.70728
EDN: ADKLFJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70728

Нарратив восточного деспотизма во внешней политике Франции первой половины XIX в.: связи и аналогии с современностью

Ильичев Антон Владимирович

Младший научный сотрудник, Музей-заповедник Героической обороны и Освобождения
Севастополя

299020, Россия, г. Севастополь, Пр. Генерала Острякова, 250-В, кв. 11

✉ ilichev-toni@mail.ru

[Статья из рубрики "Противостояние Великих держав"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2024.2.70728

EDN:

ADKLFJ

Дата направления статьи в редакцию:

13-05-2024

Аннотация: Целью исследования является сравнительный анализ французского нарратива «Восточного деспотизма» в первой половине XIX в. с современной политической повесткой Франции по отношению к России и Специальной военной операции (СВО). Предметом исследования выступает идеологическое обоснование и медийное освещение французских международных кампаний в первой половине XIX века и сегодня. Объектом исследования выступает нарратив «Восточного деспотизма» в идеологии политических элит Франции. Актуальность темы исследования обоснована широким распространением исторических антироссийских нарративов в политике Западных держав. В статье рассматривается сюжет «восточного деспотизма» как обоснование для населения экспансионистской политики Франции в первой половине XIX века. Проводится исследование формирования нарратива «Восточного деспотизма» в политической культуре Запада и Франции в частности. Определяются основные элементы нарратива состоящие в дегуманизации противника, путем конструирования образа его государства и населения как варварского нецивилизованного мира,

которому необходимо привнести блага цивилизации и христианскую веру. Методология исследования основывается на системном, геополитическом и цивилизационном подходах. В работе были применены как общенаучные методы исследования (анализ, синтез, сравнение) так и специализированные. К специализированным можно отнести качественный контент-анализ, историко-сравнительный метод. По результатам исследования было выявлено, что нарратив «Восточного деспотизма», представляет собой процесс создания дегуманистического образа противника или политического режима, строящегося на основе антагонистического противопоставления цивилизации и варварства. Учитывая статус Французского государства как одной из основных держав-протекторов католической веры, сохраняющийся на протяжении всей многовековой его истории, нарратив подкреплялся религиозной компонентой. Общей формулой идеологического обоснования французской империалистической экспансии являлось позиционирование инициирования начала боевых действий необходимостью защиты христианской веры и местного населения от деспотического режима. В случае с вторжением в Алжир и Крымской войной 1853-1856 гг. французская пропаганда использовала образ «крестового похода», тем самым придавая военной операции статус высшей «цивилизаторской миссии». На современном этапе, Франция активно использует нарратив «Восточного деспотизма» против России, что проявляется в целом спектре публикаций стремящихся создать в глазах французской общественности картину русского государства как «деспотичной, азиатской монархии», с ярко выраженными экспансионистскими устремлениями.

Ключевые слова:

Политический нарратив, Франция, Внешняя политика Франции, Война в Алжире, Восточный деспотизм, Специальная военная операция, Идеология, русско-французское противостояние, Восточный вопрос, Вторая империя

Введение. Франция, на протяжении большей части своей истории, является активным актором на европейском и международном политическом пространстве с ярко выраженной экспансионистской, империалистической внешней политикой. Наравне с англичанами французы занималась захватом новых сырьевых баз и рынков сбыта, облекая свои завоевания в высшую миссию по распространению цивилизации. Ключевым нарративом французской политики с XVIII по XX вв. был нарратив о «Восточном деспотизме». С его помощью французская администрация сумела оправдать целую серию кровопролитных завоевательных кампаний в Африке и Азии.

Целью исследования является сравнительный анализ французского нарратива «Восточного деспотизма» в первой половине XIX в. с современной политической повесткой Франции по отношению к России и Специальной военной операции (СВО). Предметом исследования выступает идеологическое обоснование и медийное освещение французских международных кампаний в первой половине XIX века и сегодня. Объектом исследования выступает нарратив «Восточного деспотизма» в идеологии политических элит Франции.

Хронологические рамки исследования охватывают два временных промежутка: это период с 1820-е по 1870-е гг., что характеризуется активным периодом использования нарратива «восточного деспотизма» во французской внешней политике, а также современный этап. Под последним подразумевается, преимущественно, активная фаза конфликта на Украине 2022-2024 гг.

Территориальные рамки исследования для первого временного промежутка охватывают три кампании французского государства: вторжение в Алжир, Крымская война и операция в Индокитае. Для современного периода они сосредоточены на территориях Украины и современной Франции.

Для изучения темы исследования были проанализированы работы иностранных авторов, посвященные идеологическому обоснованию французской внешней политике в первой половине XIX века. Среди них работы таких исследователей как Э.Л.Конклин, Т.Кайзер, Ф.Вентури и Э.Томсон. Были проанализированы материалы, занимающиеся непосредственным формированием необходимого общественного мнения по отношению к предполагаемым странам-объектам для вторжения. Это труды К.Ф.Вольнея, Ложьера-де Тасси, Винсента-Ив Бутена, Ж.-Ш.-Л. Симонда де Сисмонди и А.Неттемента. Отдельной группой являются исследования посвященной Второй империи. Для изучения способов применения нарратива «восточного деспотизма» на современном этапе были проанализированы публикации ведущих французских газет («Le Point», «Le Figaro», «Les Echos», «La Presse», «Le Monde») за 2022-2024 г.

Методология исследования основывается на цивилизационном подходе. В работе были применены как общенаучные методы исследования (анализ, синтез, сравнение) так и специализированные. К специализированным можно отнести качественный контент-анализ, историко-культурный и историко-сравнительный методы.

Основная часть. Нарратив «восточного деспотизма» играет огромную роль, в политической истории Франции начиная с XVIII века. Слово «деспот» греческого происхождения и обозначает хозяина, что властвует над рабами или слугами [\[1, с. 741\]](#). Аристотель определял «деспотизм» как особую форму правления схожую с тиранией, которая характерна для варваров, поскольку в силу своей «рабской» натуры они не могут противиться деспотической власти [\[2, с. 389\]](#). Средневековые авторы, переводя сочинения Аристотеля на латынь, относили к варварам «людей с Востока» [\[3, с. 133\]](#). Во Франции термины «деспотизм» и «деспотическое правление» стали впервые применять в конце XVII в. – начале XVIII в., во времена правления Людовика XIV. Это стало своеобразной реакцией знати на растущую власть монарха и его посягательства на сословные привилегии дворян. Писатели, такие как Франсуа-де Салиньяк Фенелон или герцог Луи-де Рувруа Сен-Симон, вкладывали в значение слова «деспотизм» именно политическую систему, характерную для Азиатских и варварских стран, к которым, по их мнению, относилась Османская империя и Китай [\[1, с. 741-742\]](#). Таким образом, обвиняя действующую королевскую семью в том, что расширение её полномочий ведет к превращению Франции в такую же варварскую и рабскую страну.

Окончательное оформление теории деспотизма в Европе и Франции приобрела в работах Шарля Луи де Монтескье. Исследователь Роджер Боше, анализируя работы последнего, пришел к выводам о наличии у Монтескье двух теорий деспотизма. Одна из них приобрела классический статус и обычно имеет более широкую репрезентацию в работах. Эта теория описывает деспотизм как абсолютную форму правления одного лица, чьим основным инструментом управления является страх [\[1, с. 743\]](#). Хотя сам режим и устанавливается при помощи насильственных средств, как только власть деспота становится прочной, он передает управление приближенным, что руководят от его имени, в то время как сам отстраняется от государственных дел [\[1, с. 744\]](#). Сам деспот характеризуется как ленивый невежда, оказавшийся в рабстве собственных удовольствий. Человек в стране с деспотической системой управления «пассивно

повинуется» и слепо следует воле суверена [\[1, с. 743-744\]](#). Важным уточнением тут будет то, что Монтескье считает, что деспотичными могут быть не только правительства, но и общества [\[3, с. 134\]](#). В рамках своей первой теории Монтескье в качестве примеров деспотических режимов приводит азиатские или восточные государства (в особенности Османскую империю).

Первая теория деспотизма Монтескье не только представляет собой элемент теоретического осмысления и рефлексии деспотизма, но и служит инструментом критики королевской семьи во Франции.

Вторая теория деспотизма Монтескье кажется полностью, противоречит первой. В ней отражаются опасения автора из-за растущего влияния коммерции на политическую жизнь страны и грядущую урбанизацию. Все это приведет к тому, что жители начнут интересоваться лишь проблемами собственного заработка, что повлечет рост коррупции и распушенности общества [\[1, с. 756-757\]](#). Монтескье заключает, что именно это стало причиной крушения многих республик [\[1, с. 750-751\]](#). С этой точки зрения деспотизм представляется как не самая плохая форма правления, в чем-то даже более искренняя. Монтескье добавляет, что деспотизм должен быть трансформирован в такую форму, где страх не является основным инструментом управления и приводит свои примеры решения этой проблемы [\[1, с. 759\]](#).

Ярким примером классической «Восточной деспотии» для Франции была Османская империя. В формировании дегуманистического образа осман немалую лепту внесли не только философы и общественные деятели, но и французские историки, что при описании истории Османской империи, акцентировали внимание на многочисленных переворотах и узурпациях власти [\[4, с. 71\]](#). Образ деспотичного, варварского государства османов выполнял две важные функции для политической системы Франции. Первую из них можно охарактеризовать как «религиозный антагонизм». Одним из столпов, практически всех государственных систем Франции, было позиционирование державы как защитника христианской веры. Деспотизм османского султана, «угнетавшего» христианское население подвластной ему империи, использовался французскими монархами и правительствами для увеличения собственной популярности и укрепления своих позиций у власти [\[4, с. 72\]](#).

Вторая функция кроилась в противопоставлении. Деспотический, во многом тиранический режим в Османской империи противопоставляли законной, абсолютной власти во Франции [\[4, с. 72\]](#).

К Новому времени в европейском пространстве отчетливо сложился образ Азии и Востока как варварского мира, что необходимо избавить от гнета тирании. Во Франции революционные события привели к тому, что во французском обществе сформировалось представление об «исключительности французской нации». И миссия этой «великой нации» заключается в распространении революционных идей за пределы страны, принося варварским народам цивилизацию [\[5, с. 16-17\]](#).

Нарратив «восточного деспотизма» использовался как один из главных поводов для интервенции Франции в другие страны. Разгром Наполеоновской Франции и глубинный кризис внутри страны, привел к недолгому исчезновению этого сюжета из политической культуры Франции.

Нарратив «восточного деспотизма» возвращается с началом Греческой войны за

независимость (1821-1829 гг.). Исследовательница Дженнифер Сешнс справедливо отметила, что греческая борьба подготовила основу для французского вторжения в Алжир [\[6, с. 30\]](#). Французские общественные и политические деятели продвигали идею «крестового похода» в Грецию с целью освободить христиан от гнета турок-осман [\[6, с. 30\]](#). Воцарение на французском престоле в 1824 г. Карла X еще сильнее политизировало греческий вопрос внутри Франции. Либералы и республиканцы были обеспокоены тем, что успешная военная операции в Греции могла быть использована ультрароялистами для укрепления своего положения у власти, поскольку защита религиозных прав христиан, была одной из их идеологических опор.

Нарратив «восточного деспотизма» и вторжение французских войск в Алжир. В 1830 г. для легитимизации вторжения в Алжир Бурбоны использовали нарративы как Старого режима, так и революционной Франции. Ультрароялисты создали из губернатора Алжира Хусейн-деа «традиционного восточного деспота», которому противостоит христианский монарх Карл X со святой миссией по освобождению Алжира от гнета тирании. Дженнифер Сешнс указывает, что делегитимизация алжирского правителя была направлена на легитимизацию власти Бурбонов во Франции [\[6, с. 30\]](#).

К началу французского вторжения благодаря работам путешественников, ученых и дипломатов на протяжении XVII-го и XVIII-го вв. в массовом сознании французов и европейцев были созданы устойчивые образы Северной Африки. Исследовательница Энн Томсон в своей работе «Barbary and enlightenment. European Attitudes towards the Maghreb in the 18th Century» подробно останавливается на этом вопросе. Помимо, описанного выше образа «Восточного деспотизма», можно выделить нарратив о «турках». Алжир, несмотря на наличие османского ополчения и факт формального подчинения османскому султану являлся во многом самостоятельным субъектом. В то же время большая часть населения имела скорее греческое или армянское происхождение, нежели турецкое. Для европейцев же все обитатели Магриба были «турками». Уже само это слово для них несет в себе негативный образ. Энн Томсон пишет:

«Само слово «турок» вызывало страх в сердцах всех христиан, поскольку они веками были их противниками, олицетворением Антихриста, воплощением жестокости и бессердечности» [\[7, с. 16\]](#).

Французские авторы обвиняли турок во всех грехах и катастрофах, включая и эпидемию чумы. Константин Франсуа Вольней в работе «Considérations sur la Guerre des Turcs» писал:

«Именно через этих варваров к нам пришли эти бедствия, своим глупым фанатизмом они способствуют распространению и обновлению этой заразы» [\[8, с. 765\]](#).

Религиозное предубеждение и ненависть была еще одной составляющей европейских представлений о жителях Магриба. Ложьер-де Тасси в предисловии к своей работе писал:

«Меня часто спрашивают, есть ли у них идея Божественности. Я убежден, если бы этим людям дали возможности пообщаться с ними переодетыми в христиан, то обнаружили у них столько же рациональности и стойкости; однако все эти качества исчезнут, стоит им вновь одеть турбаны» [\[9\]](#).

Преступления Хусейн-деа были перечислены в статье газеты «Moniteur universel» за 20 апреля 1830 г.: «нарушение принципов международного права, нарушение договоров и

конвенций, необоснованные поборы, выдвижение заранее оскорбительных требований, противоречащим законам королевства и правам французских подданных, нападения на французские корабли, публичное оскорбление французского консула, обстрел французских парламентариев» [\[10\]](#).

Министерство обороны Франции подготовило справочное пособие для Африканского корпуса, который должен был продемонстрировать военнослужащим «преступный режим Хусейн-дея». В основу документа легли записки путешественников XVIII в. и историческое сочинение талантливого инженера времен Первой империи Винсента-Ив Бутена «*Aperçu historique, statistique et topographique sur l'état d'Alger, à l'usage de l'armée expéditionnaire d'Afrique*» [\[6, с. 31\]](#).

Образ противника строился на трех ключевых столпах: радикальные исламские фанатики [\[11\]](#) [\[7, с. 144-145\]](#) [\[10\]](#), деспотичные и жестокие варвары, и «гнусные» пираты [\[12\]](#) [\[10\]](#) [\[13, с. 266-268\]](#). Именно в таком виде для большинства французских жителей благодаря литературе и средствам массовой информации представлялись жители Магриба.

В произведениях и заявлениях того периода наиболее частыми терминами, употребляемыми в адрес жителей Магриба, были: «варвары», «язычники», «корсары», «грабители», «работорговцы». Вторжение французских войск в Алжир преподносилось жителям Франции как «праведный крестовый поход христианского короля против деспотичных корсар, бравших в рабство белых людей» [\[6, с. 34\]](#).

Французскую гравюру 1830 г., на которой изображен эпизод высадки французских войск в Алжире, сопровождал текст, что, по мнению, исследовательницы Дженнифер Сешнс мог быть составлен аппаратом правительства Полиньяка, следующего содержания:

«Африканские варвары многие века занимались работорговлей европейцами, грабили торговые суда, требовали выкуп за их освобождение и унижительную дань от правителей за защиту [кораблей] от пиратства. Франция должна была отомстить за униженное человечество, очистить моря и покончить с властью этих пиратов» [\[6, с. 34\]](#).

Нарратив «восточного деспотизма» и Вторая империя. Алжирская авантюра не принесла роялистам желаемых результатов. Вместо стабилизации внутреннего положения в стране, укрепления власти Бурбонов и выхода страны из политического кризиса – произошла Июльская революция, что привело к установлению Июльской монархии. К нарративу о «Восточном деспотизме» Франция вернулась в середине XIX в. с установлением Второй империи. Наполеон III использовал веру как один из инструментов по укреплению своей власти, для чего он заручился поддержкой со стороны католической церкви. Наглядным тому подтверждением служат результаты голосования плебисцита 20-21 декабря 1851 г., на котором верующие и священнослужители проголосовали за поддержку Наполеона III. Ответными шагами нового правительства стало активная поддержка католической церкви и принятие ряда мер по увеличению престижа и влияния церкви в обществе. Среди них повышение заработной платы священникам, строительство новых церквей, закрытие кабаре (на чем настаивало церковное сообщество), исключительная свобода собраний (при условиях установления авторитарной системы правления) и свобода слова, восстановление социального престижа и влияния сельских священников и т.д. [\[14\]](#)

Стремительное усиление позиций Церкви и ее влияния в обществе, послужило причиной, по которой Наполеон III использовал религиозный фактор во внешней политике для

дальнейшего укрепления своего положения.

Приоритетной целью нового режима на мировой арене стало восстановление статуса Франции как великой державы. Для ее выполнения была развернута масштабная кампания, включающая в себя как дипломатическую работу по признанию Бонапартистского режима европейскими монархиями, так и активным проведением экспансионистских/колониальных кампаний.

По Конституции 1852 г. в руках правительственных органов сосредоточились все рычаги управления средствами массовой информации, тем самым обеспечивая Бонапартистскому режиму полный контроль над медиа-ресурсами [\[15, с. 215\]](#). Но именно в период цензуры и жесткого контроля средств массовой информации происходит всплеск развития прессы. Количество печатаемых ежедневно газет возросло с 150 тыс. в 1852 г. до 1 млн. в 1870 году. В то же время стоит отметить, что не все издания были подвергнуты строгой цензуре. Журналы и газеты, занимающиеся вопросами искусства, культуры и науки, в которых полностью отсутствовала политика, не подвергались жесткому контролю [\[16, с. 129\]](#). Для периода 1852-1860-х гг. характерно доминирование в обществе бонапартистской прессы, находившейся под прямым управлением государственных структур [\[17, с. 41\]](#).

В 1535 г. между Сулейманом и Франсуа I-м было заключено соглашение, которое предоставляло Франции статус «Протектора Святого Престола», полномочия и возможности которого были существенно расширены в 1740 году [\[18\]](#). Таким образом, Франция наравне с Россией обладала существенным влиянием в Палестине и Леванте в XVIII – XIX веках. Подобный расклад сил создавал угрозу для Британской Азии, что обусловило активную политику министра иностранных дел Генри Джона Темпла Пальмерстона по открытию консульства в Палестине [\[19\]](#).

В 1851 г. вновь обострился Восточный вопрос. Поводов для этого было несколько. Прежде всего, ослабление Османской империи и, казалось бы, её неминуемый распад использовались императором Николаем I как повод для установления контроля над проливами Босфор и Дарданеллы. С целью мирного варианта реализации этого сценария были инициированы переговоры с послом Великобритании Джорджем Гамильтоном Сеймуром. На этих переговорах был предложен вариант раздела территорий Османской империи и сфер влияния между Британией и Россией. Однако британской стороной переговоры были восприняты как угроза. Продвижение Российской империи в Средиземное море было невыгодно и Наполеону III.

В 1851 г. при содействии французской стороны разжигается конфликт между церквями в Палестине. Под угрозой морской блокады и французской интервенции султан принимает решение передать ключи от Храма Рождества Христова в Вифлееме католикам, а на самом храме была водружена серебряная звезда [\[20, с.8-9\]](#) [\[21, с. 452-454\]](#).

«Восточный вопрос» являлся для Наполеона III удобным поводом для реализации целого спектра политических задач:

- 1) ликвидация Священного союза и демонтаж Венской системы международных отношений, что обеспечило бы возвращение Франции как ведущей державы на Европейском пространстве;
- 2) укрепление собственного положения в стране;

3) сохранение Османской империи из-за недопустимости расширения влияния Российской империи на Средиземноморский регион [22].

Наполеон III намереваясь вернуть статус Франции как колониальной империи, столкнулся с рядом проблем внутри страны. Во французской политической элите сохранялся раскол по вопросу статуса вооруженных сил. В правительстве по-прежнему сохранялась группировка, верная идеям революционеров 1848-х гг. о европейском равенстве, размывании границ и эре всеобщего разоружения [22]. Частично эти идеи поддерживали ряд экономистов и социалистов, считавших, что на вооруженные силы тратятся чрезмерные средства [22]. Другая группировка настаивала на расширении роли армии и поднятии её престижа. Во времена Июльской монархии использовался образ «солдата-труженика». После крушения июльского режима была предложена концепция «вооруженных сил как некой школы жизни» [22]. Во времена Второй империи произошел переход от армии как некой цивилизационной школы, к вооруженным силам, что играют роль убежища нравственных ценностей, в эпоху индивидуалистского, материалистического коррумпированного общества [22].

Алжирская армия служила идеальным примером вышеописанного, поскольку это были части, что имели существенно больше боевого опыта, нежели войска в метрополии. Однако популяризация образа «африканского солдата» имела ряд недостатков. Главный из них – военный. Солдаты в Алжире имели специфический опыт ведения войны, в основном партизанского типа. Алжирская армия ни разу не сталкивалась с профессиональной европейской армией. Впоследствии это сыграет существенную роль в ходе боевых действий в Крыму.

Ещё одной проблемой была «культура насилия», являющаяся столпом французской школы колониальной войны генерала Тома Робера Бюжо [23, с. 11-12]. Французские военные в Алжире построили свою тактику ведения войны на идеях расового превосходства и истребления, считая, что «туземцы» способны понять лишь язык насилия [23, с. 12]. Резонанс и скандалы, в обществе вызванные известиями о «насильственных действиях» французских войск в Алжире, включая печально известный инцидент в пещерах Дахра, вынуждал метрополию оказывать давление на колониальные войска [23, с. 12]. В результате Том Робер Бюжо был вынужден частично изменить свою политику, взяв «арабов» под контроль и используя их в качестве инструмента для освоения новых территорий. Однако это не означало исчезновения насилия как инструмента управления и контроля. Заложенные в этот период отношения между французами-колонистами и коренным населением, сохранялись вплоть до 1962 года [23, с. 13].

Создание колониальной империи подразумевает наличие мощного военно-морского флота, с этим также была серьезная проблема. Традиционно отношение к военно-морским силам у французов было отрицательное. Население ассоциировало флот с «катастрофой», военно-морские операции были для него непонятными, а тяжелые условия службы и система телесных наказаний не способствовали росту престижа ВМС страны [22]. Наполеон III, намеривался создать флот, основанный на профессиональных кадрах, где служба будет строиться не на системе наказаний, а на поощрении [22].

В итоге, несмотря на все усилия Наполеона III отношение к вооруженным силам у французов оставались неоднозначными. В коллективной памяти народа осталась глубокая рана от кровопролитных войн времен республики и Первой империи. Для

определенной части населения воинская повинность продолжалась восприниматься как «налог на кровь» [\[22\]](#).

Началом информационной кампании по Восточному вопросу послужила брошюра Эжен Боре «Вопрос о Святых местах». Во второй части брошюры православные священнослужители на Святой земле обвинялись в интригах, притеснениях католиков и их религиозных прав, а также в умышленной порче и ненадлежащем контроле над христианскими святынями [\[24, с. 46-60\]](#).

Позиция католического населения и католической церкви Франции заключалась в выдвигании следующих тезисов:

«Должны пройти века, чтобы русские пролили столько же крови, сколько французы в Крестовых походах... Русские не принимали участия в Крестовых походах. Первенство Франции на Востоке среди христианских народов настолько сильно, что даже турки называют Европу «Франкистаном».. [\[25, с. 23\]](#).

Наполеон III, несмотря на агрессивную риторику со стороны католиков по Восточному вопросу (что была характерна для многих католических изданий в Европе и США) и ряд провокационных действий, не был заинтересован в вовлечении Франции в полномасштабную войну. Причиной тому – общественное мнение. Французский народ после многочисленных потрясений конца XVIII – первой половины XIX вв. не был готов одобрить еще одну завоевательную кампанию. Наполеон III прекрасно это понимал и даже в своей речи в Бордо в 1852 г. отметил:

«Из-за недоверия люди говорят: «Империя – значит, что будет война». Я же говорю, напротив, Империя означает мир. Мир, что так долго нужен Франции, а когда во Франции всё хорошо, то и во всем мире так. Слава действительно передается по наследству, но не война. Я понимаю, что подобно Императору мне предстоит множество завоеваний. Я, как и он, хочу вернуть враждующие партии в единое, великое народное русло. Я хочу принести религию, мораль и процветание той части населения, что в стране веры едва знает заповеди Христа, что среди самой плодородной земли едва может позволить себе предметы первой необходимости.... Нас повсюду окружают руины, что нужно восстановить, ложные боги коих необходимо уничтожить и истина, которой нужно восторжествовать. Вот что я подразумеваю под Империей, если ей суждено будет восстановиться. Таковы завоевания, что я приготовил для всех, кто, как и я, желает благополучия нашей стране – мои солдаты» [\[26\]](#).

После отказа императора Николая I принимать Венскую ноту, Наполеон III был вынужден перейти к решительным мерам. О скорой возможности участия Франции в войне император сообщил в ходе своего выступления на открытии законодательной сессии 2 марта 1854 г.:

«Я сделал все, чтобы сохранить мир. Европа знает, что если Франция обнажит свой меч, то лишь потому, что её вынудили. Она знает, что Франция не думает о своем расширении. Она хочет противостоять опасным посягательствам [колоссальной] державы, которая своими последовательным вторжениями охватывает и Север, и Юг, что обладает двумя внутренними морями, с которых она может обрушить свою армию и флот на нашу цивилизацию... Вместе с Англией мы идем в Константинополь чтобы защитить Султана и в тоже время защитить права христиан. Мы идем туда, чтобы защитить свободу морской торговли и наше законное влияние в Средиземноморье... Мы идем со всеми, кто желает торжество верховенства закона, справедливости, цивилизации...» [\[27\]](#)

Всё же, несмотря на то, что французское общество было не готово к новой войне, нарратив о «крестовом походе против России» сумел найти отклик не только среди католиков, но и среди либералов с республиканцами [\[28, с. 141\]](#). Французский народ рассчитывал на быструю, победоносную войну. Рост цен на хлеб, вызванный неурожаем в 1854 г., отсутствие каких-либо значимых успехов на передовой, что сигнализировало о затягивании конфликта, приводило к постепенному росту общественного недовольства [\[29\]](#).

Взятие Севастополя союзными войсками 27 августа (8 сентября) 1855 г. стало ключевым событием Крымской войны. Хотя для самого Наполеона III, готовившего планы по вытеснению России с Крымского полуострова, оно не являлось знаменем завершения войны, тяжелое положение Российской империи (близость дефолта, отсутствие военных и финансовых ресурсов для продолжения конфликта, рост общественного недовольства внутри страны, угроза восстаний) вынудили императора Александра II пойти на переговоры. Парижский мирный договор стал первой громкой победой Наполеона III во внешней политике. Переговоры в Париже ознаменовали разрушение системы 1815 г. и возвращение Франции на международную арену как влиятельного актора. Помимо этого, Наполеону III удалось создать ощутимую брешь в австро-российском союзе, а сдерживание непомерных требований британских представителей позволило сблизить Россию и Францию.

Победа в Крыму укрепила поддержку Наполеона III не только среди католиков, но и среди левых, а также способствовала росту национализма и патриотизма в народе [\[14\]](#).

Наполеоновская пропаганда обратилась к нарративу о восточном деспотизме и в случае с экспансией в Индокитай. Так, под предлогом защиты французских католических миссионеров и христианской веры от нападений аннамитов была осуществлена интервенция в Кокхинху (юго-восточная часть Индокитаея) [\[17, с. 129\]](#). Эти идеи могли получить широкую поддержку среди народов, однако публикации журналиста Эжен Вейо сумели оказать частично обратный эффект. В своих материалах журналист подверг критике колониальную политику Франции, назвав ее неэффективной, затратной и демонстрирующей моральную слабость государства в Индокитае [\[17, с. 129-130\]](#).

Парадоксально, что в то время как католики критиковали Французское правительство за скудные результаты кампании, поддержку правительству выразили либералы, что увидели в этом возможность усилить свои позиции, в обществе сыграв на патриотических чувствах граждан.

Таким образом, на период первой половины XIX в. нарратив «восточного деспотизма» можно определить как политику идеологического обоснования внешней экспансии, посредством создания дегуманизирующего образа противника, опирающегося на контрастном противопоставлении цивилизации и варварства.

Миф о Франции, как государстве, с цивилизаторской миссией сохранился не только в годы Третьей республики, но и продолжает существовать и сегодня. Бывший президент Французской республики Жак Ширак в своей речи в 1998 г. сумел интерпретировать колониальную политику Франции как переход общества от рабовладельческого к демократическому, происходившей под сенью идеалов французской республики [\[30, с. 148\]](#).

Современный этап. Нарратив о Восточном деспотизме Франция использует и сегодня

против России. В то же время необходимо сразу отметить его частичную, содержательную трансформацию и совершенной иной характер применения. Процесс деколонизации охватившей мир после Второй мировой войны, заставил французские элиты существенно изменить свои взгляды на формат взаимодействия со своими бывшими колониями, так и общий курс внешней политики государству. На смену экспансионистской политике, ставившей своей целью захват новых территорий, и рынков сбыта, приходит политика «франкофонии», под которой подразумевалось налаживание тесного торгово-экономического сотрудничества с экс-колониями. Исследователи Е.И. Филлипова и В.Р. Филлипов в своей работе «Распад французской колониальной империи в политике памяти Пятой республики» отмечали, что французское общество продолжает оставаться расколотым по отношению к колониальной политике государства в XIX-XX веках [31, с.78]. Нарратив о «восточном деспотизме» в то же время стал использоваться рядом французских изданий для описания российского государства. В 2007 г. Газета «Фигаро» опубликовала статью под названием «Comment Vladimir Poutine orchestre le nouveau despotisme russe («Как Владимир Путин устанавливает новый деспотизм в России)» [32]. В материале мы можем заметить, что автор акцентирует внимание и подчеркивает такие стороны деспотии как «попирание закона» и «использование репрессивного аппарата» [31]. В 2013 г. издание «LesEchos» публикует статью «La Russie et la tentation du «despotisme oriental» («Россия и соблазн восточного деспотизма») [33]. Тональность материала можно уже проследить в аннотации: «Россия продолжает отдалиться от Европы и приближается к Азии. Медленный процесс постепенно склоняет Москву к авторитарному правлению и темным страницам своей истории» [33]. Режим управления в России, созданный Иосифом Виссарионовичем Сталиным называется со слов философа Карла Виттфогеля «Восточным деспотизмом» [33]. Автор публикации – французский политолог Доминик Моизи считает, что уход Московских властей в сторону авторитарного, деспотического режима связан с внутренними экономическими, политическими и социальными проблемами [33]. По мнению специалиста, таким образом, режим в России стремится скрыть собственную слабость [33]. В материале «LesEchos» автор указывает, что авторитарная форма правления является характерной для Российского государства, когда оно ощущает свою слабость [33]. Уже в следующем году «Le Point» публикует статью Николаса Бавереса «Parier sur la Russie au-delà du despotisme («Ставка на Россию вне деспотизма»)» [34]. Автор пишет:

«Чрезмерность Зимних олимпийских игр в Сочи, на которые был потрачен 51 млрд. долларов символизирует личное могущество и культ власти, лежащие в основе власти Владимира Путина. Не даром еще Монтескье писал в «О духе законов»: «Московия хотела бы отказаться от своего деспотизма, но не может.... Народ состоит из рабов, привязанных к своей земле» [33].

Николаса Баверес считает, что бороться с деспотизмом в России стоит через расширенное партнёрство, удовлетворяя потребности России в области инфраструктуры и новейших технологий [34]. «Лучшее противоядие от автократии – это прогресс» - пишет автор [34].

Стоит отметить, что не все французские издания выпускали материалы с подобного рода характеристиками в сторону российского государства. Подобные элементы, на данном этапе нельзя назвать частью целенаправленной и систематизированной информационной кампании, направленной на дегуманизацию России в французском общественном создании. Французская пресса, является крайне неоднородной. Среди французских

изданий можно обнаружить те, что придерживаются коммунистических или левых взглядов, так и правых идей. Появление материалов с определенным тенденциозным взглядом на Россию в период с 2012 по 2017 гг., можно отчасти объяснить началом глубокого кризиса во франко-русских отношениях, после прихода к власти администрации Ф.Олланда. Между странами возникли серьезные расхождения по разрешению Сирийского и Украинского кризисов. Однако прослеживались и положительные моменты, в том числе и по «Ядерной сделке с Ираном» [\[35, с.181\]](#). В целом этот период двухсторонних отношений характеризовался началом санкционной политики Франции в адрес России. С приходом к власти Э.Макрона намечались тенденции, если не по налаживанию отношений между государствами, то, по крайней мере, по выстраиванию конструктивного диалога по ряду вопросов.

В то же время, после начала 24 февраля 2022 г. Специальной военной операции на Украине, количество публикаций, в которых прослеживается негативное или предвзятое к России отношение стремительно увеличивается.

24 февраля 2022 г. выходит публикация журналиста «La Press» Александра Сируа под названием «Le délire d'un despote («Бред деспота»)» [\[36\]](#). В ней автор указывает, что мир стоит на пороге крупнейшего военного вторжения в Европе со времен Второй мировой войны. Выступление президента, сделанное им ночью 24 февраля, было названо «опасным бредом безумного тирана» [\[36\]](#). А тезисы президента о геноциде, устроенном украинскими войсками в Донбассе, марионеточности украинского режима - «дезинформацией вызванной паранойей» [\[36\]](#). При этом каких-либо обоснованных и подкрепленных контраргументов автор не приводит, склоняясь лишь к эмоциональной, непрофессиональной реакции.

В марте 2022 г. выходят публикации Николя Тенайона «Poutine est-il un dictateur, un despote ou un tyran? («Путин – это диктатор, деспот или тиран?»)» [\[37\]](#) и ассоциации «Sauvons l'Europe» под названием «Comment Poutine a détruit la Russie: les infortunes du despotisme éclairé («Как Путин разрушил Россию: несчастья просвещенного деспотизма»)» [\[38\]](#). Целью этих двух материалов является показать Россию как отсталую военную диктатуру, сеющую военные преступления по всему миру. Прослеживается параллель с тем образом, который французы создавали для Алжира и Хусейн-дея, но с небольшими корректировками. Вместо радикального ислама – православие, варваров-турок – варвары-русские, а кровожадных пиратов заменили на военных преступников.

В октябре 2022 г. выходит материал «Lefigaro» с заголовком «La barbarie, socle de la guerre russe («Варварство это основа русской войны»)», где автор обвиняет вооруженные силы РФ в многочисленных военных преступлениях и создании «фильтрационных лагерей» на территории Украины [\[39\]](#). Журналисты этого же издания, в более раннем материале под названием «La Syrie, le laboratoire de la barbarie guerrière de Vladimir Poutine» («Сирия, лаборатория Владимира Путина по ведению варварской войны»), уже обвиняли Россию в варварских методах ведения войны, которые, по их мнению, были апробированы Россией на территории Сирии [\[40\]](#). В целом публикации о имевших якобы место «преступлениях русской армии на территории Украины», были крайне распространены в 2022 году [\[41\]](#) [\[42\]](#) [\[43\]](#) [\[44\]](#) [\[45\]](#). В заключении мы более подробно остановимся на претенциозности и ошибочности этих обвинений.

Отметим, что ряд французских изданий продолжает сохранять некий комплементарный взгляд на Россию и в частности это проявляется в публикации материалов, где авторов

осуждают военную поддержку Украины со стороны Франции. Негативные публикации о России, можно связать с мнением отдельных журналистов, аналитиков или редакций. В рамках статьи невозможно охватить абсолютно все информационное пространство Франции в установленных хронологических рамках исследования. В этой связи тезис о том, что современное информационное пространство Франции состоит исключительно из антироссийских публикаций, можно считать претенциозным. Однако изучение и освещение именно такого рода материалов, в современной информационной повестке крайне необходимо. Изменения тональности и характера подачи материала в крупных французских изданиях, служит важным маркером государственной политики. Появление широкого спектра публикаций антироссийской направленности в ряде информационных ресурсов, может служить подготовкой общественности к принятию какого-либо политического решения.

На современном этапе, когда Франция не проводит активную, экспансионистскую политику, нарратив «восточного деспотизма» необходимо трактовать в контексте конфликта на Украине. В таком случае он представляется, как политика идеологического обоснования оказания военной помощи Украине, с целью ослабления Российского государства.

Заключение

На протяжении всей мировой истории основным нарративом для аргументации электорату/населению/подданным экспансионистской внешней политики государства был нарратив о внешней угрозе с контрастным противопоставлением цивилизации и варварства. В Древнем мире римляне и эллины аргументировали захват территорий тезисами о том, что они являются единственными носителями цивилизации, окруженные многочисленными варварскими этносами. Для эллинов особо актуальной была Персидская угроза с Востока. На основе этой экзистенциальной угрозы для греческих государств в просвещённых Афинах был создан нарратив о «Восточном деспотизме». В Средние века посредством перевода античных произведений, нарратив был подкорректирован в соответствии с актуальными геополитическими условиями. На смену «Персидского государства» приходит Фатимидский халифат, впоследствии его сменит Османская империя. Империя осман угрожала европейскому пространству не только как военная угроза, но и экономическая. Под ее контроль попадали основные торговые пути с Востока и Азии, до открытия Нового света.

Во Франции сюжеты о «деспотизме» и «деспотическом правлении» стали закрепляться в период правления Людовика XIV, когда абсолютная власть монарха начала представлять прямую угрозу элитам страны. Французская философская школа создала образа «деспота» и «деспотизма» как абсолютной формы правления одного лица (как правило, невежественного и обладающего всеми возможными пороками), установленный при помощи насильственных средств, где основным инструментом контроля является страх. За основу брались такие «варварские» по мнению французских деятелей страны как Османская империя и Китай.

Нарратив о «Восточном деспотизме» являлся обоюдоострым орудием. Французская монархия использовала его для увеличения своей поддержки и влияния внутри страны, подкрепляя образы «варварского Востока и Азии» статусом государства как протектора католического населения и христианской веры. Дегуманизируя образ восточного и азиатского населения и дополняя религиозным антагонизмом французская монархия создала миф об «исключительности французской нации», чьей основной задачей является цивилизаторская т.е. принесении цивилизации варварским территориям. Таким

образом, французская монархия получила удобный инструмент, позволявший ей легитимизировать практически любую интервенцию в Азиатское или Восточное государство. В то же время «деспотизм» должен был играть роль балансирующего механизма внутри страны. Французская аристократия, обвиняя монархическую власть в «деспотизме», отстаивала тем самым свои экономические и политические интересы, посылая четкий сигнал верховной власти.

Революционные события заставили Францию отойти от нарратива «восточного деспотизма». К нему власти уже восстановленной монархии обратились в период пика социально-политического кризиса и напряженности внутри страны. Ультрароялисты во главе с Карлом X намеривались отвлечь внимание общественности от проблем внутри страны и поднять свою популярность за счёт внешней экспансии. Выбор пал на Алжир. В основу своего мифотворчества ультрароялисты положили нарративы как Старого режима (монарх как защитник христианской веры), так и революционные (борьба за освобождение народов от власти тирании). Благодаря произведениям путешественников, философов, средств массовой информации, публичным выступлениям Алжир был превращен в «Восточную деспотию». Однако интервенция в Алжир не принесла ультрароялистам желаемых результатов оказав обратный эффект, итогом чего стало повторное падение режима Бурбонов.

«Восточный деспотизм» использовался и во внешней политике Второй империи. В 1851 г. по итогам народного плебисцита во Франции была провозглашена Вторая империя во главе с императором Наполеоном III. Племянник Наполеона I избрал католическую веру как один из столпов своей новой власти. Восстанавливая роль и престиж церкви внутри страны после Второй республики и Июльской монархии, Наполеон III использовал веру и как инструмент для внешней экспансии. Целью нового режима стало возрождение Франции как влиятельного актора на европейском политическом пространстве, что было невозможно при существовании Венской системы международных отношений. Для реализации этих планов идеальным вариантом была «быстрая, победоносная война». Обострение «Восточного вопроса» в 1850-х гг. в связи с ослаблением Османской империей предоставило идеальную площадку для реализации поставленных целей. Франция использовала вопрос о святых местах как повод для провоцирования Российской империи на агрессивные действия в адрес Османской империи. Изначально, Наполеон III не планировал прямого военного вмешательства французских вооруженных сил из-за глубинной травмы внутри французского народа связанная с последствиями революционных и Наполеоновских войн. Однако сыграв на религиозном вопросе и идеалах либерально-демократического толка император сумел получить достаточную поддержку общества для прямого участия Второй империи в конфликте.

Помимо Крымской войны нарратив о «Восточном деспотизме» использовался для вторжения в Индокитай. Сегодня этот нарратив используется рядом французских изданий и политических сил в информационном пространстве при освещении украинского кризиса. Их целью является создание необходимого фона, с помощью которого французские власти смогут получить необходимую поддержку со стороны собственного населения для последующего оказания военной помощи Украине. Французские власти, тем самым стремятся возродить статус Франции как одной из великих держав на европейском континенте, посредством активного участия в Украинском кризисе. Олицетворение Российского государства как «восточной деспотии» и президента России Владимира Владимировича Путина как «деспота» или «тирана» началось еще задолго до начала специальной военной операции 24 февраля 2022 года. Французские журналисты и политологи пытались тем самым создать негативный образ

нашей страны с целью оправдать последующие недружественные действия со стороны французского государства в адрес нашего государства. С началом СВО на Украине в 2022 г. образ «восточного» варварского государства стал транслироваться через призму «военных преступлений» российских войск. При этом сами обвинения не имеют никакой доказательной базы. В прессе они подаются через, как правильно анонимные сообщения, абсолютно не подкрепленные никакими доказательствами. Кроме того, украинская сторона неоднократно была замечена в фальсификациях доказательств и умышленных постановках. Еще в 2022 г. ряд отечественных изданий сообщали о работе на Украине «фабрики фейков», ведущих информационную войну против России [46],[47],[48],[49]. О наличии на Украине таких центров, что занимаются фабрикацией доказательств «зверств» и преступлений» российской армии писал журналист испанского издания Фабрицио Касар (Fabrizio Casar) [50]. Более подробно ознакомиться с разбором украинских фейков о вооруженных силах РФ можно в телеграмм канале «Борьба с фейками».

На официальном уровне Россия неоднократно опровергало все выдвигаемые в ее адрес обвинения в военных преступлениях. А преступления вооруженных сил Украины, что были подтверждены представителями Следственного комитета России, включая и ядерный терроризм (удары по Запорожской АЭС), удары по гражданским объектам, расстрелы российских военнопленных, игнорируются французскими изданиями. Наличие случаев применения Украиной запрещенных методов ведения войны были зафиксированы и ряде докладов международных организаций. В качестве примера можно привести доклад «Human Rights Watch» от июня 2023 г., где правозащитники зафиксировали использование противопехотных мин со стороны вооруженных сил Украины, запрещенных договором от 1996 г., который подписала и Украина [51].

Появление целого спектра публикаций на тематику «военных преступлений России на территории Украины» в ряде французских изданий совпадает с периодами оказания Францией военной помощи Украине. В частности, первая массовая волна материалов появилась во французском информационном поле в марте-апреле 2022 г. [39],[40],[52],[53],[54],[55],[56],[57]. И уже в середине апреля, французские власти объявили о намерении передать Украине артиллерийские самоходные установки CAESAR. Появление во французском информационном поле публикаций дегуманизирующих Россию и ее вооруженные силы, является одним из способов подготовки общественного мнения во Франции для оказания военной помощи Украине. Это в свою очередь приводит лишь к дальнейшей эскалации конфликта. На сегодняшний день, Франция является наравне с Германией и Великобританией, одним из главных поставщиков военной техники и прочих военных услуг для Украины. Согласно официальному ресурсу министерства обороны Франции, общая сумма помощи оказанной Францией Украине составила свыше 3.8 миллиарда евро. В этом же материале указывается, что французы подготовили на базах в Польше и Франции свыше 10 тысяч украинских солдат. Кроме того, отмечается размещение дополнительного контингента в Румынии, Эстонии и Латвии [58]. Несмотря на то, что французские власти неоднократно высказывались об отсутствии намерений вступать в прямой вооруженный конфликт с Россией, высшие лица Франции делают ряд провокационных высказываний, не способствующих урегулированию конфликта на Украине. Так в марте и мае 2024 г. президент Франции Э.Макрон не исключил возможности отправки французских военных на территорию Украины. 20 мая 2024 г. глава комитета по иностранным делам парламента Франции Жан-Луи Бурланж призвал разрешить Украине наносить удары, при помощи французского оружия по территории Российской Федерации [59].

Таким образом, нарратив «восточного деспотизма» и «деспотии» является одним из активных инструментов Французской внешней политики. Усиление влияния Российского государства на мировой арене вынудило французов, взяв за основу нарратив «Восточного деспотизма», создать сюжет о «русской угрозе» и интерпретации Российского государства как варварской державы, населенной варварами-кочевниками. Этот нарратив был создан еще в Старом режиме Бурбонов, активно использовался в революционной, Бонапартистской Франции, Июльской монархии и впоследствии был унаследован Второй империей. Современная Франция также использует этот нарратив, что активно отражается в заявлениях французских политических деятелей и тональности публикаций французской и франкоязычной прессы.

Библиография

1. Boesche R. Fearing monarchs and merchants: Montesquieu's two theories of despotism // The Western Political Quarterly. Vol. 43, №4, 1990. P. 741-761.
2. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. М.: «Мысль». Т. 4, 1983. С. 376-644.
3. Venturi F. Oriental Despotism // Journal of the History of Ideas. Vol. 24, 1963. P. 133-142.
4. Kaiser T. The Evil Empire? The Debate on Turkish Despotism in Eighteenth-Century French Political Culture // The Journal of Modern History 72, 2000. P. 69-81.
5. Conklin A.L. A Mission to Civilize: The Republican Idea of Empire in France and West Africa, 1895-1930. Stanford University Press, 1997. 384 p.
6. Sessions J. France and Conquest of Algeria. London: Cornell University Press, 2011. 325 p.
7. Thomson A. Barbary and enlightenment. European Attitudes towards the Maghreb in the 18th Century. Leiden: Brill, 1987. 180 p.
8. Volne C.F. Oeuvres completes de Volney. Paris, 1864. 778 p.
9. Jacques Philippe Laugier de Tassy. Histoire des états barbaresques qui exercent la piraterie [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.com/books?id=TIxY38uPrcC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gb_s_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false
10. Moniteur universel, 20 avril 1830. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.retronews.fr/journal/gazette-nationale-ou-le-moniteur-universel/20-avril-1830/149/1287761/2>
11. Le Chevalier Chatelain Mémoire sur les moyens à employer pour punir Alger, et détruire la piraterie des puissances barbaresques. Paris, 1828 [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k425347m/f5.item.texteImage>
12. Jean-Charles-Léonard Simonde de Sismondi, De l'expédition contre Alger, extr. de La Revue Encyclopédique, mai 1830. Paris, 1830. [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k54486315/f8.item.texteImage>
13. Nettement A. Histoire de la conquête d'Alger : écrite sur des documents inédits et authentiques (Nouvelle édition revue et corrigée). Paris, 1867. 628 p.
14. Yon J.-C. Le Second Empire. Politique, société, culture. Paris: Armand Coun, 2004. E-book.
15. Hazel C. B. Official Propaganda and the French Press during the Franco-Prussian War // The Journal of Modern History. Vol. 4. №2, 1932. P. 214-230.
16. Spandonis S. La presse du Second Empire vue à travers le Journal des Goncourt, ou le Journal comme «document humain» // Cahiers Edmond et Jules de Goncourt. Vol. 9, 2002. P. 125-151.
17. Miquel de la Rosa French Liberalism and Imperialism in the Age of Napoleon III Empire

- at Home, Colonies Abroad. Cambridge Imperial and Post-Colonial Studies, 2022. 230 p.
18. Nicault C. The End of the French Religious Protectorate in Jerusalem (1918-1924) [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.openedition.org/bcrfj/3502>
19. Khalid EL-AWAISI, Emine YİĞİT Early foreign penetration in the Holy Land during the late ottoman period: the role of Britain // Journal of IslamicJerusalem Studies, 2020, 20(1). P. 1-18.
20. Айрапетов О. Крымская война. Популярный очерк. М.: REGNUM, 2017. 208 с.
21. Бабина А. Наполеон III. Триумф и трагедия. М.: Этерна, 2021. 896 с.
22. Drévilion H. Wieviorka O. Histoire militaire de la France. Des Mérovingiens au Second Empire. Perrin: Ministère des Armées. 2018. E-book.
23. Vennes T. Violence, maintien de l'ordre et culture organisationnelle de l'armée coloniale française en Afrique (1830-1914) approche conceptuelle et théorique. 28 p.
24. Eugène Boré Question des lieux saints. Paris, 1850. 88 p.
25. Marilin R. L'Opinion franc-comtoise devant la guerre de Crimée, Annales Littéraires de l'Université de Besançon. Vol. 17, 1957. 68 p.
26. Garrigues J. Lacombrade P. La France au XIX siècle. Armand Colin, 2015. E-book.
27. Moniteur universel, 3 mars 1854. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.retronews.fr/journal/gazette-nationale-ou-le-moniteur-universel/03-mars-1854/149/2618081/1>
28. Plessis A. The Rise and Fall of the Second Empire, 1852-1871. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 212 p.
29. Anceu E. Napoléon III. Paris: Tallandier, 2014. E-book.
30. Frith N. The French Colonial Imagination. Writing the Indian Uprisings, 1857-1858, from Second Empire to Third Republic. Lexington Books, 2014. 228 p.
31. Филлипова Е.И., Филлипов В.Р. Распад французской колониальной империи в политике памяти Пятой республики // Известия АлтГу. Исторические науки и археология. №6 (116). 2020. С. 77-80.
32. Comment Vladimir Poutine orchestre le nouveau despotisme russe [Электронный ресурс], Режим доступа: https://www.lefigaro.fr/debats/2007/04/26/01005-20070426ARTFIG90034-comment_vladimir_poutine_orchestre_le_nouveau_despotisme_russe.php
33. Moïsi D. La Russie et la tentation du «despotisme oriental» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lesechos.fr/2013/04/la-russie-et-la-tentation-du-despotisme-oriental-320709>
34. Baverez N. Parier sur la Russie au-delà du despotisme [Электронный ресурс]. URL: https://www.lepoint.fr/editos-du-point/nicolas-baverez/parier-sur-la-russie-au-dela-du-despotisme-16-01-2014-1780758_73.php#11
35. Коллектив авторов. Современная Франция: между тревогами и надеждами. М.: ИМЭМО РАН, 2022. 256 с.
36. Sirois A. Le délire d'un despote [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lapresse.ca/debats/editoriaux/2022-02-24/le-delire-d-un-despote.php#>
37. Tenaillon N. Poutine est-il un dictateur, un despote ou un tyran? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.philomag.com/articles/poutine-est-il-un-dictateur-un-despote-ou-un-tyran>
38. Comment Poutine a détruit la Russie : les infortunes du despotisme éclairé [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sauvonsleurope.eu/poutine-a-detruit-la-russie/>
39. La barbarie, socle de la guerre russe [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/la-barbarie-socle-de-la-guerre-russe-20220414>
40. La Syrie, le laboratoire de la barbarie guerrière de Vladimir Poutine [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/la-syrie-le-laboratoire-de-la-barbarie-guerriere-de-vladimir-poutine-20220304>

41. Marin S. Les crimes de guerre en Ukraine, des tranchées à la cour [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ledevoir.com/monde/europe/782644/un-an-de-guerre-en-ukraine-crimes-de-guerre-en-ukraine-des-tranchees-a-la-salle-de-cour>
42. Sillah F. Guerre en Ukraine: six mois de conflit émaillés de crimes de guerre [Электронный ресурс]. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2022/08/24/ukraine-plus-de-29-000-crimes-de-guerre-presumes-signalés-depuis-le-debut-de-l-invasion-russe_6138830_3210.html
43. Genté R. Guerre en Ukraine: les crimes de guerre russes dans le viseur de la justice [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/guerre-en-ukraine-les-crimes-de-guerre-russes-dans-le-viseur-de-la-justice-20221005>
44. Guerre en Ukraine : nombreux crimes de guerre, possibles crimes contre l'humanité... Les enquêteurs de l'ONU sortent leur premier rapport [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rtb.be/article/guerre-en-ukraine-nombreux-crimes-de-guerre-possibles-crimes-contre-l-humanite-les-enqueteurs-de-l-onu-sortent-leur-premier-rapport-11168627>
45. Guerre en Ukraine : tribunal spécial contre les crimes de guerre, réparations... ce que dit l'UE [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vie-publique.fr/en-bref/287462-ukraine-un-tribunal-special-pour-juger-les-crimes-de-guerre-russe>
46. Как устроена крупнейшая фабрика фейков Украины. Рассказ изнутри [Электронный ресурс]. URL: <https://ura.news/articles/1036284660?ysclid=lw8ugxc8p4299069382>
47. Фабрика украинских фейков еще дышит. Пропагандисты пытаются очернить Россию, но их быстро разоблачают [Электронный ресурс]. URL: <https://360.ru/tekst/obschestvo/fabrika-ukrainskih-fejkov/>
48. «Россиян фактически расчеловечивают»: чем опасны фейки о спецоперации на Украине и как их распознать [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/969758-feiki-specoperaciya-ukraina>
49. «Загаживают буквально все»: как работают украинские фабрики фейков [Электронный ресурс]. URL: <https://ntv-ru.turbopages.org/ntv.ru/s/novosti/2700774/>
50. Украина – фабрика ложных новостей [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20220501/ukraina-253985590.html>
51. Protocol on Prohibitions or Restrictions on the Use of Mines, Booby-Traps and Other Devices as amended on 3 May 1996 [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20220501/ukraina-253985590.html>
52. Guerre en Ukraine : qu'est-ce qu'un crime de guerre ? Qui peut être jugé, et qui peut juger ? [Электронный ресурс]. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2022/03/08/ukraine-qu-est-ce-qu-un-crime-de-guerre_6116654_3210.html
53. «L'horreur» et la «barbarie» de Boutcha en Une de la presse internationale [Электронный ресурс]. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2022/03/08/ukraine-qu-est-ce-qu-un-crime-de-guerre_6116654_3210.html
54. Barbarie. Le bizutage, une pratique violente et institutionnalisée dans l'armée russe [Электронный ресурс]. URL: https://www.liberation.fr/international/le-bizutage-une-pratique-violente-et-institutionnalisee-dans-larmee-russe-20220426_GYO4WCMCNRCTNFF3HIBJQLZLWY/
55. Pierre Richard, star en Russie, dénonce les « abominations » en Ukraine russe [Электронный ресурс]. URL: https://www.lepoint.fr/people/pierre-richard-star-en-russie-denonce-les-abominations-en-ukraine-18-04-2022-2472500_2116.php
56. Boutcha, la stratégie du carnage [Электронный ресурс]. URL: https://www.lepoint.fr/monde/boutcha-la-strategie-du-carnage-05-04-2022-2471024_24.php#11

57. Massacre de civils à Boutcha : « Les soldats russes voyaient bien qu'il y avait des enfants », témoigne un habitant [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sudouest.fr/international/europe/ukraine/massacre-de-civils-a-boutcha-les-soldats-russes-voyaient-bien-qu-il-y-avait-des-enfants-temoigne-un-habitant-10452534.php>
58. French Military Equipment Delivered to Ukraine [Электронный ресурс]. URL: <https://www.defense.gouv.fr/en/news/french-military-equipment-delivered-ukraine>
59. Armes occidentales fournies à l'Ukraine: le territoire russe ne doit plus être «sanctuarisé», affirme Jean-Louis Bourlanges [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/armes-occidentales-fournies-a-l-ukraine-le-territoire-russe-ne-doit-plus-etre-sanctuarise-affirme-jean-louis-bourlanges-20240519>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

на статью

Нарратив восточного деспотизма во внешней политике Франции первой половины XIX в.: связи и аналогии с современностью

Название отчасти соответствует содержанию материалов статьи.

В названии статьи условно просматривается научная проблема, на решение которой направлено исследование автора.

Рецензируемая статья представляет относительный научный интерес. Автор в целом разъяснил выбор темы исследования и отчасти обосновал её актуальность.

В статье сформулирована цель исследования, указаны объект и предмет исследования, методы, использованные автором.

Автор не представил результатов анализа историографии проблемы и не сформулировал новизну предпринятого исследования, что является существенным недостатком статьи.

При изложении материала автор избирательно продемонстрировал результаты анализа историографии проблемы в виде ссылок на актуальные труды по теме исследования. Апелляция к оппонентам в статье отсутствует.

Автор не разъяснил выбор и не охарактеризовал круг источников, привлеченных им для раскрытия темы.

Автор не разъяснил и не обосновал выбор географических и хронологических рамок исследования.

На взгляд рецензента, автор стремился грамотно использовать источники, выдержать научный стиль изложения, грамотно использовать методы научного познания, но не сумел соблюсти принципы логичности, систематичности и последовательности изложения материала.

В качестве вступления автор указал на причину выбора темы исследования, обозначил её актуальность, сообщил цель, объект и предмет исследования, использованные методы.

В основной части статьи автор заявил, что «нарратив «Восточного деспотизма» играет огромную роль, в политической истории Франции начиная с XVIII века», что «». сообщил, что «термины «деспотизм» и «деспотическое правление» стали впервые применять в конце XVII в. – начале XVIII в.», став «своеобразной реакцией знати на растущую абсолютную власть монарха и его посягательства на сословные привилегии дворян». Затем автор, пользуясь трудом Роджера Боше, описал содержание двух «теорий деспотизма» в работах Монтескье – мыслителя первой половины XVIII в.,

пояснил, что писатели Франции сосредоточили внимание на Османской Турции и что «образ деспотичного, варварского государства османов выполнял две важные функции для политической системы Франции». Данные функции автор обозначил как «религиозный антагонизм» и «в противопоставлении» («Деспотический, во многом тиранический режим в Османской империи противопоставляли законной, абсолютной власти во Франции»).

Затем автор сообщил, что в условиях Великой Французской революции и во времена правления Наполеона «нарратив «Восточного деспотизма» использовался как один из главных поводов для интервенции Франции в другие страны». Таким образом, только в этой части статьи автор приблизился к верхней хронологической границе своего исследования. Как именно «нарратив «Восточного деспотизма» использовался» в качестве одного «из главных поводов для интервенции Франции в другие страны», автор не объяснил и перешёл к сюжету о возникновении идеи «крестового похода» в Грецию с целью освободить христиан от гнета турок-осман в связи с началом Греческой войны за независимость (1821–1829 гг.). Следующий тезис автор не вполне ясен: «Французские либералы опасались, что религиозные нарративы могут быть использованы клириками внутри страны для укрепления своего положения во власти». Автор не разъяснил читателю, как именно в католической Франции рассматривали христианское единство с православной Грецией (являвшейся и религиозно, и политически близкой России, руководитель Министерства иностранных дел которой, И. Каподистрия, стал первым правителем независимой Греции). Опираясь на сюжет о Греции, автор перешёл к сюжету о намерении Франции вторгнуться в Алжир. При этом автор сосредоточил внимание не на разъяснении использования «образа «Восточного деспотизма», а на описании обращения к «нарративу о «турках», а также «религиозном предубеждении и ненависти» французов. Автор пояснил, что для экспедиционного корпуса было подготовлено «справочное пособие», в котором «образ противника строился на трех ключевых столпах: радикальные исламские фанатики, деспотичные и жестокие варвары, и «гнусные» пираты».

Далее автор сообщил, что Наполеон III опирался при осуществлении власти на католическую церковь, что «приоритетной целью нового режима на мировой арене стало восстановление статуса Франции как великой державы», что «в руках правительственных органов сосредоточились все рычаги управления средствами массовой информации», наконец, что «восточный вопрос» являлся для Наполеона III удобным поводом для реализации целого спектра политических задач». При этом автор, неясно с какой целью, сосредоточил внимание на политической дискуссии о роли армии, заключив: «Несмотря на все усилия Наполеона III отношение к вооруженным силам у французов оставались неоднозначными. В коллективной памяти народа осталась глубокая рана от кровопролитных войн времен республики и Первой империи».

Затем автор описал читателю, используя обширные цитаты, действия Наполеона III в отношении России, заключив, что «несмотря на то, что французское общество было не готово к новой войне, нарратив о «крестовом походе против России» сумел найти отклик не только среди католиков, но и среди либералов с республиканцами». Автор, неясно с какой целью, лаконично описал ход действий в Крымской войне и обстоятельства её завершения. Какова была роль «нарратива «Восточного деспотизма» в отношении России, осталось совершенно неясно.

Затем автор сообщил, что «наполеоновская пропаганда обратилась к нарративу о восточном деспотизме и в случае с экспансией в Индокитай» т.д., и что «миф о Франции, как государстве, с цивилизаторской миссией сохранился не только в годы Третьей республики, но и продолжает существовать и сегодня» т.д. Автор отметил «его частичную, содержательную трансформацию и совершенной иной характер применения»,

и неожиданно перешёл к сюжету о том, что «нарратив о «восточном деспотизме» стал использоваться рядом французских изданий для описания российского государства» т.д. Автор пояснил, что «не все французские издания выпускали материалы с подобного рода характеристиками в сторону российского государства», и заявил, что «после начала 24 февраля 2022 г. Специальной военной операции на Украине, количество публикаций, в которых прослеживается негативное или предвзятое к России отношение стремительно увеличивается». Автор привел примеры таких публикаций, неожиданно заключив, что «тезис о том, что современное информационное пространство Франции состоит исключительно из антироссийских публикаций, можно считать претенциозным» т.д.

В статье встречаются множественные ошибки/описки, как-то: «огромную роль, в политической истории Франции начиная», «форму правлению», «которая характерная для», «Вторая функция кроилась в противопоставлении», «серебряная звезда», «халифат, которого впоследствии сменит» и т.д., неудачные или некорректные выражения, как-то: «вкладывали в значение слова «деспотизм» именно политическую систему», «на растущую абсолютную власть», «Окончательное оформление теория деспотизма в Европе и Франции приобрела в работах Шарля Луи де Монтескье» (что означает термин «Европа» в данном контексте?), «угрожала европейскому пространству не только как военная угроза» и т.д. Почему термин «Восточный деспотизм» автор пишет с прописной буквы, осталось неясно.

Выводы сформулированы автором неудачно. На взгляд рецензента объём заключения в статье избыточен: автор использовал заключение не для обобщений, а для дополнения основной части статьи.

Выводы не позволяют оценить научные достижения автора в рамках проведенного им исследования.

В заключительных абзацах статьи автор сообщил, что «на протяжении всей мировой истории основным нарративом для аргументации электорату/населению/подданным экспансионистской внешней политики государства был нарратив о внешней угрозе с контрастным противопоставлением цивилизации и варварства» и т.д. (автор не ставил задачи проанализировать «внешнюю политику государства» «на протяжении всей мировой истории»), что «во Франции сюжеты о «деспотизме» и «деспотическом правлении» стали закрепляться в период правления Людовика XIV, когда абсолютная власть монарха начала представлять прямую угрозу элитам страны» т.д., и что французская монархия использовала указанный нарратив «для увеличения своей поддержки и влияния внутри страны, подкрепляя образы «варварского Востока и Азии» статусом государства как протектора католического населения и христианской веры». При этом автор заявил, что «дегуманизируя образ восточного и азиатского населения и дополняя религиозным антагонизмом французская монархия создала миф об «исключительности французской нации» т.д. Связь между нарративом «восточной деспотии» и «дегуманизацией восточного населения» во Франции автор, на взгляд рецензента, не сумел объяснить.

Далее автор повторно развернул свои мысли о событиях конца XVIII – первой половины XIX вв., заключив, что «помимо Крымской войны нарратив о «Восточном деспотизме» использовался для вторжения в Индокитай» и что «сегодня этот нарратив используется рядом французских изданий и политических сил в информационном пространстве при освещении украинского кризиса». Автор пояснил, что «их целью является создание необходимого фона, с помощью которого французские власти смогут получить необходимую поддержку со стороны собственного населения для последующего оказания военной помощи Украине», что «французские власти, тем самым стремятся возродить статус Франции как одной из великих держав на европейском континенте,

посредством активного участия в Украинском кризисе». Автор заявил, что «олицетворение Российского государства как «восточной деспотии» и президента России Владимира Владимировича Путина как «деспота» или «тирана» началось еще задолго до начала специальной военной операции 24 февраля 2022 года» т.д., и что «с началом СВО на Украине в 2022 г. образ «восточного» варварского государства стал транслироваться через призму «военных преступлений» российских войск». Автор акцентировал внимание на «фальсификациях доказательств и умышленных постановках», отослав читателя к «разбору украинских фейков о вооруженных силах РФ» «в телеграмм канале «Борьба с фейками». Автор связал «появление целого спектра публикаций на тематику «военных преступлений России на территории Украины» в ряде французских изданий» «с периодами оказания Францией военной помощи Украине». И так далее.

Автор резюмировал, что «нарратив «Восточного деспотизма» и «деспотии» является одним из активных инструментов Французской внешней политики», что «усиление влияния Российского государства на мировой арене вынудило французов, взяв за основу нарратив «Восточного деспотизма», создать сюжет о «русской угрозе» и интерпретации Российского государства как варварской державы, населенной варварами-кочевниками» и т.д.

На взгляд рецензента, потенциальная цель исследования достигнута автором отчасти.

Публикация в данном виде не может вызвать интерес у аудитории журнала. Статья требует существенной доработки.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья посвящена изучению восточного деспотизма во внешней политике Франции первой половины XIX в., в публикации рассмотрены связи и проведены аналогии с современностью.

Методология исследования базируется на изучении зарубежной и отечественной литературы по теме исследования, использовании цивилизационного подхода, применении общенаучных методов исследования (анализ, синтез, сравнение) и специализированных методов (качественный контент-анализ, историко-культурный и историко-сравнительный методы).

Актуальность работы обусловлена тем, что современная Франция использует по сути нарратив восточного деспотизма, что активно отражается в заявлениях французских политических деятелей и тональности публикаций французской и франкоязычной прессы.

По мнению рецензента, научная новизна рецензируемого исследования заключается в результатах сравнительного анализа французского нарратива «Восточного деспотизма» в первой половине XIX в. с современной политической повесткой Франции по отношению к России и Специальной военной операции.

В публикации прослежены изменения в подходах к определению понятия «деспотизм» со времен Аристотеля до наших дней. Авторами были проанализированы работы иностранных авторов, посвященные идеологическому обоснованию французской внешней политике в первой половине XIX века. Хронологические рамки исследования охватывают два временных промежутка: период с 1820-е по 1870-е гг., что характеризуется активным периодом использования нарратива «восточного деспотизма» во французской внешней политике, а также современный этап, преимущественно,

активная фаза конфликта на Украине 2022-2024 гг. Территориальные рамки исследования для первого временного промежутка охватывают три кампании французского государства: вторжение в Алжир, Крымская война и операция в Индокитае. Для современного периода они сосредоточены на территориях Украины и современной Франции. Авторы считают, что на период первой половины XIX в. нарратив «восточного деспотизма» можно определить как политику идеологического обоснования внешней экспансии, посредством создания дегуманизирующего образа противника, опирающегося на контрастном противопоставлении цивилизации и варварства. Говоря о современном этапе, авторы отмечают, что после начала 24 февраля 2022 г. Специальной военной операции на Украине, количество публикаций, в которых прослеживается негативное или предвзятое к России отношение стремительно увеличивается. По мнению авторов публикации, на современном этапе, когда Франция не проводит активную, экспансионистскую политику, нарратив «восточного деспотизма» необходимо трактовать в контексте конфликта на Украине. В таком случае он представляется, как политика идеологического обоснования оказания военной помощи Украине, с целью ослабления Российского государства.

Библиографический список включает 59 источников – публикации зарубежных и отечественных ученых по теме статьи на иностранном и русском языках. В тексте имеются адресные ссылки на литературные источники, что подтверждает наличие апелляции к оппонентам.

Из недостатков, нуждающихся в устранении, следует отметить, что использование полужирного шрифта для акцентирования внимания читателей на ключевых моментах публикации приводит к тому, что заголовки разделов публикации оттеняются этим. Также не все разделы статьи озаглавлены, например, это касается вводной части, которая не озаглавлена как «Введение». Кроме этого, использование наглядного представления результатов работы в виде схемы, отражающей связи аналогии с современностью способствовало бы привлечению читательского внимания к проведенному исследованию.

Статья отражает результаты проведенного авторами исследования, соответствует направлению журнала «Конфликтология / nota bene», содержит элементы научной новизны и практической значимости, может вызвать интерес у читателей, рекомендуется к опубликованию после доработки в соответствии с высказанными замечаниями и пожеланиями.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования обозначен в названии и разъяснен автором в тексте статьи. Предметом исследования является «идеологическое обоснование и информационное освещение французских международных компаний» в первой половине XIX века и в настоящее время.

Методология исследования. Работа базируется на общенаучных (анализ, синтез, сравнение) методах исследования. Кроме того, автор в работе использовал и специализированные методы исследования. Это методы контент-анализа, историко-культурный и историко-сравнительный и др. методы.

Актуальность исследования обусловлена современной геополитической ситуацией, отношением западных стран к России и Специальной военной операции (СВО). Политическая повестка Франции в этих вопросах довольно жесткая и для более

глубокого понимания позиции Франции необходимо дать анализ политики этой страны в прошлом, в частности в XVIII-XIX вв. и позднее. Автор отмечает, что Франция наряду с Великобританией во внешней политике проводила ярко выраженную экспансионистскую политику и занимались «захватом новых сырьевых баз и рынков сбыта, облекая свои завоевания в высшую миссию по распространению цивилизации». Политика Франции с XVIII по XX вв. опиралась на нарратив «Восточный деспотизм» и с его помощью им удалось оправдать целую серию кровопролитных завоевательных кампаний в Африке и Азии. И в настоящее время Франция пытается сохранить свое влияние в Африке и Азии, укрепление же позиции России в этих странах (Россия в последние годы переориентировалась на восток и укрепление отношений со многими странами Африки и Азии) крайне невыгодно Франции. Изучение нарратива «Восточной деспотии» на котором базировалась политика Франции в прошлом и политика Франции в настоящее время показывает, что политика этой страны продолжает использовать данный нарратив и в настоящее время. Актуальность темы не вызывает сомнения.

Научная новизна определяется постановкой проблемы и задач исследования. Новизна обусловлена также глубоким и всесторонним исследованием нарратива восточного деспотизма во внешней политике Франции первой половины XIX в., его связи и аналогии с политикой Франции в настоящее время.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи научный, при этом понятный и доступный не только для специалистов, но и широкого круга читателей. Структура работы направлена на достижение цели и задач исследования. Структура статьи состоит из следующих разделов: Введение, Основная часть и Заключение. Во введении автор раскрывает цель и задачи исследования, методологию исследования, разъясняет хронологические и территориальные рамки исследования. Кроме того, во введении автор показывает на основе каких источников статья была подготовлена. В начале основной части работы автор раскрывает понятие восточная деспотия и когда теория восточной деспотии окончательно сформировалась. Отмечает, что нарратив «восточного деспотизма» использовался как один из главных поводов для интервенции Франции в другие страны (только на короткий период он исчез из повестки после разгрома Наполеоновской Франции). Автор раскрывает как использовался нарратив «восточного деспотизма» для вторжения в 1830 г. в Алжир. В основной части статьи этот сюжет изложен в разделе «Наратив «восточного деспотизма» и вторжение французских войск в Алжир». Следующий раздел называется «Нарратив «восточного деспотизма» и Вторая империя». В этой части работы представлен интересный и разнообразный материал по внутренней и внешней политики Франции, коалицию светской власти во Франции с католической церковью и попытки Наполеона III укрепить свою власть с помощью церкви, отношения Франции с Османской империей, колониальную политику Франции и «крестовый поход» Франции против России, укрепление позиций Франции на международной арене и многое другое. В разделе «Современный этап» показано как используется нарратив о восточном деспотизме Францией в современный период и его особенности. Текст статьи логично и последовательно изложен. В заключении статьи автор дает основные выводы и отмечает особенности нарратива Восточного деспотизма в прошлом и в настоящее время. Автор пишет, что в современный период усиление влияния России на мировой арене «вынудило французов, взяв за основу нарратив «Восточного деспотизма», создать сюжет о «русской угрозе» и интерпретации Российского государства как варварской державы, населенной варварами-кочевниками.». Данный нарратив был создан еще при Старом режиме Бурбонов, «активно использовался в революционной, Бонапартистской Франции, Июльской монархии и впоследствии был унаследован Второй империей. Современная Франция также использует этот нарратив, что активно отражается в заявлениях французских политических деятелей и тональности публикаций

французской и франкоязычной прессы».

Библиография работы состоит из 56 источников на французском и русском языках. Это работы Э.Л.Конклин, Т.Кайзер, Ф.Вентури и Э.Томсон, посвященные иностранным авторам, посвященные идеологическому обоснованию французской внешней политике в первой половине XIX века. Труды авторов, которые занимались формированием необходимого общественного мнения по отношению к предполагаемым странам-объектам для вторжения. Автор провел контент анализ по теме исследования публикаций в ведущих французских газетах («Le Point», «Le Figaro», «Les Echos», «La Presse», «Le Monde») за 2022-2024 г. Библиография работы впечатляет и показывает, что автор статьи прекрасно разбирается в исследуемой проблеме.

Апелляция к оппонентам представлена собранной в ходе работы над статьей информацией

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на актуальную тему и будет интересна специалистам, всем кто интересуется политикой Франции в прошлом и в настоящее время, вопросами колониальной политики западных стран в XVIII-XIX вв., позицией западных стран по отношению к России в современный период.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Ростовцева М.В., Смирная А.А., Новопашина Л.А., Ткачева А.В., Владыкин И.В. Особенности копинг-стратегий и защитных механизмов у студентов 1 и 4 курсов с разным уровнем адаптивности // Конфликтология / nota bene. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0617.2024.2.70581 EDN: AELBZJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70581

Особенности копинг-стратегий и защитных механизмов у студентов 1 и 4 курсов с разным уровнем адаптивности

Ростовцева Марина Викторовна

доктор философских наук

профессор, кафедра психологии развития и консультирования, Сибирский федеральный университет

660030, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Вильского, 18а

✉ marin-0880@mail.ru

Смирная Анастасия Андреевна

кандидат педагогических наук

доцент, кафедра психологии и педагогики, Сибирский государственный университет науки и технологий им. М.Ф. Решетнева

660049, Россия, г. Красноярск, ул. Мира, 82

✉ nastenasm@yandex.ru

Новопашина Лариса Александровна

кандидат психологических наук

доцент, кафедра Лаборатория мониторинга профессиональных компетенций кафедры Управления человеческими ресурсами, Сибирский федеральный университет

660028, Россия, г. Красноярск, ул. Свободный, 79

✉ nla@ippd.ru

Ткачева Анна Владимировна

старший преподаватель, кафедра современных образовательных технологий, Сибирский федеральный университет

660062, Россия, г. Красноярск, ул. Свободный, 79

✉ av.tkacheva@mail.ru

Владыкин Игорь Вильямсович

соискатель, кафедра психологии развития и консультирования, Сибирский федеральный университет

660062, Россия, г. Красноярск, ул. Свободный, 79

✉ vladikin@mail.ru

[Статья из рубрики "Внутриличностные и ролевые конфликты"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2024.2.70581

EDN:

AELBZJ

Дата направления статьи в редакцию:

26-04-2024

Аннотация: Предметом исследования являются копинг-стратегии и защитные механизмы студентов 1 и 4 курсов с разным уровнем адаптивности. Успешная адаптация студента является важным условием успешной учебно-познавательной деятельности. Исходя из этого, проблема изучения процесса адаптации и определения факторов, которые влияют на успешность этого процесса у студентов, является актуальной. Значимыми и важными факторами, оказывающими влияние на адаптационный процесс студентов, являются копинг-стратегии и защитные механизмы личности. Были исследованы студенты 1 (30 человек) и 4 (29 человек) курса направления подготовки «Психология» Сибирского федерального университета. Получены значимые различия в группах высоко, средне и низкоадаптивных студентов 1 и 4 курсов по параметрам психологических защит и копинг-стратегиям. Исследование проводилось с помощью методов: методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, опросник Плутчика – Келлермана – Конте Методика Индекс жизненного стиля», опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса. Научная новизна исследования связана с полученными результатами диагностики копинг-стратегий и защитных механизмов у студентов 1 и 4 курса с разными уровнями адаптивности. У студентов 1 и 4 курса с высоким уровнем адаптации наблюдаются схожие механизмы психологической защиты, а именно: рационализация, компенсация, а также схожие типы копинг-стратегий: планирование решения проблем, самоконтроль, принятие ответственности. У студентов 1 и 4 курса с низким уровнем адаптации наблюдаются различия в механизмах психологической защиты, а именно: у студентов 1 курса выражены такие типы психологической защиты как: регрессия; копинг стратегия – бегство-избегание; у студентов 4 курса выражены типы психологической защиты – отрицание; копинг-стратегия – поиск социальной поддержки.

Ключевые слова:

адаптация, личностные особенности, копинг-стратегии, защитные механизмы, адаптивность, обучение, студенты, курс обучения, конфронтация, социальная поддержка

Актуальность. Проблема адаптации является давно изученной в научной литературе и освещена разными областями наук: как естественно-научными, так и социально-гуманитарными.

Процесс адаптации студентов также уже давно привлекает внимание ученых, прежде всего, психологов и педагогов, поскольку успешная адаптация к обучению является

залогом успешности самого обучения, в том числе, в вузе.

На сегодняшний день существует целый ряд противоречий, которые обуславливают актуальность изучения адаптации студентов к среде вуза.

Существует противоречие между объективной необходимостью поиска эффективных методов успешной интеграции и адаптации студентов к обучению и недостаточной разработанностью теоретических и методологических основ создания адаптационных моделей в условиях интернационализации и цифровизации образования.

Существует необходимость создания адаптационной среды для студентов в постоянно меняющихся условиях обучения и отсутствием методик, обеспечивающих этот процесс.

Наконец, при поступлении абитуриента в высшее учебное заведение ему, с одной стороны, необходимо успешно адаптироваться к процессу обучения, с другой стороны, существует множество трудностей и препятствий, связанных с требованиями высшей школы к самому процессу обучения.

На сегодняшний день высшие учебные заведения призваны давать не только профессиональную подготовку, но и существовать как культурные центры, содействующие личностному развитию студентов и их успешной адаптации в обществе. Успешная адаптация студента является важным условием успешной учебно-познавательной деятельности. Исходя из этого, проблема изучения процесса адаптации и определения факторов, которые влияют на успешность этого процесса у студентов, является актуальной.

Значимыми и важными факторами, оказывающими влияние на адаптационный процесс студентов, являются копинг-стратегии и защитные механизмы личности.

Адаптивная функция психологических защит личности не вызывает сомнения, однако, защитные механизмы могут быть дезадаптивными, когда используются «сверхинтенсивно», что приводит к росту тревоги, страхов, невротизации и, как следствие, к дезадаптации, когда человек перестает бороться с трудностями.

Способы взаимодействия человека с трудными ситуациями, актуализирующими адаптационный процесс, могут проявляться в виде психологических защитных механизмов, а также той активности (копинга), направленной на преодоление, совладание с трудностями. Именно поэтому очень важно не только , влияющим на адаптационный процесс, являются копинг-стратегии личности. Копинг-стратегии являются важным внутренним ресурсом личности, и в зависимости от их конструктивности, могут способствовать или препятствовать успешной адаптации.

Степень разработанности проблемы.

Анализ литературы по проблематике вузовской адаптации студентов свидетельствует, что важными факторами, влияющими на социально – психологическую адаптацию студентов в вузе, являются совладающее поведение и защитные механизмы (Л. И. Анцыферова, Е. А. Белан, О. И. Зотова, И. К. Кряжева, Т. Л. Крюкова, Ю. П. Поваренков, Р. М. Hedges, С. S. Craver, E. Karaosmanoglu и др) [\[1, 2, 7, 9, 10, 12, 17, 18, 20\]](#). Ученые сходятся на позиции, что копинг напрямую связан с адаптацией субъекта к условиям окружающей действительности и является фактором, влияющим на ход адаптации и дезадаптации (Л. И. Анцыферова [\[1\]](#), Н. Г. Ершова [\[5\]](#), А. А. Налчаджан [\[11\]](#), М. F. Langer [\[21\]](#), R. Orpoku [\[25\]](#) и др.).

Категория вузовской адаптации описана в работах отечественных и зарубежных исследователей (Р. В. Богданова, М. В. Григорьевой, А. В. Карпова, Д. В. Колесова, S. Losoya) [3, 4, 8, 24].

Еще R. S. Lazarus [21] и M. F. Langer [23] отмечали, что копинг является стабилизирующим фактором стресса, который помогает личности поддерживать психосоциальную адаптацию в период воздействия стресса.

Исследователи выявили трудности адаптации студентов к условиям вуза (М.В. Ростовцева, А.А. Машанов, О.В. Шайдурова, Н.А. Гончаревич и др.) [14, 15], а также к новой социокультурной среде в зависимости от курса обучения (С.А. Рунова [13], А. Л. Журавлев [6], Т.Л. Смолиной [16] и др.). Так, по данным исследований, на последних курсах процент студентов с высоким уровнем адаптации выше, чем на первом.

В исследованиях последних лет обсуждаются проблемы успешности – не успешности адаптации студентов к обучению. В этом контексте большое внимание уделяется изучению механизмов психологической защиты и механизмов совладания со стрессом [10] которые многими авторами рассматриваются как единый и взаимосвязанный «защитно-совладающий» стиль личности [11].

Исследование. Целью исследования являлось определение особенностей копинг-стратегий и защитных механизмов у студентов 1 и 4 курсов с разным уровнем адаптации.

Мы предположили, что у студентов 1 и 4 курса с высоким уровнем адаптации будут наблюдаться схожие механизмы психологической защиты, а именно: рационализация, компенсация, а также схожие типы копинг-стратегий: планирование решения проблем, самоконтроль, принятие ответственности.

У студентов 1 и 4 курса с низким уровнем адаптации будут наблюдаться различия в механизмах психологической защиты, а именно:

- у студентов 1 курса, будут выражены такие типы психологической защиты как: регрессия; копинг-стратегия - бегство- избегание.
- у студентов 4 курса будет выражен тип психологической защиты как – отрицание; копинг-стратегия - поиск социальной поддержки.

Методы исследования: методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, опросник Плутчика – Келлермана - Конте Методика Индекс жизненного стиля», опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса.

Нами были исследованы студенты 1 (30 человек) и 4 (29 человек) курса направления подготовки «Психология» Сибирского федерального университета.

По методике диагностики социально – психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, нами были получены следующие данные по шкале «Адаптация», ее показателю «адаптивность» у студентов 1 курса (см. рис. 1).

Рисунок 1 – показатель адаптивности студентов 1 курса обучения.

27% респондентов имеет высокий уровень адаптивности, 60% респондентов имеют средний уровень адаптивности, 13% респондентов имеют низкий уровень адаптивности.

На основании полученных данных по шкале адаптивности респонденты были разделены нами на 3 группы: низкоадаптивные, среднеадаптивные и высокоадаптивные.

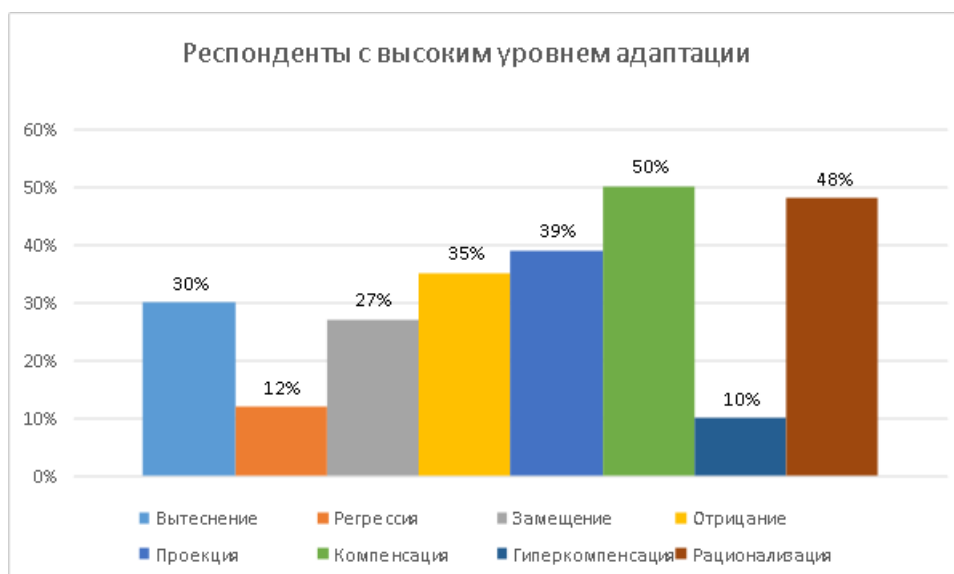

Рисунок 2 – показатели

психологических защит у респондентов с высоким уровнем адаптации.

Далее проанализировав данные полученные у высоко, средне и низкоадаптивных студентов 1 курса, по **методике Плутчика- Келлермана- Конте** (Методика «Индекс жизненного стиля»), для исследования механизмов психологических защит, нами были получены следующие данные по группе высокоадаптивных респондентов, студентов 1 курса. (см. рис. 2).

Таким образом, мы видим, что преобладающими психологическими защитами у респондентов с высоким уровнем адаптации являются: рационализация (у 48% респондентов данной группы), компенсация (у 50% респондентов данной группы).

По результатам полученных данных в группе среднеадаптированных респондентов по методике Плутчика - Келлермана- Конте (Методика индекс жизненного стиля) нами были получены следующие данные (см. рис. 3).

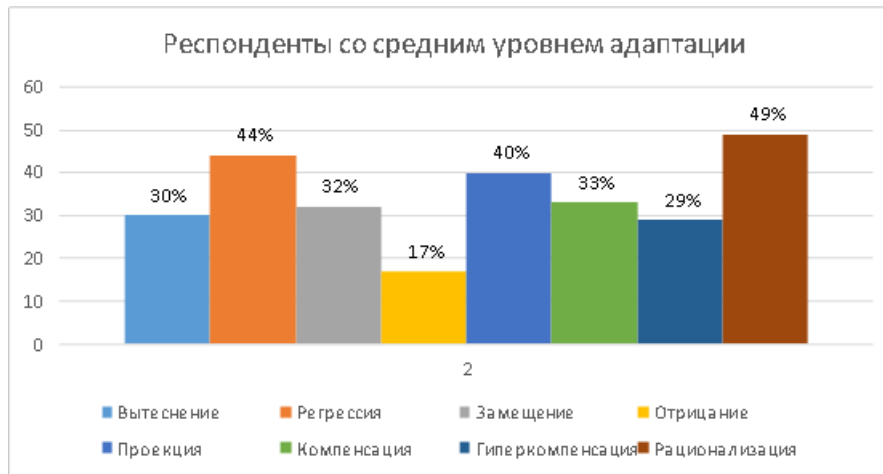

Рисунок 3 – показатели напряженности психологических защит у респондентов со средним уровнем адаптации.

Таким образом, мы видим, что преобладающими психологическими

защитами у группы среднеадаптивных респондентов являются: рационализация (у 49% респондентов), проекция (у 40% респондентов), регрессия (у 44% респондентов).

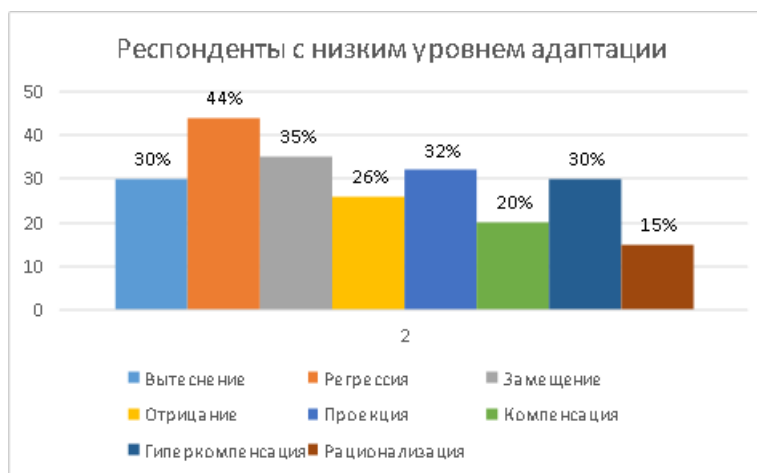

Рисунок 4 – показатели напряженности психологических защит у респондентов с низким уровнем адаптации.

По результатам полученных данных в группе низкоадаптивных респондентов по методике Плутчика - Келлермана-Конте (Методика индекс жизненного стиля) нами были

получены следующие данные (см. рис. 4).

Таким образом, мы видим, что преобладающими психологическими защитами у группы низкоадаптивных респондентов являются: регрессия (у 44% респондентов данной группы).

Исходя из результатов данных методики Плутчика - Келлермана- Конте (Методика индекс жизненного стиля), проведенной на респондентах 1 курса обучения мы выявили, что:

- в группе респондентов с высоким уровнем адаптации преобладающими психологическими защитами являются: рационализация, компенсация.
- в группе респондентов со средним уровнем адаптации преобладающими психологическими защитами являются: рационализация, проекция, регрессия.
- в группе респондентов с низким уровнем адаптации преобладающими психологическими защитами являются: регрессия.

Далее мы анализировали данные полученные у высоко, средне и низкоадаптированных студентов 1 курса, по **методике «способы совладающего поведения» Р. Лазаруса** предназначенной для определения копинг-механизмов. Нами были получены следующие данные по группе высокоадаптивных респондентов, студентов 1 курса. (см. рис. 5).

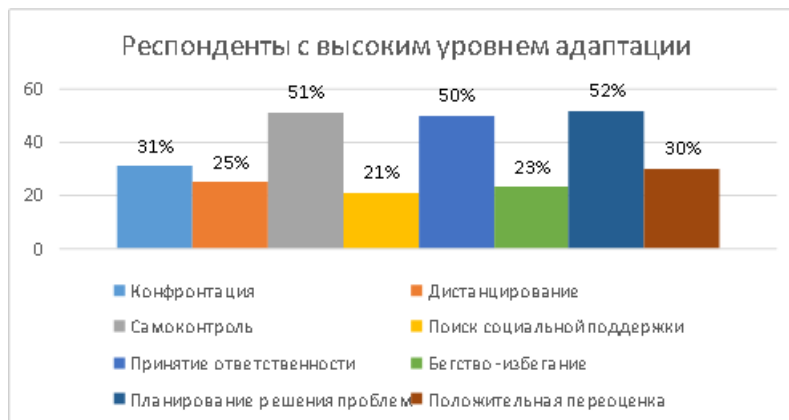

Рисунок 5 – способы совладающего поведения респондентов с высоким уровнем адаптации

Результаты, полученные по методике «способы совладающего поведения» Р. Лазаруса демонстрируют, что для данной группы респондентов популярными

являются такие копинг-стратегии как: планирование решения проблем (для 52% респондентов), самоконтроль (для 51% респондентов), принятие ответственности (для 50% респондентов).

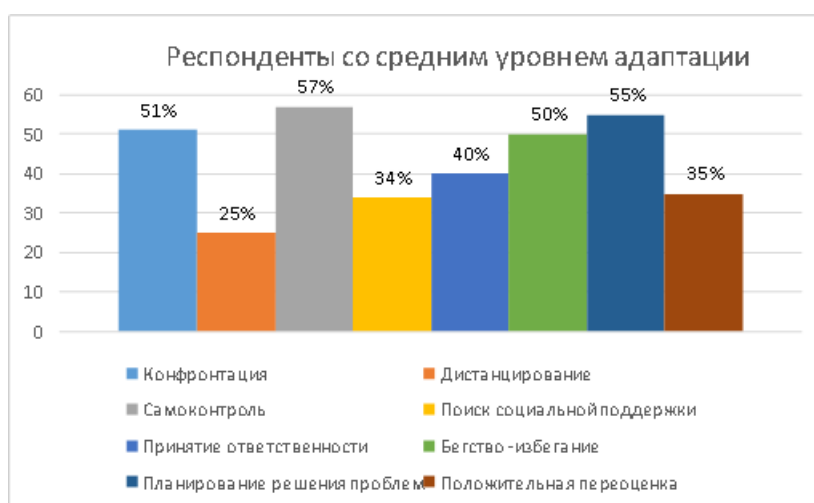

Рисунок 6 – способы совладающего поведения респондентов со средним уровнем адаптации

Результаты ответов по методике «способы совладающего поведения» Р. Лазаруса респондентов со средним уровнем адаптации представлены на рисунке 6.

Результаты, полученные по методике «способы совладающего поведения» Р. Лазаруса демонстрируют, что для данной группы респондентов популярными являются такие копинг-стратегии как: самоконтроль (57% студентов), конфронтация (51%), планирование решения проблем (55%).

Результаты ответов по методике «способы совладающего поведения» Р. Лазаруса респондентов с низким уровнем адаптации представлены на рисунке 7

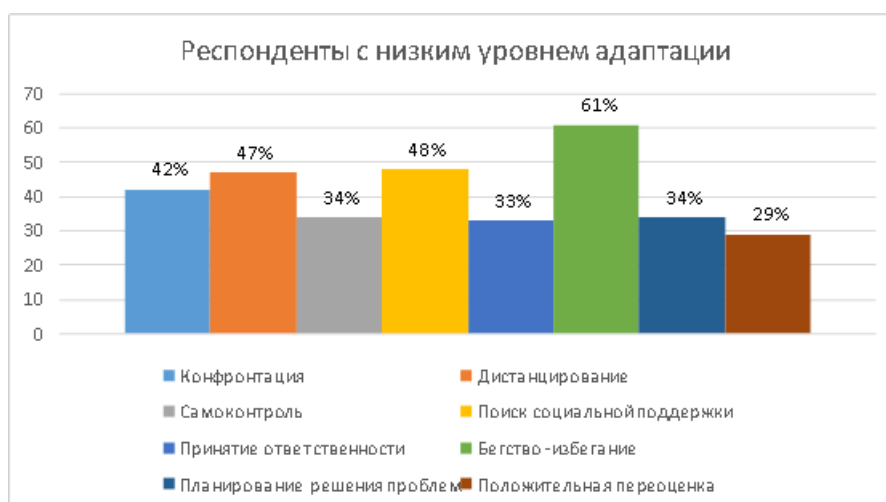

Рисунок 7 – способы совладающего поведения респондентов со низким уровнем адаптации.

Результаты, полученные по методике «способы совладающего поведения» Р. Лазаруса демонстрируют, что

для данной группы респондентов наиболее популярной является копинг-стратегия

«бегство – избегание» (61% респондентов).

Таким образом, по результатам ответов респондентов первого курса с высоким, средним, низким уровнем адаптации, мы делаем вывод, что для группы высокоадаптированных респондентов характерны следующие особенности как: высокий уровень самовосприятия и принятия других, высокий уровень эмоциональной комфортности, высокий уровень интернальности, высокий уровень стремления к доминированию, средний уровень эскапизма.

Преобладающими психологическими защитами являются: рационализация, компенсация.

Популярными являются такие копинг-стратегии как: планирование решения проблем, самоконтроль, принятие ответственности.

Для группы среднеадаптированных респондентов характерны: средний уровень принятия себя, средний уровень принятия других, средний уровень эмоциональной комфортности, средний уровень интернальности, средний уровень стремления к доминированию, средний уровень эскапизма.

Преобладающими психологическими защитами являются: рационализация, проекция, регрессия.

Популярными являются такие копинг-стратегии как: самоконтроль, конфронтация, планирование решения проблем.

Для группы низкоадаптированных респондентов характерны: низкий уровень принятия себя, низкий уровень принятия других, низкий уровень эмоциональной комфортности, низкий уровень интернальности, низкий уровень стремления к доминированию, средний уровень эскапизма.

Преобладающими психологическими защитами являются: регрессия.

Популярными являются такие копинг-стратегии как: бегство – избегание.

Далее рассмотрим данные, полученные у студентов 4 курса по методике диагностики социально – психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, для определения уровня шкалы адаптации студентов 4 курса. Нами были получены следующие данные по показателю **адаптивности** (см. рис. 8).

Рисунок 8 – показатель адаптивности студентов 4 курса обучения.

Так, 27% респондентов имеет высокий уровень адаптивности, 53% респондентов имеют средний уровень адаптивности, 20% респондентов имеют низкий уровень адаптивности.

На основании полученных данных по шкале адаптивности респонденты были разделены нами на 3 группы: низкоадаптивные, среднеадаптивные и высокоадаптивные.

Далее данные анализировались нами по выделенным нами трем группам.

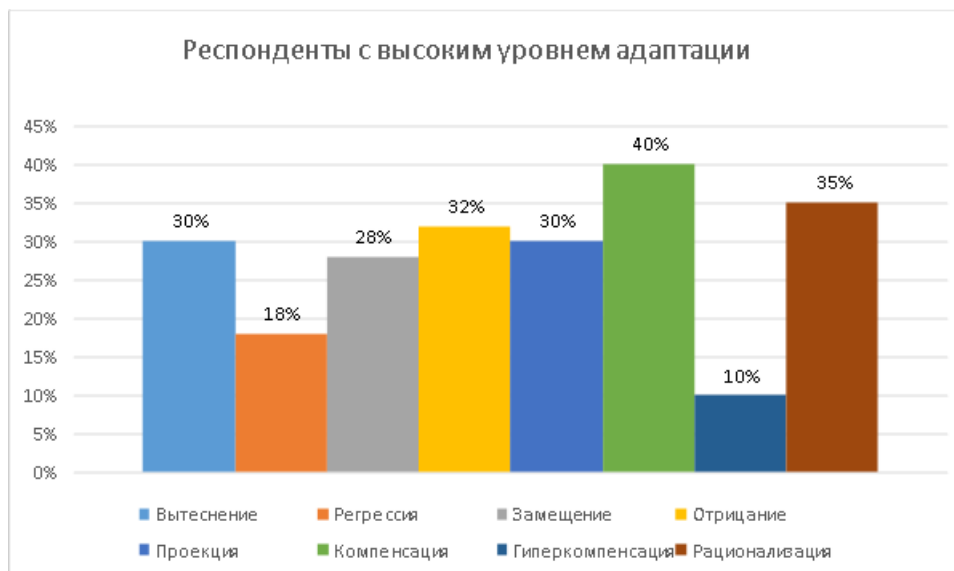

Рисунок 9 – показатели

психологических защит у респондентов с высоким уровнем адаптации.

Далее проанализировав данные полученные у высоко, средне и низкоадаптивных студентов 4 курса, по **методике Плутчика- Келлермана- Конте** (Методика «Индекс жизненного стиля»), для исследования механизмов психологических защит, нами были получены следующие данные по группе высокоадаптивных респондентов, студентов 4 курса. (см. рис. 9).

Таким образом, мы видим, что преобладающими психологическими защитами у респондентов с высоким уровнем адаптации являются: рационализация (у 35% респондентов), компенсация (у 40% респондентов).

По результатам полученных данных в группе среднеадаптированных респондентов по методике Плутчика - Келлермана- Конте (Методика «Индекс жизненного стиля») нами были получены следующие данные (см. рис. 10).

Рисунок 10 –
показатели
напряженности

психологических защит у респондентов со средним уровнем адаптации.

Таким образом, мы видим, что преобладающими психологическими защитами у группы среднеадаптированных респондентов являются: рационализация (51%), вытеснение (37%), замещение (40%).

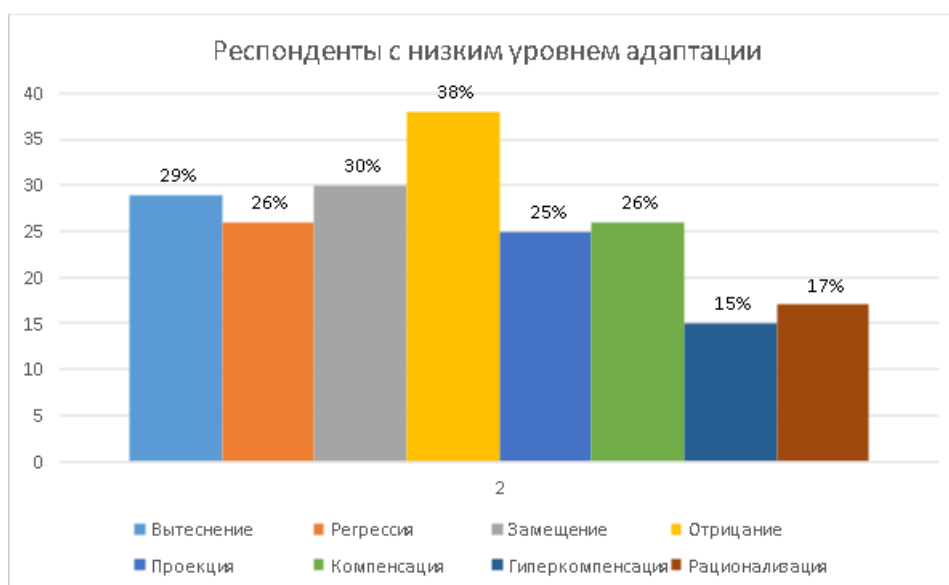

Рисунок 11 –
показатели
напряженности

психологических защит у респондентов с низким уровнем адаптации.

По результатам полученных данных в группе низкоадаптированных респондентов по методике Плутчика - Келлермана- Конте (Методика индекс жизненного стиля) нами были получены следующие данные (см. рис. 11).

Таким образом, мы видим, что преобладающими психологическими защитами у группы низкоадаптированных респондентов являются: отрицание (38%).

Исходя из результатов данных методики Плутчика - Келлермана- Конте (Методика «Индекс жизненного стиля»), проведенной на респондентах 4 курса обучения мы выявили, что:

- в группе респондентов с высоким уровнем адаптации преобладающими психологическими защитами являются рационализация, компенсация.
- в группе респондентов со средним уровнем адаптации преобладающими

психологическими защитами являются рационализация, вытеснение, замещение.

– в группе респондентов с низким уровнем адаптации преобладающими психологическими защитами являются: отрицание.

Рисунок 12
– способы

совладающего поведения респондентов с высоким уровнем адаптации

Далее мы анализировали данные полученные у высоко, средне и низкоадаптированных студентов 4 курса, по методике «способы совладающего поведения» Р. Лазаруса предназначенной для определения копинг-механизмов. Нами были получены следующие данные по группе высокоадаптированных респондентов, студентов 4 курса. (см. рис. 12).

Результаты, полученные по методике «способы совладающего поведения» Р. Лазаруса демонстрируют, что для данной группы респондентов популярными являются такие копинг-стратегии как: самоконтроль (59%), принятие ответственности (55%), планирование решения проблем (50%).

Результаты ответов по методике «способы совладающего поведения» Р. Лазаруса респондентов со средним уровнем адаптации представлены на рисунке 13.

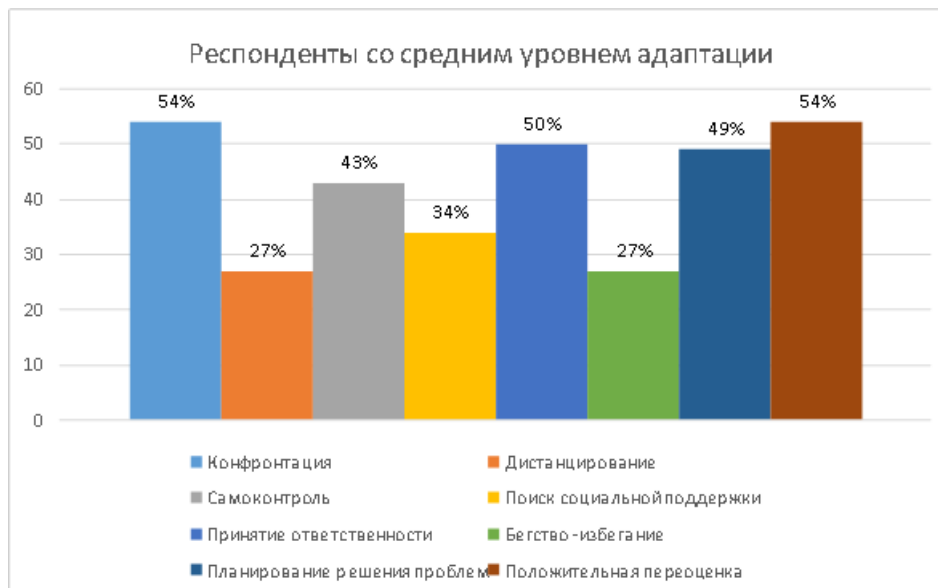

Рисунок 13 –
способы
совладающего
поведения
респондентов со
средним
уровнем
адаптации

Результаты,
полученные по
методике
«способы
совладающего
поведения» Р.
Лазаруса

демонстрируют, что для данной группы респондентов популярными являются такие копинг-стратегии как: конфронтация (54%), положительная переоценка (54%).

Результаты ответов по методике «способы совладающего поведения» Р. Лазаруса респондентов с низким уровнем адаптации представлены на рисунке 14.

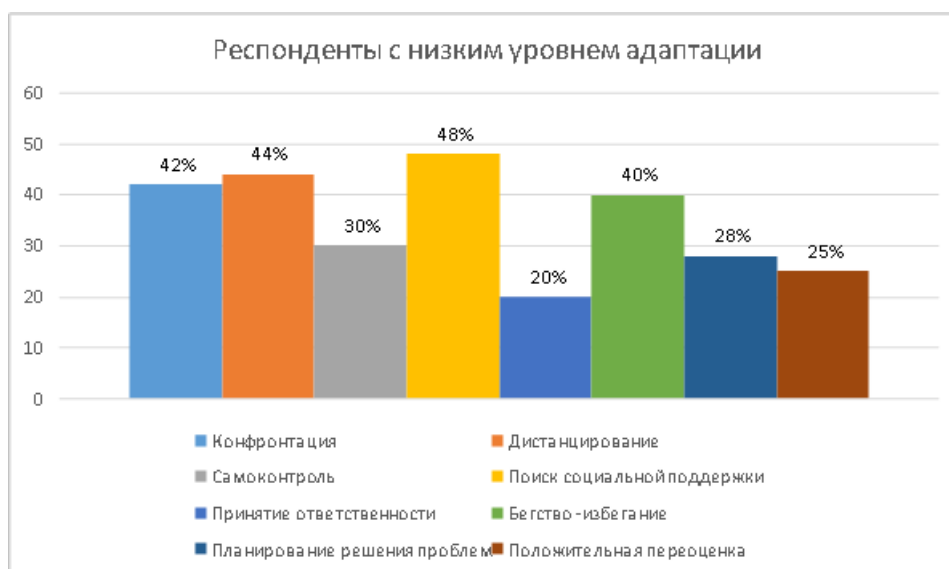

Рисунок 14 –
способы
совладающего
поведения
респондентов
со низким
уровнем
адаптации.

Результаты,
полученные по
методике
«способы
совладающего
поведения» Р.
Лазаруса

демонстрируют, что для данной группы респондентов популярными являются такие копинг-стратегии как: поиск социальной поддержки (48%), дистанцирование (44%).

Таким образом, по результатам ответов респондентов 4 курса обучения высоко, средне и низко адаптированных, мы делаем вывод, что для группы **высокоадаптированных** респондентов характерны следующие особенности **как:** высокий уровень принятия себя, высокий уровень принятия других, высокий уровень эмоциональной комфортности, высокий уровень интернальности, высокий уровень стремления к доминированию, средний уровень эскапизма, но у одного респондента низкий уровень.

Преобладающими психологическими защитами являются: рационализация, компенсация.

Популярными являются такие копинг-стратегии как: самоконтроль, рационализация, принятие ответственности.

Для группы **среднеадаптированных** респондентов характерны: средний уровень принятия себя, средний уровень принятия других, средняя эмоциональная комфортность, средний уровень интернальности, средний уровень стремления к доминированию, средний уровень эскапизма.

Преобладающими психологическими защитами являются: рационализация, вытеснение, замещение.

Популярными являются такие копинг-стратегии как: конфронтация, положительная переоценка

Для группы **низкоадаптированных** респондентов характерны: низкий уровень принятия себя, низкий уровень принятия других, при этом 1 респондент находится в среднем диапазоне показателя принятия других, низкая эмоциональная комфортность, низкий уровень интернальности, низкий уровень стремления к доминированию, при этом 1 респондент находится в среднем диапазоне показателя стремление к доминированию. Средний уровень эскапизма.

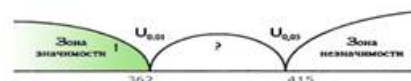
Преобладающими психологическими защитами являются: отрицание.

Популярными являются такие копинг-стратегии как: поиск социальной поддержки.

Соотношение показателей по группам (группа студентов 1-го курса и группа студентов 4 курса) по U- критерию Манна-Уитни показывает, что:

1 . Показатели копинг-стратегий и механизмов психологических защит в группах высокоадаптивных студентов 1 и 4 курса схожи, полученное эмпирическое значение находится в зоне значимости (Рисунок 15).

Ось значимости:

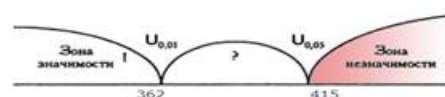

Полученное эмпирическое значение $U_{\text{эмп}}(294.5)$ находится в зоне значимости.

Рисунок 15. Различия в показателях копинг-стратегий в группах слабо, средне и высокоадаптивных студентов 1 и 4 курсов.

2 . Показатели копинг-стратегий и механизмов психологических защит в группах низкоадаптивных студентов 1 и 4 курсов различны, полученное эмпирическое значение находится в зоне незначимости (Рисунок 16).

Ось значимости:

Полученное эмпирическое значение $U_{\text{эмп}}(435)$ находится в зоне незначимости.

Рисунок 16. Различия в показателях психологических защит в группах слабо, средне и высокоадаптивных студентов 1 и 4 курсов.

Таким образом, для респондентов первого курса обучения высоко, средне и низко адаптированных, характерны такие показатели как:

- для высокоадаптивных респондентов: Преобладающими психологическими защитами

являются: рационализация, компенсация;

- популярными являются такие копинг-стратегии как: планирование решения проблем, самоконтроль, принятие ответственности;

- для группы среднеадаптивных респондентов характерны: Преобладающими психологическими защитами являются: рационализация, проекция, регрессия;

- популярными являются такие копинг-стратегии как: самоконтроль, конфронтация, планирование решения проблем.

Для группы низкоадаптивных респондентов характерны:

- преобладающими психологическими защитами являются: регрессия;

- популярными являются такие копинг-стратегии как: бегство – избегание, дистанцирование;

Для респондентов четвертого курса обучения высоко, средне и низко адаптированных, характерны такие показатели как:

Для группы высокоадаптивных респондентов характерны:

- преобладающими психологическими защитами являются: рационализация, компенсация;

- популярными являются такие копинг-стратегии как: самоконтроль, планирование решения проблем, принятие ответственности;

Для группы среднеадаптивных респондентов характерны:

- преобладающими психологическими защитами являются: рационализация, вытеснение, замещение;

- популярными являются такие копинг-стратегии как: конфронтация, положительная переоценка.

Для группы низкоадаптивных респондентов характерны:

- преобладающими психологическими защитами являются: вытеснение;

- популярными являются такие копинг-стратегии как: поиск социальной поддержки.

Выводы. Таким образом, гипотеза нашего исследования нашла свое подтверждение. У студентов 1 и 4 курса с высоким уровнем адаптации наблюдаются схожие механизмы психологической защиты, а именно: рационализация, компенсация, а также схожие типы копинг-стратегий: планирование решения проблем, самоконтроль, принятие ответственности.

У студентов 1 и 4 курса с низким уровнем адаптации наблюдаются различия в механизмах психологической защиты, а именно: у студентов 1 курса, выражены такие типы психологической защиты как: регрессия; копинг стратегия - бегство- избегание; у студентов 4 курса выражен тип психологической защиты – отрицание; копинг-стратегия - поиск социальной поддержки.

Полученные данные могут применяться социальными и психологическими службами вуза для управления процессом адаптации студентов в вузе.

Библиография

1. Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15, № 1. С. 3–18.
2. Белан Е. А. Психология совладающего поведения. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2004. 36 с.
3. Богданов Р. В. Адаптация студентов к учебному процессу как результат внеучебной работы // Вестн. Краснояр. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2019. № 3/1. С. 106–107.
4. Григорьева М. В. Субъектность адаптирующейся личности вуза // Личность и бытие: субъектный подход: мат. науч. конф., посв. 75-летию со дня рождения чл.-корр. РАН А. В. Брушлинского, 15–16 октября 2008 г. / отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябикина. М.: Изд-во ИП РАН, 2020. С. 522–524.
5. Ершова Н. Г. Методологические аспекты психолого- педагогического сопровождения учебно-воспитательного процесса в период адаптации студентов к высшей школе // Теория и практика физической культуры (науч.-теор. журнал). 2020. № 5. С. 18–24.
6. Журавлев А. Л. «Социально-психологическая зрелость»: обоснование понятия // Психологический журнал. 2017. Т. 28, № 2. С. 44–54.
7. Зотова О. И. Некоторые аспекты социально-психологической адаптации / О. И. Зотова, И. К. Кряжева // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М.: Наука, 1979. С. 219–232.
8. Карпов, А. В. Исследование общей адаптационной способности / А. В. Карпов, А. Ю. Коновалов // Научный поиск: сб. науч. работ студентов, аспирантов и преподавателей / под ред. проф. А. В. Карпова. Ярославль: ЯрГУ, 2019. – С. 126–130.
9. Крюкова, Т. Л. Психология совладающего поведения: монография. Кострома: Авантитул, 2004. 344 с.
10. Крюкова, Т. Л. Человек как субъект совладающего поведения // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 2. С. 88–95.
11. Налчаджян А.А. Социально – психическая адаптация личности. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988. С. 10.
12. Поваренков Ю. П., Смирнов Ю.И. Психологическая характеристика инерционности и механизмов учебно-профессиональной адаптации студентов вузов // Ярославский психологический вестник. 2016. № 6. С. 10–15.
13. Рунова С.А. Социально-профессиональная адаптация студентов первого курса к условиям педагогического вуза: дис ... канд. пед. наук / Брянск: Изд-во БГУ, 2001. 184 с.
14. Ростовцева М.В. Методологические подходы к исследованию социальной адаптации личности: монография. Красноярск, 2021. 138 с.
15. Ростовцева М.В., Шайдурова О.В., Гончаревич Н.А., Ковалевич И.А., Кудашов В.И. Уровень развития адаптационного потенциала студентов // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 8. № 2. С. 43-61.
16. Смолина, Т. Л. Адаптация к инокультурной среде: анализ родственных понятий // Психология человека: интегративный подход. Сборник статей. СПб: изд-во АНО «ИПП». 2007. С. 162-167.
17. Hedges P.M. Antecedents and outcomes of international student adjustment: Dis. Doctor of philosophy. University of Western Australia, 2003.
18. Craver C. S. What accounts for students' loyalty? Some field study evidence // International Journal of Educational Management. 2017. Vol. 21, Issue 2. P. 35
19. Helm, S. The Role of Corporate Reputation in Determining Investor Satisfaction and Loyalty // Corporate Reputation Review. 2007. № 10. P. 56-70.

20. Karaosmanoglu, E. Corporate communications, identity and image: A research agenda // Journal of Brand Management. – 2006. – № 14. – P. 196–206.
21. Langer M. F. Modeling and Managing Student Loyalty // Journal of Service Research. 2001. Vol. 3, № 4. P. 331–344.
22. Lazarus R. S. Stress, Appraisal and Coping. N.-Y.: Springer, 1984. 456 p.
23. Lazarus, R. The concept of coping // A. Monat and R. S. Lazarus. Stress and Coping. N.-Y., 1991. P. 189–206.
24. Losoya, S. Developmental issues in the study of coping // International Journal of Behavioral Development. 2018. Vol. 22(2). P. 231–237.
25. Opoku R. Communicating brand personality: Are the web-sites doing the talking for the top South African Business Schools // Journal of Brand Management. 2019. № 14. P. 20–39.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье являются особенности копинг-стратегий и защитных механизмов у студентов 1 и 4 курсов с разным уровнем адаптивности.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод анализа, метод сравнения, метод категоризации, а также были применены следующие методики: «методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, опросник Плутчика – Келлермана - Конте методика «Индекс жизненного стиля», опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса» и методы математической статистики.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку образовательные организации высшего образования, куда поступают молодые люди после школы или среднего профессионального образования, является особой сферой образовательной среды, требующей определенных условий для адаптации обучающихся, поскольку новые условия и значительные нагрузки могут вызывать стрессовые ситуации у обучающихся. На процесс адаптации могут влиять различные факторы, основополагающее значение для адаптации обучающихся к вузовской среде имеют копинг-стратегии и защитные механизмы личности. Защитные механизмы личности выполняют адаптивную функцию, но, они могут в определенных случаях выполнять и дезадаптивную роль, тем самым детерминировать тревожность, невротизацию личности, усугубляя тем самым различные негативные последствия для обучающихся, в частности, невозможность преодолеть возникающие трудности.

Научная новизна исследования заключается в проведении исследования с использованием «методики диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, опросника Плутчика – Келлермана - Конте методики «Индекс жизненного стиля», опросника «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса», направленного на изучение копинг-стратегий и защитных механизмов у студентов. В исследовании приняли участие обучающиеся Сибирского федерального университета (направление «Психология»), в том числе 30 человек первого курса и 29 человек четвертого курса.

Статья написана языком научного стиля с грамотным использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и наглядной демонстрацией полученных результатов, характеризующих предмет исследования.

Структура выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию

научных статей. Структура данного исследования включает актуальность, степень разработанности проблемы, методики, результаты, выводы и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. В содержании исследования особенно ценным является наглядная демонстрация результатов, представленная в виде рисунков, которые отображают показатели уровней адаптивности студентов, защитных механизмов, напряженности психологических защит и совладающего поведения в зависимости от уровня адаптации анализируемых групп обучающихся.

Библиография содержит 25 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения известных ученых, характеризующих подходы и различные аспекты к пониманию вузовской адаптации, возможных трудностей адаптации обучающихся и копинг-стратегий, а также содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «у студентов 1 и 4 курса с высоким уровнем адаптации наблюдаются схожие механизмы психологической защиты, а именно: рационализация, компенсация, а также схожие типы копинг-стратегий: планирование решения проблем, самоконтроль, принятие ответственности. У студентов 1 и 4 курса с низким уровнем адаптации наблюдаются различия в механизмах психологической защиты, а именно: у студентов 1 курса, выражены такие типы психологической защиты как: регрессия; копинг стратегия - бегство- избегание; у студентов 4 курса выражен тип психологической защиты – отрицание; копинг-стратегия - поиск социальной поддержки».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и администрацией образовательных организаций, специалистами по работе с молодежью, конфликтологами, психологами, социальными педагогами, экспертами и аналитиками.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, что, в тексте статьи возможно было бы обозначить введение и сделать заключение по проведенному исследованию, а не только ограничиваться краткими выводами. При оформлении рисунков необходимо обратить внимание на требование действующего ГОСТа. В тексте статьи встречаются опечатки, технические ошибки, рассогласованные предложения (например, «Именно поэтому очень важно не только , влияющим на адаптационный процесс, являются копинг-стратегии личности.». Указанные недостатки не снижают высокую научную и практическую значимость самого исследования, а скорее относятся к оформлению текста статьи. Статью рекомендуется опубликовать.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Черкасова Т.В. Конфликты в жизнедеятельности магистрантов: эмпирико-гендерный обзор // Конфликтология / nota bene. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0617.2024.2.70428 EDN: AEYEUE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70428

Конфликты в жизнедеятельности магистрантов: эмпирико-гендерный обзор

Черкасова Татьяна Васильевна

ORCID: 0000-0001-5766-6637

доктор социологических наук

профессор, кафедра Международных отношений, Уфимский государственный нефтяной технический университет

450071, Россия, Башкортостан область, г. Уфа, ул. Менделеева, 207, кв. 189

✉ Cherkasovaty@mail.ru

[Статья из рубрики "Конфликты в малых социальных группах"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2024.2.70428

EDN:

AEYEUE

Дата направления статьи в редакцию:

11-04-2024

Аннотация: Вопросы гармоничной или дисгармоничной жизнедеятельности молодых магистрантов вызывают особый интерес у внешней и внутренней общественности, поскольку актуализировалась «ментальная борьба за интеллектуальную молодежь». Конфликтность образованной молодежи становится одним из «маркеров» социально-политических настроений. Объект исследования – молодежь в статусе магистрантов. Предмет – конфликты магистрантов. Период обучения в магистратуре, на наш взгляд, это – ответственный этап для индивида, который связан не только с профессионально-статусным ростом соискателя, но и с окончательным гражданско-патриотическим самоопределением личности, с принципиальным решением своего материального и семейно-бытового положения в обществе. Жизнь современной молодежи, совмещающей учебу в магистратуре, работу и семейно-ролевую ответственность, сопровождается разнообразными конфликтами. Методы исследования: многолетние авторские социологические опросы студентов вуза (специалитет), бакалавров, магистрантов в

динамике многолетних авторских исследований за 1998, 2018, 2021, 2022 гг. Проводилось традиционное анкетирование по группам, сплошные опросы респондентов-мужчин и респондентов-женщин дневной формы обучения, в возрасте от 18-30 лет (N= от 200-400). Новизна исследования заключается в выявлении конфликтных проявлений в магистрантской среде в условиях начала СВО и сравнении с предшествующими тенденциями. Гипотеза: в жизнедеятельности магистрантов сохраняются типичные молодежные конфликты, но и появляются новые ситуационные противоречия. Среди конфликтных проблем, с которыми сталкиваются магистранты в своей повседневной жизнедеятельности, были отмечены: совмещение работы и учебы; снижение материального уровня жизни и поиск заработков; вопросы, касающиеся научных исследований и публикаций. В списке новых проблем появились: постковидные фобии за самочувствие и жизнь близких; военные сводки с Донбасса и напряженные международные отношения с НАТО. Эмпирически выявлены типичные причины семейных конфликтов (родители–дети): «попадание в сети» зависимостей; материально–бытовая специфика; девиантно–делинквентные ситуации; досугово–межгендерные противостояния – конфликты.

Ключевые слова:

молодежь, конфликты, магистранты, родители, семейные конфликты, противоречия, причины конфликтов, Интернет-зависимость, насилие в семье, тунеядство

Молодежь, начинающая свою жизнедеятельность на этапе магистратуры, в отечественных исследованиях обретает иные социальные характеристики. По мнению Макаровой С. Н. и Резник С. Д., этот сложный период сопряжен с желанием профессионально развиваться; наращивать свой научно–исследовательский потенциал; осваивать новые компетенции^[1]. Антонова О. Г., Хайруллина Ю. Р., Щанина Е. В. в оценке технической магистратуры добавляют многофакторность мотивов: профессиональных; утилитарных; достижения успеха; познания; самореализации и социального долга^[2]. Период обучения в магистратуре в методологическом контексте, на наш взгляд, это – ответственный этап, который связан не только с научно–исследовательским, профессионально–статусным ростом соискателя, но и с окончательным гражданско–патриотическим самоопределением личности, с принципиальным определением своего материального и семейно–бытового статуса в обществе.

Конфликтогенность студенчества как предконфликт, по мнению Кутумовой А. К. и Неустроевой А. Б., связана со свойствами, присущими именно молодежи – активность, стремление к новому и неопределенному, готовность идти на риск^[3]. Добавим, к списку, амбициозность планов, вызывающая манера самопрезентации, безапелляционный максимализм – все они стали своеобразной персональной карточкой современных магистрантов. Событийно насыщенная жизнь молодежи, совмещающей учебу в магистратуре, работу и семейно–ролевую ответственность, сопровождается разнообразными противоречиями, перерастающими в разномасштабные конфликты.

Наиболее знаковые из них удалось выявить в социальном исследовании – 2022г. Более трети респондентов заявили, что столкнулись с «трудностями совмещения профессиональной работы со своей учебой в магистратуре–35,2%; ответы респондентов–мужчин–20,5%, женщин–14,7%. Не случайно, работающие магистранты ратуют за дистанционную форму

обучения как оптимальный формат для коммуникаций.

К аналогичным выводам приходят российские исследователи: Опфер Е. А. – магистерские программы уже не смогут функционировать в традиционном формате, их ожидает внедрением он-лайн-технологий^[4]. Солидарны – Каплан Е. А и Ерицян К. Ю. – перевод части занятий в формат, не требующий физического присутствия, вполне возможен. Между работой и учебой могут быть как отношения конфликта, так и фасилитации, соотношение которых различается у разных групп студентов [5–с.412]

В нашем опросе каждый пятый респондент указал на волнующие их «проблемы здоровья, сезонный ковид, боязнь за жизнь близких»–19,3%, активнее были женщины–12,5%, чем мужчины–6,8%. В постковидный период сохраняются подобные опасения. Каждый пятый указал на «снижение материального уровня жизни и поиск заработков»–19,3%; совпали ответы женщин–9,1% и мужчин–10,2%. Учеба в магистратуре – материально затратный процесс для некоторой молодежи. Магистрантов–2022 беспокоят «военные сводки с Донбасса и напряженные международные отношения со странами НАТО»–17%; доминируют ответы мужчин призывного возраста–12,5%, чем у женщин–4,5%. Волне естественно волнение молодых за жизнь на Земле»–17%; солидарны женщины–9% и мужчины–8%. Появилась «боязнь за судьбу родных–военнослужащих и близких, живущих на Украине– 6,8%; преобладают фобии женщин–4,5%, чем у мужчин–2,3%. Жизнедеятельность в противоречивом информационном пространстве провоцирует внутрилличностные конфликты–14,8%; эмоциональнее женщины–11,4%, чем мужчины–3,4%. Конфликтное интраперсональное состояние обусловлено обучением в магистратуре. В частности, «волнуют проблемы с авторскими исследованиями и публикациями–13,6%; преобладают ответы женщин–11,4%, сдержаннее мужчины–2,3%. У них свой триггер – «ежедневная аудиторная учеба в магистратуре и сложная экзаменационная сессия–6,8%; мужчины–4,5%, респонденты–женщины–2,3%.

Кабахидзе Е. Л. предлагает оригинальное объяснение феномена обучения в магистратуре через противоречия культур: культуры академической среды с ценностями прав и свобод, с творчеством и культуры управленческо–организационной, кодом которых является строгое подчинение правилам, регламентам^[6].

Каждый пятый магистрант заявил, что «живет без волнений и переживаний»–17%; женщины–9%, мужчины–8%. Парадокс индифферентной молодежи заложен в институте семьи, которая формирует молодую личность, закладывает основы ее гражданских характеристик, материально обеспечивает успешную жизнедеятельность. Тем не менее, конфликты молодежи в семьях–имманентное явление. Так, среди основных причин семейных конфликтов магистрантами выделяются зависимости. Во–первых, «сидение в Интернете (игры, сетевые переписки)»–42%; гендерное совпадение ответов – женщины–20,4%, мужчины–21,6%. Магия Интернета ослабевает у повзрослевших магистрантов, но она держит в «сетях» российскую молодежь, провоцируя семейные конфликты: 2018г.–49,4% респонденты–студенты; 2021г.–28,8% респонденты–бакалавры; 2022г.–42% респонденты–магистранты. Прав Кошмаров М. Ю., раскрывающей дисфункции Интернета, который добавляет конфликт поколений; обостряет противоположные мировоззрения отцов и детей; разрушает традиционные связи; девальвирует ценность обычного общения; искусственно порождает интровертов; снижает коэффициенты рождаемости^[7].

Во–вторых, конфликты в семьях возможны из–за «молодежных зависимостей (табакокурение, спайсы, алкоголь, наркотики)»–36,4%; критичны магистранты–женщины–19,4% и мужчины–17%. Результаты опросов в динамике: 1996г.–10,7%;

респонденты–бакалавры в 2018г.–50,6%; 2021г.–27,3%; респонденты–магистранты в 2022г.–36,4%. В среднем, четыре из десяти опрошенных называют типичные молодежные зависимости причинами семейных конфликтов.

Каждый пятый участник опроса – 2022 указал в списке причин «второго уровня» – девиантно–делинквентные ситуации: 1). «Влияние приятелей и антиобщественное поведение (грубость дома, на улице; сквернословие; мелкое воровство; хулиганство)»–22,7%; более осведомленные мужчины–14,7%, чем женщины–8%. Переход из юности в молодость определяет «ментальный поворот», ослабевает влияние референтной группы–приятелей и меняется асоциальное поведение индивидов: респонденты–бакалавры в 2018г.–45,1%; респонденты–магистранты в 2022г.–22,7%. Радует, что повзрослевшие респонденты «снимают с пьедестала» ровесников–кумиров, теперь у них в установках–ориентирах преобладает законопослушный образ жизни и соответствующее поведение. Иная тенденция получена в динамике: 1996г. показатель составил–7,4%, а в опросах магистрантов–2022г.–22,7%. Как видим, сравнение не в пользу современной молодежи, в ее поведении отмечается грубость и бестактность, что провоцирует конфликтные отношения. Следующая причина №2).«Неудовлетворительная учеба, пропуски занятий»–19,3%; более активны женщины–15,9%, чем мужчины–3,4%. Вероятно, что семейный контроль за успехами в учебе своих дочерей гораздо строже, чем контроль за успехами сыновей. Важный момент в том, что у взрослеющей молодежи гораздо меньше возникает конфликтов с родителями по поводу учебы. Эта категория молодежи осознает важность качественного обучения в вузе, контроль семьи существенно ослабевает над магистрантами. Обратимся к нашей динамике ответов: 1996г.–10,3%; респонденты–бакалавры» в 2018г.–33,3%; респонденты–магистранты в 2022г.–19,3%.Извечная полемика «учиться–не учиться» не устранена, но она перешла в плоскость – «учиться, но как?». Только каждый пятый подтвердил сохраняющуюся тенденцию волнообразного роста конфликтов в семье от плохой учебы.

Аверина К. Н. хорошо аргументирует, что в познавательной сфере человека на границе тридцати лет происходят изменения: повышается уровень продуктивности мышления, наблюдается подъем в показателях развития эвристического поиска, интеллект достигает своих наивысших точек развития, рассуждения становятся зрелыми, что, по-видимому, связано с приобретением жизненного опыта^[8].

Интересен третий уровень причин, связанный с материально–бытовой спецификой:1).«Игнорирование советов и просьб старших по бытовым вопросам»–14,8%, магистранты–женщины–8%, мужчины–6,8%. Приобретая жизненный опыт, адекватная молодежь ориентируется на семейный авторитет родителей, поэтому в три раза снижаются такого типа конфликты: 1996г.–19,3%; 2018г.–40,1% респонденты бакалавры; респонденты–магистранты в 2022г.–14,8%. В динамике полученных ответов, менее чем каждый пятый конфликтует, упрямо отвергая советы родителей. По мнению Заставенко В. А., в конфликтах, проходящих в наиболее острой форме, характер противоречий может повлиять на оппонентов, которые перестают ориентироваться на правовые, этические и культурные требования, предъявляемые обществом^[9]

2).«Домашнее насилие старших над младшими членами семьи (угрозы, побои)»–14,8%, магистранты–женщины–9,1%, мужчины–5,7%. В динамичной картине опросов наблюдается некоторое снижение «домашнего насилия»: респонденты–бакалавры в 2018г.–21,6%; респонденты–магистранты в 2022г.–14,8%. Безусловно, повзрослевшая молодежь (магистранты) в конфликте ведет конструктивный диалог с родителями, демонстрируя зрелость. И, тем не менее, каждый десятый в семейном общении не

получает ожидаемой гармонии, а переживает насильственные конфликты. Кстати, на рубеже веков самокритичные респонденты полагали, что физические наказания молодых возможны в особых ситуациях, когда другие меры семейного воздействия не дают ожидаемых эффектов: в 1999г.–29,9%, в 2002г.–24,4% опрошенных. Сторонников такой неоднозначной воспитательной практики становится меньше.

3). «Нежелание трудоустраиваться и зарабатывать деньги»–14,8%, женщины–8%, мужчины–6,8%. Ответы женщин превалировали, очевидно, что в российских семьях контроль за дочерьми строже, чем за сыновьями. Незначительный рост подобных семейных конфликтов просматривается в динамике: в 1996г.–10,9%; 2018г.–31,5%; респонденты–магистранты в 2022г.–14,8%. На этапе магистратуры повзрослевшая молодежь сама стремится работать, она формирует свой материально независимый статус. В этом случае семейные конфликты по поводу молодежного тунеядства будут минимизированы. В среднем, только каждый десятый молодой респондент не желает трудиться.

Четвертый уровень конфликтных причин – это досугово–межгендерные триггеры, их предпочел выбрать каждый десятый респондент–магистрант. Среди факторов называются: «Модные увлечения (тату, пирсинг, вызывающая одежда, прическа, жаргон)»–13,6%; больше ответов у женщин–9,1%, чем у мужчин–4,5%. Привнесенные западные тренды остаются в «законсервированном формате»: в 1996г.–15,5%; 2018г.–16%; 2021г.–16,7%; респонденты–магистранты в 2022г.–13,6%. Более чем у каждого десятого возникают конфликты с родителями по вопросам «татуировочно–пирсингового» самоутверждения.

В числе конфликтных причин указываются: «Ночные прогулки и посещение клубов, ресторанов»–13,6%; замечено больше мужчин–8%, чем женщин–5,6%. В динамике стали менее привлекательными «ночные ресторанные прогулки»: респонденты–бакалавры в 2018г.–30,2%; 2021г.–9,1%; респонденты–магистранты в 2022г.–13,6%. Повзрослевшая молодежь кардинально меняет модели проведения свободного времени по сравнению с юношеством. Тем не менее, у каждого десятого сохраняются семейные конфликты, по причине ресторanno–клубных развлечений.

В набор конфликтных причин вошли: «Нетрадиционные сексуальные связи»–10,2%; реакция женщин–5,7%, мужчин–4,5%. Динамика ответов: в 1996г.–7,8%; 2018г.–12,3%; респонденты–магистранты в 2022г.–10,2%. На современном этапе каждый десятый указал на лгбт–ориентиры молодых, как существенную причину конфликтов с родителями.

Онегина Е. В. весьма своеобразно констатирует, что в современном российском контексте лгбт–ценности определяются как противоположные «традиционным русским ценностям» и воспринимаются в качестве возможной угрозы для будущего России и российской молодежи^[10].

Аналогичные тенденции получены в ответах магистрантов на конфликтную альтернативу: «Выбор невесты или жениха другой национальности или расы»–9,1%; женщины–5,7%, мужчины–3,4%. Взрослеющая молодежь выбирает брачных партнеров, и здесь наметились разногласия с родителями. Тенденция непринятия межэтнических, междерасовых браков видна в динамике: в 1996г.–8%; 2018г.–4,9%; 2021г.–7,6%; респонденты–магистранты в 2022г.–9,1%. В среднем, каждый десятый респондент конфликтует с родительской семьей.

Среди многообразных причин, провоцирующих конфликты в семьях– «Членство в

неформальных молодежных субкультурных объединениях: респонденты–бакалавры в 2018г.–12,3%; 2021г.–6,1%; респонденты–магистранты в 2022г.–4,5%. Некоторые молодые индивиды должны преодолеть неформальные увлечения юности и кризисный возрастной барьер, чтобы перейти на новый этап своей социализации.

Заключение

Среди многообразия проблем, с которыми сталкиваются магистранты в повседневной жизни, были отмечены: совмещение работы и учебы; снижение материального уровня жизни и поиск заработков; возможность провести научные исследования и опубликовать результаты.

В списке новых проблем 2022 года появились: постковидная боязнь за самочувствие и жизнь близких; «военные сводки с Донбасса и напряженные международные отношения со странами НАТО»; общие вопросы существования на планете Земля.

По социологическим данным, из приводимых в статье многолетних авторских исследований вузовской молодежи, подтвердилась поставленная гипотеза: безусловно, в жизнедеятельности магистрантов сохраняются типичные молодежные конфликты, но и появляются новые ситуационные противоречия, нередко способные трансформироваться в конфликт.

Эмпирически выявленные типичные причины семейных (родители–дети) конфликтов: «попадание в сети» зависимостей; материально–бытовая специфика; девиантно–делинквентные ситуации; досугово–межгендерные противостояния.

В поведении современной молодежи, по мнению самих магистрантов, стало больше грубостей и бестактности, что провоцирует конфликтные отношения.

Семейный контроль за успехами в учебе и досуге дочерей гораздо строже, чем контроль за успехами сыновей. Каждый пятый респондент отвергает советы родителей и вступает с ними в конфликты.

Каждый десятый респондент–2022 заявил, что родители «подавляют своих детей», которые не желают трудиться и конфликтуют; дочери выбирают «татуировочно–пирсинговое» самоутверждение; сыновья склонны к ресторанно–клубным развлечениям; некоторые высказывают лгбт–ориентиры или ратуют за межэтнические и межрассовые браки; другие упрямо держатся за "субкультурную неформальность" времен своей ранней юности.

Библиография

1. Макарова С.Н., Резник С.Д. Магистранты российского университета: социальное поведение и качество обучения // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 11. С. 9-21.
2. Антонова О.Г. Профессиональная мотивация и адаптация студентов технических специальностей (на материалах конкретно социологических исследований в Республике Татарстан и Республике Казахстан) / О.Г. Антонова, Ю.Р. Хайруллина, Е.В. Щанина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2020. № 3. (55). С. 61-70.
3. Кутумова А.К., Неустроева А.Б. Факторы конфликтности студенческой среды Республики Саха (Якутия) // Конфликтология / nota bene. 2021. № 1. С. 43-53.
4. Оффер Е.А. Трансформация российской магистратуры // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 1. С. 36-48.

5. Каплан Е.А., Еретян К.Ю. Работа и учеба у студентов вузов: конфликт или фасилитация? // Мониторинг общественного мнения:экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 395-423.
6. Кабахидзе Е.Л. Конфликтогенность в сфере высшего образования: причины,последствия, способы урегулирования // Конфликтология / nota bene. 2021. № 2. С. 28-41.
7. Кошмаров М.Ю. Конфликт глобализации медиапотребления: от эхо-камер к инфо-капсулам//Конфликтология / nota bene. 2022. № 2. С. 51-62.
8. Аверина К.Н.Связь самооценки со стилями поведения в конфликте у мужчин и женщин ранней взрослости//конфликтология / nota bene. 2018. № 4. С. 32-41.
9. Заставенко В.А. Коммуникативное пространство онфликта:теоретический анализ// Конфликтология / nota bene. 2021. №4. С. 81-95.
10. Онегина Е.В. Конфликты и солидарности ЛГБТК сцены в Санкт-Птербурге// Мониторинг общественного мнения: экономиеские и социальные перемены. 2019. №1. С. 179-192.
11. Cherkasova T.V. Students predict a post-covid future:ethno-gender results of social research in Bashkortostan // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS // SCTMG 2021 International Scientific Conference "Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism". DOI: 10.15405/epsbs.2021.11.356.
12. Cherkasova T.V.The phenomenon of Russians happiness:studies of Bashkortostan students during the cjvid-19 // SHS Web of Conferences 122,02004(2021). Fundamental Research of the Phenomenon of Happiness. 2020. URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202112202004>.
13. Cherkasova T.V. Trajectories of live self-determination of Russian students of Bashkortostan // Evropean Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS/ICEST 2021. II International Conference on Economic and Social Trends for Sustainability of Modern Society. DOI: 10.15405/epsbs.2021.09.02.300.
14. Cherkasova T.V. Students of Russian universities at the initial stage of digitalization of higher professional education:empirical analysis of sociological surveys // Национальная ассоциация ученых (НАУ), №85, 2022.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье являются конфликты в жизнедеятельности магистрантов.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод анализа, метод обобщения, а также метод опроса целевой группы студентов, обучающихся на программах магистратуры.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку магистратура представляет собой особый уровень образования, предполагающий профессиональное самоопределение личности, реализацию ее научно-исследовательского потенциала, связанное с этим закрепление социального статуса в обществе и поиск дальнейшего уровня развития и личностного роста. Однако, обучающиеся в магистратуре зачастую совмещают свою учебу с различными видами активности, выполняя на данном этапе уже множество социальных ролей в семье, на работе, общественной деятельности, спорте, искусстве и т.п. Такая множественная активность может детерминировать самые разнообразные конфликтные ситуации, которые могут по-разному отражаться на личности магистрантов

и проявляться в их жизнедеятельности.

Научная новизна исследования заключается в проведении глубокого анализа конфликтов и возможных причин, детерминирующих эти конфликты среди молодежи, обучающейся на программах магистратуры с помощью опросов, проведенных по авторской методике в 2022 году.

Статья написана языком научного стиля с грамотным использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и демонстрацией полученных в ходе опросов результатов, характеризующих предмет исследования.

Структура выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. Структура данного исследования включает вводную часть, основную часть, заключение и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. В содержании исследования особенно ценным являются выявленные в ходе проведенных опросов группы причин, детерминирующих конфликты, особый интерес представляют такие, как «девиантно-делинквентные ситуации», причины «материально-бытовой специфики», «досугово-межгендерные триггеры», которые подробно описаны и проанализированы в представленной статье.

Библиография содержит 14 источников, включающих в себя периодически и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения известных ученых, характеризующих подходы и различные аспекты к пониманию конфликтогенности молодежи и возможных причин конфликтов в молодежной среде, а также содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «среди многообразия проблем, с которыми сталкиваются магистранты в повседневной жизни, были отмечены: совмещение работы и учебы; снижение материального уровня жизни и поиск заработков; возможность провести научные исследования и опубликовать результаты. В списке новых проблем 2022 года появились: постковидная боязнь за самочувствие и жизнь близких; «военные сводки с Донбасса и напряженные международные отношения со странами НАТО»; общие вопросы существования на планете Земля».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и администрацией образовательных организаций, специалистами по работе с молодежью, конфликтологами, психологами, социологами, экспертами и аналитиками.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, что, возможно, из названия статьи целесообразно исключить год «2022», достаточно этого указания в тексте статьи при характеристике выборки. В тексте статьи отдельными заголовками не выделены ее основные структурные элементы, в частности, введение, обзор литературы, методы исследования, результаты исследования и их обсуждение, хотя они несомненно присутствуют в содержании статьи. Для наглядности демонстрации результатов исследования возможно было бы использовать рисунки и таблицы. Все сноски, представленные в тексте статьи, необходимо оформить единообразно (встречается сноска, оформленная таким образом: «[5–с.412]»). В конце некоторых предложений отсутствует знак препинания «точка». Указанные недостатки не снижают высокую научную и практическую значимость самого исследования, а скорее относятся к

оформлению текста статьи. Статью рекомендуется опубликовать.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Коренева В.В., Гудовский И.В., Смирнова А.В., Дулинец Т.Г., Гусаренко В.В. Профилактика межличностных конфликтов в трудовом коллективе // Конфликтология / nota bene. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0617.2024.2.70670 EDN: ABLMYX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70670

Профилактика межличностных конфликтов в трудовом коллективе

Коренева Вера Викторовна

кандидат педагогических наук

доцент; кафедра общей и социальной педагогики; Сибирский федеральный университет

660041, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Свободный, 79

✉ kop_ipps@sfu-kras.ru

Гудовский Игорь Витальевич

кандидат педагогических наук

доцент; кафедра психологии и педагогики; Сибирский государственный университет науки и технологий им. М.Ф. Решетнева

660049, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Мира, 82

✉ dogadaev81@bk.ru

Смирнова Анастасия Викторовна

кандидат педагогических наук

доцент; кафедра английской филологии; Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

660060, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89

✉ anastastasyavic@mail.ru

Дулинец Татьяна Григорьевна

кандидат педагогических наук

доцент; кафедра психологии развития и консультирования; Сибирский федеральный университет

660062, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Свободный, 82

✉ tadulinec@yandex.ru

Гусаренко Виктория Владимировна

старший преподаватель; кафедра философии и социально-гуманитарных наук; Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф.Войно-Ясенецкого

660062, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, 1

✉ gusarenko_vv@mail.ru

[Статья из рубрики "Психология конфликта в сфере управления"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2024.2.70670

EDN:

ABLMYX

Дата направления статьи в редакцию:

06-05-2024

Аннотация: Предметом исследования являются профилактические мероприятия по предупреждению конфликтов в трудовом коллективе. Руководители предприятий не всегда на ранней стадии развития межличностного конфликта пытаются его разрешить, применяя способы, которые будут препятствовать эскалации конфликта и которые помогли бы найти эффективный способ выхода из сложной ситуации. Многие руководители не уделяют данному аспекту должного внимания, не имеют в штате психолога, конфликтолога или не приглашают их в организацию для проведения тренингов, эффективных программ по профилактике и предупреждению межличностных конфликтов. Таким образом руководители упускают возможность своевременно разрешить возникшие противоречия или направить конфликт в конструктивное русло. Многие руководители не считают важным и значимым внедрением в трудовую деятельность сотрудников психологических программ и рекомендаций профилактики и разрешения конфликтов. В связи с этим цель настоящего исследования, заключается в анализе теоретических основ профилактики межличностных конфликтов в трудовых коллективах и разработке программы профилактики межличностных конфликтов в трудовом коллективе. В данной работе использовались следующие методы: обобщение, теоретический анализ. Нами был опрошен коллектив сотрудников камерного хора с помощью авторской анкеты «Конфликты в коллективе», ведущие стратегии поведения в конфликтной ситуации по методике К. Томаса (адаптация Н.В. Гришиной). Для оценки эффективности проведенной программы профилактики межличностных конфликтов была разработана авторская анкета. Нами была разработана и апробирована программа профилактики межличностных конфликтов в трудовом коллективе. Участниками программы стали 13 сотрудников камерного хора. Сама реализация программы предполагала три встречи. День 1 – работа с когнитивной сферой, осознанием и пониманием того, что такое конфликт, какие бывают конфликты, какими причинами может быть вызван конфликт. День 2 – работа с эмоциональной сферой, через знакомство сотрудников с упражнениями, техниками, средствами и способами профилактики конфликтных ситуаций. День 3 – работа с поведенческой сферой – понимание и осознание того, какие поведенческие формы способствуют предупреждению конфликта. Полученные данные в целом говорят об эффективности проведенной программы профилактики по предупреждению межличностных конфликтов для большинства сотрудников.

Ключевые слова:

конфликт, межличностный конфликт, сотрудники, профилактика, стратегии поведения,

рефлексия, трудовые отношения, коммуникация, профилактические мероприятия, взаимодействие

Актуальность данной темы обусловлена тем, что каждый человек на протяжении своей жизни неоднократно сталкивается с разного рода конфликтами. Конфликты между людьми происходят ежедневно, но не все способны правильно разрешать конфликтную ситуацию. Конфликт в психологической науке понимается как: «столкновение противоположно направленных целей, интересов, позиций, мнений или взглядов двух, или более людей». Конфликтное поведение – это «действия, направленные на то, чтобы прямо или косвенно блокировать достижение противостоящей стороне ее целей, намерений, интересов».

Межличностные конфликты – самые часто встречающиеся конфликты. Они могут возникать в различных сферах жизни людей. Одной из важных задач является разрешение и профилактика конфликтов в трудовом коллективе. В процессе производства, совместной деятельности люди вступают в межличностные отношения и от того благоприятно или неблагоприятно они складываются во многом зависит эффективность и продуктивность самого работника. Конфликт может привести к разбалансировке всей сферы производственной деятельности. Последствия конфликтов бывают очень разрушительными.

Высокие достижения на производстве, в трудовой деятельности зависят от множества факторов, среди которых межличностное понимание, благоприятные взаимоотношения и психологическая совместимость в коллективе играют далеко не последнюю роль. Они непосредственно влияют на сплоченность сотрудников и всего коллектива в целом. Низкий уровень сплоченности сотрудников выражается в наличии частых конфликтов между членами коллектива.

В свою очередь часто возникающие, длительные конфликты оказывают деструктивное влияние на межличностные отношения, сплоченность и социально-психологический климат в коллективе.

В данной работе будем опираться на опыт мировой и отечественной конфликтологии в лице: Корнелиуса Х., Фейра Ш., Лоренца К., Майерса Д., Скотта Дж., Богданова М., Конторова Д., Конторова Н.; Дмитриева А., Кудрявцева В., Анцурова А., Малышева А.; Канатаева Ю.А. и др. [\[2, 5\]](#)

Вместе с тем целый ряд вопросов остается не охваченным вниманием ученых.

Руководители предприятий не всегда на ранней стадии развития межличностного конфликта пытаются его разрешить, применяя способы, которые будут препятствовать эскалации конфликта и которые помогли бы найти эффективный способ выхода из сложной ситуации. Многие руководители не уделяют данному аспекту должного внимания, не имеют в штате психолога, конфликтолога или не приглашают их в организацию для организации и проведения тренингов, эффективных программ по профилактике и предупреждению межличностных конфликтов. Таким образом руководители упускают возможность своевременно разрешить возникшие противоречия или направить конфликт в конструктивное русло.

Многие руководители не считают важным и значимым внедрением в трудовую деятельность сотрудников психологических программ и рекомендаций профилактики и разрешения конфликтов.

В связи с этим цель настоящего исследования, заключается в разработке программы психологического просвещения сотрудников организации в области профилактики межличностных конфликтов.

Предмет исследования – профилактика межличностных конфликтов в трудовом коллективе.

Степень научной разработанности проблемы исследования.

Первым целостным концепциям о конфликтах, которые появились на рубеже XIX-XX вв., предшествовали взгляды ученых античности, которые считали конфликты частью жизни людей в обществе. Причину конфликтов и распрей они видели в неравенстве и непохожести людей.

Общая концепция социальных конфликтов начала складываться на рубеже XIX – начала XX вв. Представлена она зарубежными учеными М. Вебером и Г. Зиммелем. Межличностный конфликт в их работах описывается как необходимая и неустранимая часть жизни. У людей разные интересы, а они и порождают конфликт.

Значимый вклад в исследование о межличностном конфликте внесли социологи Р. Дарендорф и Л. Козер. Совместными усилиями они создали теорию конфликта.

В зарубежной психологии причину межличностного конфликта исследовали Boulding K.E. [16] Deutsch M. [17], Deutsch M. [18], Homey K. Smith W. P. [19], Ward H. [20].

Значительный вклад в развитие современной российской науки по проблеме межличностного конфликта в коллективе внесли: Д. Б. Аверкин [1], Л.А. Федосеева [13], Т. П. Григорьева [3], О. А. Екимчик [4] и др. С позиции ученых межличностный конфликт рассматривается как открытое столкновение субъектов взаимодействия. В трудах ученых подробно представлено понятие и сущность конфликта.

Конфликты в межличностных отношениях в коллективах рассматривали Т.В. Скутина [10], Л.А. Федосеева [13], А.А. Чугуй [14] и др. Они считали, что характер личности в развитии межличностного конфликта оказывает непосредственное влияние.

Понятие трудового конфликта, причины, последствия, способы регулирования представлены в работах Т.Л. Крюковой [5], З. Р. Сабировой [8], М. С. Семченко [9] и др.

Методы исследования. В данной работе использовались следующие методы: обобщение, теоретический анализ.

Нами был опрошен коллектив сотрудников камерного хора с помощью авторской анкеты «Конфликты в коллективе», ведущие стратегии поведения в конфликтной ситуации по методике К. Томаса (адаптация Н.В. Гришиной). Для оценки эффективности проведенной программы профилактики межличностных конфликтов была также разработана авторская анкета. Коллектив участвует в разных творческих мероприятиях города Красноярска. Состав хора – 13 человек: 8 женщин и 5 мужчин.

Перед тем как разработать программу профилактики конфликтных ситуаций для коллектива хора, нами был проведен опрос сотрудников, с целью определения наличия конфликтных ситуаций в коллективе.

Исследование. Для начала среди сотрудников был проведен анкетный опрос относительно того, как часто в их коллективе случаются конфликты и по какой причине.

На вопрос о том, как часто в Вашей организации возникают конфликтные ситуации, ответы респондентов распределились следующим образом (рис.1): очень часто – считают 2 человека, периодически – считают 3 человека, иногда – 6 человек и почти никогда – 2 человека.

Рис.1. Частота возникновения конфликтных ситуаций.

Таким образом, большинство сотрудников считают, что конфликты в их коллективе случаются лишь иногда.

На вопрос о том «Как часто Вы оказываетесь участником конфликта на работе?» (рис.2) ответы респондентов распределились следующим образом: очень часто – считают 2 человека, периодически – считают 3 человека, иногда – 6 человек и почти никогда – 2 человека.

Рис.2. Частота участия в конфликте на работе

На вопрос о том, «Как Вы считаете, насколько конфликты, которые возникают в Вашей организации, управляемы?» ответы респондентов распределились следующим образом (рис.3): 2 человека считают, что конфликты в организации полностью поддаются регулированию; 3 человека сотрудников считают, что иногда конфликты контролировать не удастся; 7 человек сотрудников считают, что часто контроль невозможен и 2 человека считают, что в организации конфликты практически неуправляемы.

Таким образом, большинство сотрудников считают, что контроль за конфликтными ситуациями в организации невозможен.

Рис.3. Управляемость конфликтов в организации

На вопрос о том, «Какая причина, чаще всего, является причиной конфликта в Вашей организации?» ответы респондентов распределились следующим образом (рис.4): несправедливая оплата труда – 2 человека, высокие амбиции некоторых работников – так считают 3 человека; неправильная организация работы – 7 человек; превышение должностных полномочий руководителем – 2 человека, чувство зависти работников друг к другу – 1 человек, низкий уровень профессионализма – 1 человек и борьба за должность не является, по мнению сотрудников, причиной конфликтов в организации.

Рис.4. Причины конфликта в организации

Таким образом, по мнению сотрудников, основными причинами межличностных конфликтов в организации являются: неправильная организация работы и высокие амбиции некоторых сотрудников.

На вопрос о том, Возникает ли у Вас желание уйти из этой организации, ответы респондентов распределились следующим образом (рис.5):

Рис.5. Желание уйти из организации

2 человека отвечают, такое желание не возникает никогда; 2 человека отвечают, что желание уйти из организации возникает все время; у 7 сотрудников это желание возникает изредка, у 3 человек – часто.

Наконец, на предпоследний вопрос анкетного опроса, который связан с выяснением мнения сотрудников о том, насколько важно, по их мнению, участие специалиста (консультанта) в разрешении конфликтов в коллективе? ответы распределились следующим образом: 5 сотрудников считают, что желательно наличие специалиста; 4 человека считают, что специалист обязательно нужен и 4 человека считают, что в таком специалисте нет необходимости (рис.6).

Рис.6 Важность участия специалиста в разрешении конфликтов.

На последний вопрос анкеты: «Как Вы оцениваете социально-психологический климат Вашей организации?», ответы респондентов распределились следующим образом: «все спокойно» - считают 4 сотрудника; есть определенные очаги напряжения - 8 человек; о том, что в коллективе очень напряженные отношения говорят 1 человек (рис.7).

Рис.7 Оценка социально-психологического климата в организации.

Таким образом, по результатам первичного опроса были получены следующие данные, которые свидетельствуют о наличии межличностных конфликтов в организации и необходимости их профилактики.

Большинство сотрудников считают, что конфликты в их коллективе случаются лишь иногда; периодически участником конфликта оказываются 20% сотрудников; 50% сотрудников считают, что наиболее частой причиной конфликта является неправильная организация работы в организации; у 50% сотрудников возникает иногда желание уйти из организации; 40% сотрудников считают, что в разрешении конфликтов, возникающих в организации, важно участие специалиста; 60% работников считают, что в коллективе есть «очаги напряжения», что сказывается на общем социально-психологическом климате коллектива.

Для того, чтобы подчеркнуть актуальность данного исследования в коллективе мы решили посмотреть, какие ведущие стратегии поведения в конфликтной ситуации используют сотрудники.

Мы определяли ведущие стратегии поведения в конфликтной ситуации по методике К. Томаса (адаптация Н.В. Гришиной). К. Томас выделял следующие ведущие стратегии поведения личности в конфликтной ситуации: соперничество, приспособление, компромисс, избегание, сотрудничество.

По данной методике были получены следующие результаты (рис.8).

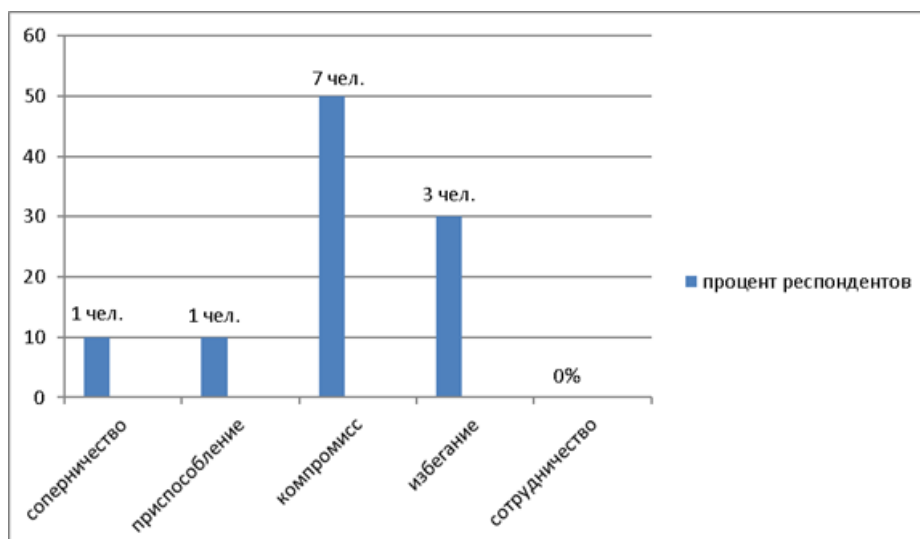

Рис.8. Ведущие стратегии поведения в конфликтной ситуации по методике К. Томаса

1 сотрудник чаще всего в конфликте использует стратегию соперничества, 1 сотрудник – стратегию приспособления; 7 сотрудников выбирают стратегию компромисса, 3 человека – избегание. Стратегию сотрудничества в данном коллективе не выбирает никто.

На основании полученных данных можно говорить о том, что социально-психологическая обстановка в коллективе бывает напряженной, и сотрудники не используют конструктивные стратегии поведения в конфликтной ситуации, предпочитая соперничество и компромисс. Никто из сотрудников не готов сотрудничать.

Межличностные организационные конфликты время от времени встречаются. Об этом говорят данные результатов письменного опроса (60% работников считают, что в коллективе есть «очаги напряжения», что сказывается на общем социально-психологическом климате коллектива), а также данные психодиагностического исследования по методике К. Томаса, которые показали, что в коллективе есть сотрудник, выбирающий стратегию соперничества, а значит, он может являться провокатором конфликта.

Программа профилактики межличностного конфликта в трудовом коллективе проводилась на базе муниципального бюджетного учреждения культуры «Красноярский камерный хор», г. Красноярск.

Участники программы профилактики – 12 человек, из них 7 женщин и 5 мужчин. Возрастной состав членов коллектива: от 24 до 42 лет. Образование: среднее специальное и высшее.

Программа профилактики межличностного конфликта в трудовом коллективе муниципального бюджетного учреждения культуры «Красноярский камерный хор» была разработана с учетом того, что межличностный конфликт — это результат обстоятельств, при которых потребности, цели, представления одного человека вступают в конфронтацию с потребностями, целями и представлениями другого. Также в основу программы легло положение М. Ю. Зеленкова ^[1] о том, что в основе межличностного конфликта лежат индивидуально-психологические характеристики человека, которые проявляются в трех основных аспектах жизнедеятельности личности: когнитивном, эмоциональном и деятельностном уровне.

В соответствии с этим программа профилактики межличностных конфликтов состоит из трех групповых встреч с сотрудниками камерного хора.

Содержание групповых встреч по просвещению сотрудников относительно профилактики конфликтов нами было определено и выстроено следующим образом:

День 1 – работа с когнитивной сферой, осознанием и пониманием того, что такое конфликт, какие бывают конфликты, какими причинами может быть вызван конфликт. Для этого была разработана теоретическая ознакомительная лекция.

День 2 – работа с эмоциональной сферой, через знакомство сотрудников с упражнениями, техниками, средствами и способами профилактики конфликтных ситуаций, которые направлены, прежде всего, на регуляцию эмоционального состояния для предотвращения конфликта.

День 3 - работа с поведенческой сферой – понимание и осознание того, какие поведенческие формы способствуют предупреждению конфликта, какие стратегии

поведения в конфликтной ситуации существуют, в каких видах межличностных конфликтов лучше применить тот или иной способ для предотвращения самого конфликта.

Групповая встреча. День 1.

Лекция: «Понятие конфликта и конфликтной ситуации. Виды межличностных конфликтов. Причины конфликтов, признаки конфликта.

Цель дня – сформировать у сотрудников представление на когнитивном уровне о том, что такое межличностный конфликт, уметь распознавать его признаки, причины.

Время проведения занятия – 60 минут.

Лекция (см. Приложение 1) состоит из 4 основных частей:

1. Знакомство
2. Вводная часть
3. Основная часть
4. Заключение

На этапе знакомства сотрудники организации знакомятся с ведущим, он сообщает о цели занятия, регламенте, этапах проведения занятия.

Ведущий оглашает основные правила работы в команде: правило поднятой руки, правило «не перебивай», правило «активности», правило внимательности и эмпатии к другим. Здесь также важно понять ожидания участников группы от встречи и групповой работы.

В основной части тренер раскрывает тему лекции, делая акценты на наиболее важных моментах, которые предлагается зафиксировать каждому в своем блокноте.

В заключительной части встречи тренер отвечает на вопросы, а затем проводится рефлексия по вопросам: 1. Оцените важность информации, полученной в ходе первой встречи. 2. Какие выводы вы сделали по итогам полученной информации. 3. Каких знаний вам недостаточно, чтобы предупреждать наступление конфликтных ситуаций

Групповая встреча. День 2.

Работа с эмоциональной сферой, через знакомство сотрудников с упражнениями, техниками, средствами и способами профилактики конфликтных ситуаций, которые направлены, прежде всего, на регуляцию эмоционального состояния для предотвращения конфликта.

Цель - сформировать представления об упражнениях предупреждения конфликта, а также для «наполнения», «экологичного избавления от негативных эмоций»

Вводная часть – рефлексия предыдущего занятия. Воспоминания того, что было на предыдущем занятии. Тренер также сообщает цель и план данного занятия, его регламент.

Основная часть занятия – упражнения, которые направлены на работу с эмоциональным состоянием с целью предупреждения конфликтной ситуации. Данные упражнения работают на корректировку эмоциональной сферы и негативных эмоциональных

переживаний, связанных с конфликтной ситуацией.

1. Упражнение «Убежище»

Цель: упражнение помогает успокоиться, отдохнуть, расслабиться. Выполняется в течение четырёх - пяти минут в спокойном, слабо освещённом помещении.

2. - Упражнение «Мусорное ведро» - 10 минут. Цель: освобождение от негативных чувств и эмоций.

3. Упражнение «Связующая нить». Время: 10 мин.

Цель: помочь участникам почувствовать связь между каждым человеком образующим команду.

4. Игра « Куда мы хотим пойти?»

Цель: формирование у участников общей идеи, полученной во время командного взаимодействия.

После упражнений проводится 10-минутная рефлексия: каково ваше впечатление от упражнения, какие «инсайты», озарения вы испытали/не испытали, удалось ли вам испытать в полной мере эмоции, описанные в упражнении?

Групповая встреча. День 3.

Цель: Работа с поведенческой сферой и предупреждением конфликтов на деятельностном уровне.

Цель: сформировать представление об эффективных копинг - стратегиях для профилактики конфликтных ситуаций.

На данном занятии слушатели делятся своим опытом, рассказывают как они действовали, когда попадали в конфликтные ситуации.

Далее тренер в течении 20 минут рассказывает о стратегиях поведения в конфликтных ситуациях по К. Томасу.

Вопрос для обсуждения: какие копинг - стратегии вы используете чаще всего в своей жизни? Приведите пример. Информация, которую вы получили о существующих копинг-стратегиях может как-то помочь/ помогла ли вам понять свое поведение в процессе межличностного общения.

По окончании работы, тренер просит слушателей поделиться впечатлением от проведенных трех встреч.

Рефлексия после проведения программы профилактики и предупреждения конфликтных ситуаций осуществлялась по вопросам:

1. Как вы оцениваете эффективность проведенных встреч?

2. Что полезного и необходимого вы узнали для себя?

3. Какие выводы относительно себя, своего поведения в конфликте вы сделали?

4. Удалось ли тренеру показать эффективность упражнений для профилактики конфликтов?

5. Какой информации вам не хватило в ходе данных встреч?

6. Какая информация показалась вам наиболее ценной?

Программа профилактики межличностных конфликтов в трудовом коллективе была разработана и апробирована среди сотрудников данной организации для формирования и повышения уровня просвещенности сотрудников на когнитивном (что такое межличностные конфликты, их виды, функции), эмоциональном (способы и формы реагирования в конфликте, особенности формирования отношения к оппоненту, специфика переживания эмоций в конфликте) и деятельностном (основные стратегии поведения в конфликте) уровнях.

Главной целью программы было – психологическое просвещение сотрудников организации в области профилактики межличностных конфликтов.

Занятия проводились не только в форме лекций, но и в форме интерактивного взаимодействия со слушателями, в ходе которого они делились своими проблемами и вопросами относительно межличностных конфликтов, а также делились впечатлениями от проведенных занятий.

Оценка эффективности проведенной программы профилактики проводилась на основании анкетирования. В анкетировании принимали участие все учувствовавшие в апробации программы профилактики: 12 человек: 7 женщин и 5 мужчин. Один из сотрудников к моменту проведения опроса заболел.

На основе проведенного анкетирования сотрудников, целью которого было определение уровня удовлетворенности пройденной программой профилактики межличностных конфликтов в организации, был осуществлен анализ ответов.

На вопрос о том, как сотрудники оценивают эффективность проведенных встреч были получены следующие результаты (рис. 9):

Рис. 9. Вопрос 1 «Как вы оцениваете эффективность проведённых встреч»

3 сотрудника считают, что после апробации программы остались вопросы, которые непонятны; 10 респондентов считают, что проведённые встречи были эффективны. Нет сотрудников, которые бы не поняли смысл и цель проведенных занятий.

На вопрос о недостатках программы профилактики межличностных конфликтов в организации, ответы респондентов распределились следующим образом: 4 человека считают, что недостатков нет; 4 человека считают, что в программе недостаточно

представлен теоретический материал; 1 человеку непонятна цель проведенных встреч; и 4 человека полагают, что недостаточно представлено практического материала.

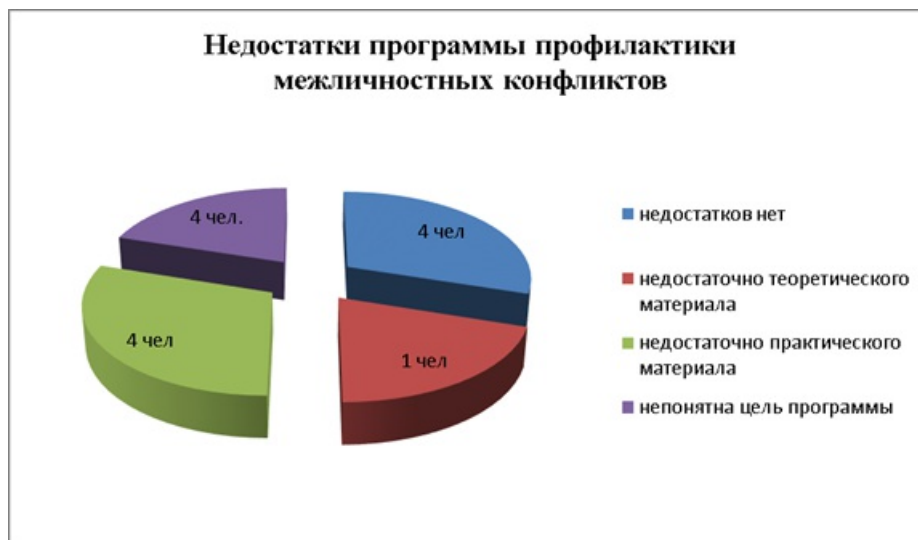

Рис. 10. Вопрос 2 «Укажите недостатки программы профилактики межличностных конфликтов в организации»

На вопрос о том, помогла ли программа профилактики межличностных конфликтов в понимании того, как не допускать конфликтных ситуаций, ответы респондентов распределились следующим образом:

Рис.11. Вопрос 3. Помогла ли внедренная программа профилактики в достижении понимания того, как не допускать конфликты в организации

На данный опрос 9 человек положительно, указав, что проведенная программа профилактики оказалась полезной. Для 4 человек опрошенных программа имеет недостатки, содержит не ясные указания по профилактике конфликтов.

На вопрос, касающийся оценки эффективности теоретической части программы, ответы респондентов распределились следующим образом: 10 сотрудников считают теоретическую часть необходимой, 3 человека считают, что теоретическая часть была не нужна (рис. 12).

Рис.12. Вопрос 4. Эффективность теоретической части программы

На вопрос, касающийся оценки эффективности практических упражнений и рекомендаций, ответы респондентов распределились следующим образом: 13 человек считают, что практические упражнения и рекомендации оказались полезными (рис. 13.)

Рис.13. Вопрос 5. Эффективность практической части программы

На последний вопрос опроса: «Как часто необходимо проводить профилактические мероприятия по предупреждению конфликтов в вашей организации?» ответы респондентов распределились следующим образом: 7 сотрудников считают, что подобные программы необходимо реализовывать в организации регулярно; 4 человека считают, что это нужно делать по мере необходимости; 2 человека считают, что уже проведенного мероприятия было достаточно. Результаты отражены на рисунке 14.

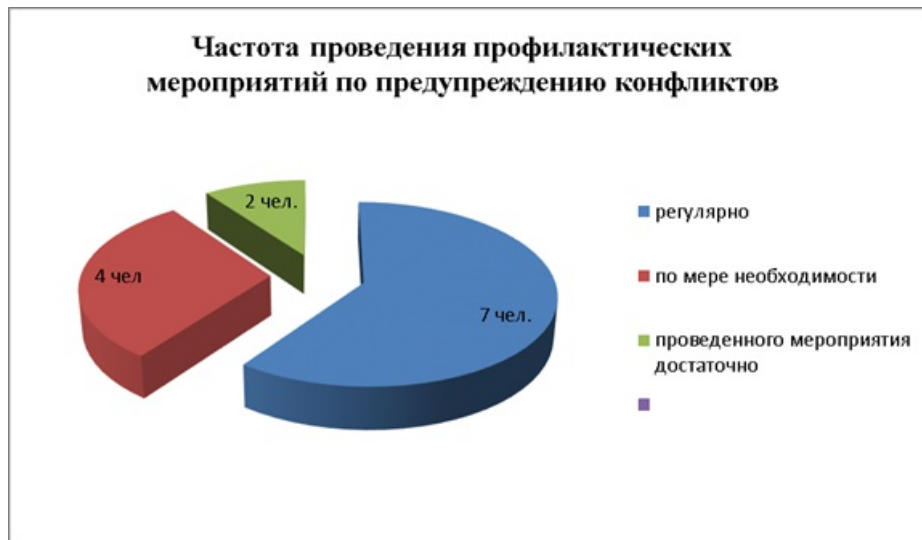

Рис.14 Частота проведение профилактических мероприятий по предупреждению конфликтов

Таким образом, по результатам оценки сотрудниками проведенной программы профилактических мероприятий по предупреждению конфликтов, было получено, что 10 респондентов считают, что проведенные встречи были эффективны. Относительно недостатков, 4 сотрудника считают, что недостатков у программы нет, для 4 сотрудников непонятна цель проведенных встреч. Для 10 сотрудников проведенная программа профилактики оказалась полезной, при этом 10 сотрудников считают теоретическую часть необходимой, и для 13 респондентов была полезна практическая часть. 7 сотрудников считают, что подобные программы необходимо реализовывать в организации регулярно.

Полученные данные в целом говорят об эффективности проведенной программы профилактики по предупреждению межличностных конфликтов для большинства сотрудников.

Деятельность по предупреждению межличностных конфликтных ситуаций может вестись по трем основным направлениям: создание условий, препятствующих возникновению деструктивных межличностных отношений; оптимизация организационно-управленческих условий; устранение социально-психологических факторов и личностных причин межличностных конфликтов.

Профилактика межличностных конфликтов в организации должна вестись одновременно по всем трем направлениям. Кроме того, данная работа должна вестись не только с сотрудниками организации, но и с руководящим составом.

В этом отношении важное значение для профилактики межличностных конфликтов в организации является развитие навыков коммуникативной культуры, культуры межличностного общения, конфликтологической компетентности сотрудников и руководителя с помощью социально-психологических тренинговых программ и упражнений.

На основании полученных данных можно говорить о том, что социально-психологическая обстановка в коллективе бывает напряженной. Межличностные организационные конфликты время от времени встречаются. Об этом говорят данные результатов письменного опроса (60% работников считают, что в коллективе есть «очаги напряжения», что сказывается на общем социально-психологическом климате

коллектива), а также данные психодиагностического исследования по методике К. Томаса, которые показали, что в коллективе есть сотрудник, выбирающий стратегию соперничества, а значит, он может являться провокатором конфликта.

Выводы. Нами была разработана и апробирована программа профилактики межличностных конфликтов в трудовом коллективе. Участниками программы стали 13 сотрудников камерного хора. Сама реализации программы предполагала три встречи. День 1 – работа с когнитивной сферой, осознанием и пониманием того, что такое конфликт, какие бывают конфликты, какими причинами может быть вызван конфликт. Для этого была разработана теоретическая ознакомительная лекция.

День 2 – работа с эмоциональной сферой, через знакомство сотрудников с упражнениями, техниками, средствами и способами профилактики конфликтных ситуаций, которые направлены, прежде всего, на регуляцию эмоционального состояния для предотвращения конфликта.

День 3 – работа с поведенческой сферой – понимание и осознание того, какие поведенческие формы способствуют предупреждению конфликта, какие стратегии поведения в конфликтной ситуации существуют, в каких видах межличностных конфликтов лучше применить тот или иной способ для предотвращения самого конфликта.

Таким образом, по результатам оценки сотрудниками проведенной программы профилактических мероприятий по предупреждению конфликтов, было получено, что 10 респондентов считают, что проведенные встречи были эффективны. Относительно недостатков, 4 сотрудника считают, что недостатков у программы нет, для 4 сотрудников непонятна цель проведенных встреч. Для 10 сотрудников проведенная программа профилактики оказалась полезной, при этом 10 сотрудников считают теоретическую часть необходимой, и для 13 респондентов была полезна практическая часть. 7 сотрудников считают, что подобные программы необходимо реализовывать в организации регулярно.

Полученные данные в целом говорят об эффективности проведенной программы профилактики по предупреждению межличностных конфликтов для большинства сотрудников.

Библиография

1. Аверкин Д.Б. Современные представления о межличностном конфликте [Электронный ресурс] // Измерение психологической близости. Режим доступа: <http://psychologylib.ru/catalog/index.shtml> (дата обращения: 23.11.2023 г.)
2. Богданова М. В. Эффективность совладания с эмоциональным состоянием в ситуации межличностного конфликта // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – Кострома. 2019 г. Т. 22. С. 116-120.
3. Григорьева Т. П. Способы разрешения конфликтных ситуациях в межличностных отношениях // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2023 г. Т. 19. С. 110-116.
4. Екимчик О. А. Динамические аспекты профессиональных отношений и совладающее поведение партнеров // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2019 г. Т. 6. С. 278-283.
5. Корнелиус Х., Фэйр Ш. Выиграть может каждый: Как разрешать конфликты. М.: Стрингер, 1992. – 215 с.
6. Петровская Л.А. О понятийной схеме социально-психологического анализа конфликта // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. 2022. №3. С 44-

57.

7. Социальные представления о конфликтах в профессиональных отношениях и способы разрешения: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sudexp.org/publ/21-1-0-959>.

8. Сабирова З. Р. Профессиональные отношения в современном обществе // Система ценностей современного общества. Уфа, 2010 г. С. 43-48.

9. Семченко М. С. Стратегия поведения в конфликте // Вестник ТГУ, выпуск 7 (111), 2012. Т. 7. С. 227-230.

10. Скутина Т. В. Рефлексивное управление конфликтом. Рефлексивное управление конфликтом: возможности становления в подростковом возрасте // Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов VII Международного симпозиума. М.: Когито-Центр, 2019. С. 245-248.

11. Смирнова Е. О. Соотношение стратегий поведения в конфликте // Вопр.психол, 2021, № 1. С. 34-42.

12. Фабировская И. А. Особенности разрешения конфликтных ситуаций // Психология, социология и педагогика. 2022. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://psychology.snauka.ru/2012/11/1338> (дата обращения: 11.01.2018).

13. Федосеева Л.А. Виды и причины конфликтов в межличностном взаимодействии // Современные научные исследования и инновации. 2020. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2020/01/91098> (дата обращения: 25.12.2023).

14. Чугуй А. А. Особенности представлений о лживом поведении в ситуации конфликта // Гуманитарные научные исследования. Южный федеральный университет, 2022 г. № 7. С. 1-5.

15. Шаров А. С. Онтология рефлексии: природа, функции и механизмы // Рефлексивный подход: от методологии к практике / под ред. В.Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2009. С. 112-132.

16. Boulding K.E. Conflict and defence : A general theorie.-N.Y. 1992. P. 33-40.

17. Deutsch M. The resolution of conflict: Constructive and destructive processes. New Haven. 2023. 420 p.

18. Deutsch M. Toward an understanding of Conflict // Conflict and human interaction / Ed. by Cross G.P. et al. 2019. p. 21-33.

19. Homey K. Our inner conflicts. London, 1996. p. 64-68.

20. Smith W. P. Conflkt and negotiation: trend and emerging issues // Journal of Appl. Social Psychology. 1987. v.17, №7. p. 642-677.

21. Ward H. Three Men in a Boat, two must row: an analisys of three-person chicken pregame // Journal of Conflict Resolution. 1990. v.34, №3. p. 372-400.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Профилактика межличностных конфликтов в трудовом коллективе»

Предмет исследования - профилактика межличностных конфликтов в трудовом коллективе.

Методология исследования построена на традиционных методах психологического исследования. В первой части есть короткое описание важности подхода и темы межличностных конфликтов, а также их влияния на взаимодействие в коллективе.

Рекомендуется представить обобщение и сравнение наработанных в зарубежной и

отечественной психологии подходов к профилактике конфликтов. Автором используется обзор всего 20 литературных источников, что вполне достаточно в русле заявленной темы. Но важно показать именно аспект профилактики конфликтов – насколько он изучен в научном плане?

Прикладная часть в исследовании направлена на решение цели – анализ теоретических основ профилактики межличностных конфликтов в трудовых коллективах и разработка программы профилактики межличностных конфликтов в трудовом коллективе.

В исследовании приняли участие 13 респондентов – 8 женщин и 5 мужчин, все сотрудники камерного хора. В формирующей части участвовали всего 12 человек.

Организационно исследование строится на трех этапах – анализ текущей ситуации с конфликтами, реализация программы профилактики конфликтных ситуаций.

В качестве психодиагностических методик автор использует следующие:

- 1) авторская анкета «Конфликты в коллективе»,
- 2) тест оценки ведущей стратегии поведения в конфликтной ситуации по методике К. Томаса (адаптация Н.В. Гришиной),
- 3) для оценки эффективности проведенной программы профилактики межличностных конфликтов была также разработана авторская анкета.

Для математической обработки данных применен анализ средних значений. Статистические методы автором не использованы, хотя необходимо применить методы оценки различий в характеристиках до и после воздействия.

Актуальность представленной статьи не вызывает сомнения. Интерес к изучению поведения в конфликтах обусловлен теоретической и практической значимостью. Важно, что автор не только проводит обзор исследований по конфликтологии, но и разрабатывает программу профилактики конфликтов. Есть сомнение, насколько программа, апробированная на небольшой выборке испытуемых, может быть реализована как «коробочное решение» на других коллективах. Но взять ее за основу при разработке методических решений для конкретных коллективов.

Научная новизна – работы маловероятна. В исследовании приняли участие всего 13 человек – представители конкретного творческого коллектива. Это очень небольшая выборка для формирования научных выводов.

Стиль, структура, содержание

Статья имеет традиционную структуру – вводная, основная и заключительная части.

Вводная часть обосновывает выбор темы. Она достаточно проработана. Важно, что автор описывает понятийный аппарат, ссылаясь на научные подходы наших известных авторов и зарубежных ученых. Но не представлены исследования именно по профилактике конфликтов. Важно проанализировать профилактику конфликтов именно в творческих коллективах, на примере которого автор проводит исследование.

В основной части статьи автор работает над заявленной в начале статьи целью. Представлены результаты ответов респондентов на вопросы анкеты. Нецелесообразно это делать в отдельных графиках в формате круговых диаграмм. Нужно свести все данные анкетирования в одну сводную таблицу, где будет показана специфика ответов.

В конце статьи автор делает выводы о том, что программа эффективна на основе опроса сотрудников. А какие изменения произошли в поведении респондентов? Как изменились их стратегии поведения в конфликте. Важно показать данный аспект.

Стиль изложения материала соответствует требованиям научности, но при этом он вполне доступен для восприятия. Излишнее количество диаграмм нужно заменить на более информативные сравнительные таблицы.

Библиография

Насчитывает 21 наименование литературных источников, большинство из которых статьи в журналах и публикации в сборниках конференций. Также представлены источники на

английском языке. Среди представленных источников есть вполне свежие (2022, 2023 г.г.), что обеспечивает актуальность раскрытия темы.

Как рекомендация – добавить источники, где представлены фундаментальные работы по конфликтологии, на авторов которых представлены ссылки во вводной части статьи (Х.Корнелиус, Ш.Фейр, В.Дружинина и пр.).

Апелляция к оппонентам – статья соответствует требованиям, предъявляемым к статьям для публикации в журналах из перечня ВАК, и может быть рекомендована к публикации несмотря на незначительные замечания.

Рекомендации:

1) В теоретическом обзоре усилить внимание к вопросу именно профилактики конфликтов.

2) Корректно применять термины «конфликт» и «конфликтная ситуация» - это разные конструкты, но автор применяет их как синонимы.

3) Оптимизировать визуально-графическое представление результатов исследования.

Выводы, интерес читательской аудитории – после исправления недостатков статья вызовет интерес читательской аудитории, заинтересованной в изучении личностных особенностей. Она будет полезна широкому кругу лиц - психологам, преподавателям, психотерапевтам, а также студентам, обучающимся по психологическим направлениям.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является профилактика межличностных конфликтов в трудовом коллективе.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод анализа, метод обобщения, а также метод опроса и метод анкетирования (авторские анкеты, в том числе «ведущие стратегии поведения в конфликтной ситуации по методике К. Томаса (адаптация Н.В. Гришиной)»). Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку межличностные конфликты в самых разнообразных коллективах являются очень частым и распространенным явлением, которое может зависеть от самых разнообразных факторов, в том числе от особенностей и специфики самого коллектива. Для обеспечения эффективной работы коллектива важной задачей руководства организации выступают профилактика межличностных конфликтов и создание благоприятной атмосферы и психологического комфорта во взаимоотношениях работников.

Научная новизна исследования заключается в проведении исследования по авторской методике с целью дальнейшей разработки «программы психологического просвещения сотрудников организации в области профилактики межличностных конфликтов». В качестве респондентов выступил творческий коллектив хора города Красноярска в количестве 13 человек.

Статья написана языком научного стиля с грамотным использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и демонстрацией полученных в ходе анкетирования результатов, характеризующих предмет исследования.

Структура выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. Структура данного исследования включает вводную часть, степень научной разработанности проблемы исследования, методы исследования, описание исследования, программу профилактики, выводы и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. В содержании исследования особенно ценным является предложенная авторская «Программа профилактики межличностного конфликта в трудовом коллективе», которая проводилась на базе муниципального бюджетного учреждения культуры «Красноярский камерный хор», г. Красноярск» и подробное описание ее содержания.

Библиография содержит 21 источник, включающих в себя отечественные и зарубежные периодически и неперіодические издания, а также электронные ресурсы.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения известных ученых, характеризующих подходы и различные аспекты к пониманию межличностных конфликтов в трудовых коллективах, а также содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «деятельность по предупреждению межличностных конфликтных ситуаций может вестись по трем основным направлениям: создание условий, препятствующих возникновению деструктивных межличностных отношений; оптимизация организационно-управленческих условий; устранение социально-психологических факторов и личностных причин межличностных конфликтов. Профилактика межличностных конфликтов в организации должна вестись одновременно по всем трем направлениям. Кроме того, данная работа должна вестись не только с сотрудниками организации, но и с руководящим составом. В этом отношении важное значение для профилактики межличностных конфликтов в организации является развитие навыков коммуникативной культуры, культуры межличностного общения, конфликтологической компетентности сотрудников и руководителя с помощью социально-психологических тренинговых программ и упражнений».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и администрацией различных организаций, специалистами по работе с персоналом, конфликтологами, психологами, экспертами и аналитиками.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, что, возможно, в тексте статьи стоит указать период проведения исследования и апробации программы профилактики межличностного конфликта. При оформлении рисунков необходимо обратить внимание на требование действующего ГОСТа. Может быть, количество рисунков (их 14 в представленной статье) стоило бы пересмотреть в сторону сокращения. Указанные недостатки не снижают высокую научную и практическую значимость самого исследования, а скорее относятся к оформлению текста статьи. Статью рекомендуется опубликовать.

Англоязычные метаданные

Abiy Ahmed's Domestic Policy in Ethiopia: Securitization and conflict resolution

Belkov Aleksandr Dmitrievich

Student, Department of Comparative Politics, RUDN University named after Patrice Lumumba

6 Mkiukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ aleksanderbelkov@gmail.com

Abstract. The subject of this study is a set of political reforms carried out by Ethiopian Prime Minister Abiy Ahmed from 2018 to the present. The object of the study is the internal political contradictions accumulated in Ethiopia from 1974 to 2018. The purpose of the work is to test the hypothesis that the policy of A. Ahmed is subject to the provisions of the theory of securitization of B. Buzan and O. Weaver and is aimed at transforming the conflict education of Ethiopia into a security regime. The topic of the study is relevant, since Ethiopia is considered by a number of scientists as a potential regional heavyweight capable of stabilizing the Horn of Africa region and ultimately influencing the security of the whole of Africa. Therefore, it is important to study the dynamics of political processes in modern Ethiopia. The research is based on the theory of regional security complexes by B. Buzan and O. Weaver. The methods of work are qualitative content analysis of official documents and expert opinions, as well as event analysis, logical and philosophical assumptions are allowed. A realistic approach is used to analyze the internal political situation in Ethiopia. The scientific novelty of the work lies in the fact that the policy of Abiy Ahmed is analyzed not from the standpoint of historical approaches, but from the point of view of political science theory, which is applied to the political process taking place in our time. The author concludes that the political course of A. Ahmed is determined by the difficult situation in which Ethiopia found itself by 2018. The Prime Minister is trying to stabilize the situation in the country, using his rich experience and professional knowledge, trying to change Ethiopia's position as a conflict entity to a security regime, his internal policy traces approaches based on strengthening the central government, which, from the point of view of the theory of B. Buzan and O. Weaver, makes Ethiopia a functional entity capable of respond to existential threats and develop successfully.

Keywords: religion, desecuritization, securitization, regional security complex, conflict, Abiy Ahmed, Horn of Africa, Ethiopia, separatism, Tigray crisis

References (transliterated)

1. Jima, A. O., & Meissner, R. (2021). Vicious circle of Ethiopian politics: Prospects and challenges of current political reform. *Cogent Social Sciences*, 7(1). DOI: 10.1080/23311886.2021.1893908
2. Population. United Nations. Retrieved from URL: <https://www.un.org/en/global-issues/population> (accessed March 05, 2024).
3. Buzan, Barry; Weaver, Ole. (2003). *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Ismagilova R.N. Efiopiya: etnopoliticheskaya situatsiya v shtate Benishangul-Gumuz //

- Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN, № 2-3 (36-37), 2016. S. 80-96.
5. Ismagilova R. N. Politicheskii krizis v Efiopii: «efiopskaya vesna»? // IMEMO RAN, 24.04.2018. URL: <https://www.imemo.ru/special-rubrics/africa/text/politicheskiy-krizis-v-efiopii-efiopskaya-vesna> (data obrashcheniya: 06.03.2024)
 6. Ismagilova R. N. Efiopiya i Eritreya – dolgii put' k miru // IMEMO RAN, 09.07.2018. URL: <https://www.imemo.ru/special-rubrics/africa/text/efiopiya-i-eritreya-dolgiy-puty-k-miru> (data obrashcheniya: 06.03.2024)
 7. Mezentssev S.V., Tsarev P.G. Nil'skii torg // Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN, № 3 (52), 2020, S. 112-128. DOI: 10.31132/2412-5717-2020-52-3-112-132
 8. Loshkarev I.D., Kopyttsev I.S. Transformatsiya politicheskoi elity Efiopii i vooruzhennyy konflikt v Tigrae: ot vytesneniya predshestvennikov k deeskalatsii? // Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN, № 4(57), 2021. S. 87-101. DOI: 10.31132/2412-5717-2021-57-4-87-101
 9. Gorokhov S. A., Agafoshin M. M., Dmitriev R. V. Migratsionnyi krizis v regione Vostochnoi Afriki // VOSTOK (ORIENS) 2023 № 1, S. 50-62. DOI: 10.31857/S086919080023788-3
 10. Ivanov V.G., Kassae Nygusie V.M. Problema vnutrenne peremeshchennykh lits v Efiopii v kontekste parlamentskikh vyborov 2020 goda // Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya. 2019. T. 21. № 4. S. 633-641. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-633-641
 11. Gardachew B.D., Kefale G.M., Kumie G.A. The pitfalls of ethnolinguistic-based federal Experiment in Ethiopia // RUDN Journal of Political Science. 2019. Vol. 21, № 4. P. 661-672. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-661-672
 12. Semahagn Abebe (2018.) The developmental state model in Ethiopia: a path to economic prosperity or political repression? Social Evolution & History, Vol. 17 No. 1. P. 123-139. DOI: 10.30884/seh/2018.01.07
 13. Antigegn G.K. An Assessment of Religion, Peace and Conflict in the Post 1991 of Ethiopia1 // Vestnik RUDN. International Relations. 2019 Vol. 19 No. 4. P. 607-614. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-607-614
 14. Bayeh E. Developmental state of Ethiopia: Reflections on the Costs of Viewing economic growth as a governance criterion // RUDN Journal of Political Science. 2019. Vol. 21, № 4. P. 642-660. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-642-660
 15. Goncharov V. Krizis v Efiopii: plody «etnicheskogo federalizma» // Mezhdunarodnaya zhizn' // 20.09.2021. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/31764> (data obrashcheniya: 09.03.2024)
 16. Lie, J., & Mesfin, B. (2018). Ethiopia: A political economy analysis. Report commissioned by the Norwegian Ministry of Foreign Affairs. Norwegian Institute of International Affairs. Norway: Oslo, p. 44.
 17. Blanchard, L. P. (2020). The Unfolding Conflict in Ethiopia. Congressional Research Service. <https://crsreports.congress.gov> (accessed March 10, 2024)
 18. Opalo, K. O., & Smith, L. (2021). Ideology and succession politics in Ethiopia: Autocratic leadership turnover and political instability. Democratization, 0(0), 1-20. DOI: 10.1080/13510347.2021.1929178
 19. Jima, A. O. (2023). Ethiopian political crisis after reform: Causes of Tigray conflict. Cogent Social Sciences, Volume 9. – Issue 1. DOI: 10.1080/23311886.2023.2209991
 20. Jima, A. O., & Meissner, R. (2021). Vicious circle of Ethiopian politics: Prospects and challenges of current political reform. Cogent Social Sciences, 7(1). DOI: 10.1080/23311886.2021.1893908
 21. Tronvoll, K. (2021). Ethiopia's Tigray War is Fueling Amhara Expansionism. Foreign

- Policy. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/04/28/ethiopia-tigray-war-amhara-abiy-ahmed-expansionism/> (accessed March 09, 2024)
22. Woldemariam, M. (2018). «No war, no peace» in a region in flux: Crisis, escalation, and possibility in the Eritrea-Ethiopia rivalry. *Journal of Eastern African Studies*, 12(3), 407-427. DOI: 10.1080/17531055.2018.1483865
 23. Gedamu Y. (2023) Ethiopia's Amhara crisis: Abiy's political failures threaten a return to war. *The Conversation*. URL: <https://theconversation.com/ethiopias-amhara-crisis-abiy-political-failures-threaten-a-return-to-war-211754> (accessed March 09, 2024)
 24. Østebø T. (2023). Religious Dynamics and Conflicts in Contemporary Ethiopia: Expansion, Protection, and Reclaiming Space, *African Studies Review*, Volume 66, Issue 3, pp. 721-744. DOI: 10.1017/asr.2023.11
 25. Østebø T. (2023) Ethiopia: religious tension is getting worse – 5 factors driving groups apart. *The Conversation*. URL: <https://theconversation.com/ethiopia-religious-tension-is-getting-worse-5-factors-driving-groups-apart-214278> (accessed March 09, 2024)
 26. Østebø T. (2020). *Islam, Ethnicity, and Conflict in Ethiopia: The Bale Insurgency (1963–1970)*. Cambridge: Cambridge University Press, p. 363.
 27. Østebø T., Haustein J., Gedif F., Kadir M. J., Kedir J., Tesfaye Y. A. (2021). Religion, ethnicity, and charges of extremism: the dynamics of inter-communal violence in Ethiopia. *European Institute of Peace*. URL: <https://www.eip.org/wp-content/uploads/2021/03/Ostebo-et-al-2021-Religion-ethnicity-and-charges-of-Extremism-in-Ethiopia-final.pdf#page=14> (accessed March 09, 2024)
 28. Tariku Y. (2022). The Red Book: The Political Foundation of the Ethiopian National Defence Forces under the EPRDF, *Ethiopian Journal of the Social Sciences and Humanities (EJOSSAH)*: V. 18, No. 2, p. 31-58.
 29. Abbink J. Religion and Violence in the Horn of Africa: Trajectories of Mimetic Rivalry and Escalation between 'Political Islam' and the State. *Politics, Religion & Ideology* Volume 21, 2020 - Issue 2, p. 194-215. DOI: 10.1080/21567689.2020.1754206
 30. Kong L., Woods O. (2016). *Religion and Space: Competition, Conflict and Violence in the Contemporary World*. – Bloomsbury Publishing.
 31. Constitution of the Federal Democratic Republic of Ethiopia (1995). Constitution of the Federal Democratic Republic of Ethiopia. pp. 1–33. URL: <https://www.refworld.org/docid/3ae6b5a84.html> (accessed March 09, 2024)
 32. Turning the Pretoria Deal into Lasting Peace in Ethiopia, International Crisis Group, 23 November 2022. URL: <https://www.crisisgroup.org/africa/horn-africa/ethiopia/turning-pretoria-deal-lasting-peace-ethiopia> (accessed March 09, 2024)
 33. Agentstvo OON po delam bezhentsev: Pozitsiya UVKB OON odnositel'no vozvrashcheniya bezhentsev v Efiopiyu, mart 2022. URL: <https://www.refworld.org/ru/policy/position/unhcr/2022/ru/124066> (data obrashcheniya: 09.03.2024)
 34. The Guardian: Ethiopian army chief killed by bodyguard and regional leader dead in coup attempt, 23 Jun 2019. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/jun/23/ethiopia-coup-attempt-leaves-army-chief-shot-says->
pm#:~:text=In%20a%20separate%20attack%20on,statement%20said%2C%20withou
t%20giving%20details. (accessed March 09, 2024)
 35. ADDIS STANDARD: News: PM Abiy Ahmed urges armed groups to lay down weapons, pursue peaceful struggle amid surging impact of conflicts, November 14, 2023. URL:

<https://addisstandard.com/news-pm-abiy-ahmed-urges-armed-groups-to-lay-down-weapons-pursue-peaceful-struggle-amid-surg-ing-impact-of-conflicts/> (accessed March 09, 2024)

36. ADDIS STANDARD: News: Senior gov't officials join military leaders in Dar es Salaam as ongoing talks with OLA progress positively, November 13, 2023. URL: <https://addisstandard.com/news-senior-govt-officials-join-military-leaders-in-dar-es-salaam-as-ongoing-talks-with-ola-progress-positively/> (accessed March 09, 2024)
37. APANEWS: Tight security, low turnout at Ethiopia's Meskel festival, 29 September 2023. URL: <https://apanews.net/this-years-ethiopian-meskel-festival-sees-low-turnout-tight-security/#:~:text=The%20laity%20is%20restricted%20from,Shirts%20was%20not%20allowed%20too> (accessed March 09, 2024)
38. ADDIS STANDARD: News: Reconciliation committee established to resolve border disputes between Somali, Afar regions, March 10, 2023. URL: <https://addisstandard.com/news-reconciliation-committee-established-to-resolve-border-disputes-between-somali-afar-regions/> (accessed March 10, 2024).
39. Inter-religious council Ethiopia talks strategy for mediation, 28 Jun 2023, URL: <https://www.clingendael.org/news/inter-religious-council-ethiopia-talks-strategy-mediation> (accessed March 09, 2024)

The Kurdish factor in Saudi Arabia's Middle Eastern policy: an analysis in the context of relations with Iraq and Iran

Aver'yanova-Zaitseva Diana Aleksandrovna

Postgraduate student of the Department of History and Politics of Russia, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

603022, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Gagarin Avenue, 23

✉ averyanov_007@bk.ru

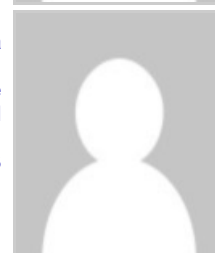

Baravi Melina Vladimirovna

Postgraduate student of the Department of History and Politics of Russia, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

603022, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Gagarin Avenue, 23

✉ melinabaravi@gmail.com

Ryzhov Igor Valerevich

Doctor of History

Doctor of History Professor, Head of the Department of History and Politics of Russia of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Senior researcher at the international interdisciplinary research laboratory "Study of World and Regional socio-political processes" of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov

23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603022, Russia

✉ ivr@fmo.unn.ru

Abstract. The subject of the study is the complex relationship between Saudi Arabia's Middle East policy and the Kurdish question. It includes an examination of Saudi Arabia's attitudes, strategies and actions towards Kurdish groups in the region, as well as the factors influencing its approach to this issue. The object of the study, is Saudi Arabia's Middle East policy, that

is, it is an analysis of Saudi Arabia's foreign policy objectives, priorities and interests in the Middle East region, with a particular focus on how the Kurdish factor influences or intersects with this policy. This includes an examination of Saudi Arabia's diplomatic relations, security concerns and strategic calculations towards Iraq and Iran, as well as its broader regional ambitions. By analyzing the Kurdish factor, the authors offer an interdisciplinary understanding that bridges the fields of political science, international relations, Middle East studies and Kurdish studies. This interdisciplinary approach allows for a fuller understanding of the complexities surrounding the Kurdish question and its implications for regional dynamics. The article presents a historical analysis of Saudi Arabia's engagement with Kurdish groups in the region, shedding light on past policies, alliances and conflicts. By contextualizing current events within a historical framework, the article offers valuable insights into the evolution of Saudi Arabia's approach to the Kurdish factor. Moreover, the article is able to assess the political implications of Saudi Arabia's approach to the Kurdish factor on regional stability, security and diplomatic relations. By assessing the potential consequences of various policy decisions, the article provides valuable insights into effective strategies for managing the Kurdish issue within the broader framework of Middle East politics.

Keywords: China, USA, regional politics, Middle East, Kurdish issue, Iraq, Iran, Saudi Arabia, Russia, Ethnic Kurdistan

References (transliterated)

1. Abbas Zadeh, Yoosef, & Kirmanj, Sherko. (2017). The para-diplomacy of the Kurdistan Region in Iraq and the Kurdish statehood enterprise. *The Middle East Journal*, 71(4), 587–606. doi: 10.3751/71.4.14
2. Ahmed, Mohammed (2012). *Iraqi Kurds and nation-building*. New York: Palgrave Macmillan.
3. Ali, Othman. (2017). Iran and Barzani: Worsening relations and the risk of an inevitable clash? *Orsam Review of Regional Affairs*, 58, 1–14.
4. Al Jazeera. (2020). Iraq, Saudi Arabia reopen Arar border crossing after 30 years. Retrieved from <https://www.aljazeera.com/news/2020/11/18/iraq-saudi-reopen-arar-border-crossing-after-30-years>
5. Al-Rasheed, Madawi. (2006). Saudi Arabia and the challenge of the American invasion of Iraq, 153–161. Fawn Rick, & Hinnebusch Raymond (Eds.). *The Iraq War: Causes and consequences*. Boulder, Colo.: Lynne Rienner Publishers.
6. Al-Rasheed, Madawi. (2015). *Saudi Arabia's foreign policy: Loss without gain?* London, UK: London School of Economics and Political Science, Middle East Centre.
7. Al-Rasheed, Abdulrahman. (2017). Kurdish independence... fears and premonitions. Asharq Al-Awsat. Retrieved from <https://eng-archive.aawsat.com/abdul-rahman-al-rashed/opinion/kurdish-independence-fears-premonitions>
8. Aras, Bülent, & Falk, Richard. (2016). Five years after the Arab Spring: A critical evaluation. *Third World Quarterly, Taylor & Francis Journals*, 37(12), 2252–2258. doi: 10.1080/01436597.2016.1224087
9. Aslı Kelkitli, Fatma. (2016). Saudi-Iranian entanglements in the Persian Gulf: Is rapprochement possible? *The Turkish Yearbook of International Relations*, 47, 23–44. doi: 10.1501/Intrel_0000000306
10. Ataman, Muhittin. (2003). The impact of non-state actors on world politics: A challenge to nation-states. *Alternatives Turkish Journal of International Relations*, 2(1), 42–66.

11. Aydınli, Ersel. (2015). Assessing violent non-state actorness in global politics: A framework for analysis. *Cambridge Review of International Affairs*, 28 (3), 424–444. doi: 10.1080/09557571.2013.819316
12. BBC. (2003). Saudis warn US over Iraq War. Retrieved from http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/2773759.stm
13. Baumann Rainer, & Stengel Frank. (2013). Foreign policy analysis, globalisation and non-state actors: State centric after all? *Journal of International Relations and Development*, 17(4), 489–521. doi:10.1057/jird.2013.12
14. Bongers, Rob. (2012). Iran's foreign policy towards post-invasion Iraq. *Journal of Politics & International Studies*, 8, 124–160.
15. Buzan, Barry, & Waever, Ole. (2003). *Regions and powers: The structure of international security*. New York: Cambridge University Press.
16. Charountaki, Marianna. (2018). State and non-state interactions in International Relations: An alternative theoretical outlook. *British Journal of Middle Eastern Studies*, 45(4), 528–542. doi: 10.1080/13530194.2018.1430530
17. Daily Sabah. (2015). Former Saudi consultant reveals a plan to establish "Great Kurdistan". Retrieved from <https://www.dailysabah.com/mideast/2015/06/16/former-saudi-consultant-reveals-a-plan-to-establish-great-kurdistan>
18. Dehghanpisheh, Babak. (2016). To Iranian eyes, Kurdish unrest spells Saudi incitement. Reuters. Retrieved from <https://uk.news.yahoo.com/iranian-eyes-kurdish-unrest-spells-saudi-incitement-114743642.html>
19. GOV.KRD. (2021). PM Masrour Barzani meets with Saudi Arabian Ambassador to Iraq. Retrieved from <https://gov.krd/english/government/the-prime-minister/activities/posts/2021/september/pm-masrour-barzani-meets-with-saudi-arabian-ambassador-to-iraq/>
20. Hermann, Frederick Eilts (2004). Saudi Arabia's foreign policy, 219-244. In Brown Leon Carl (Ed.), *Diplomacy in the Middle East: International relations of regional and outside powers*. London; New York: I.B. Tauris.
21. Eisenstadt, Michael, Knights, Michael, & Ali, Ahmed. (2011). *Iran's influence in Iraq: Countering Tehran's whole-of-government approach*. Policy Focus №111. Washington: Washington Institute for Near East Policy.
22. Hawramy, Fazel. (2018). Will Riyadh-Tehran rivalry kill Iraqi Kurdistan's investment drive? Al-Monitor. Retrieved from <https://www.al-monitor.com/originals/2018/08/iraq-kurdistan-saudi-investment-iran.html>
23. Gulmohamad, Zana. (2021). *The making of foreign policy in Iraq: Political factions and the ruling elite*. London; New York: I.B. Tauris.
24. Hearst, David. (2017). How Saudi tried to use the Kurds to clip Iran's wings. Middle East Eye. Retrieved from <https://www.middleeasteye.net/opinion/how-saudi-tried-use-kurds-clip-irans-wings>
25. Homa, Ava. (2017). Saudis storm social media in support of Kurdistan Independence. Kurdistan 24. Retrieved from <https://www.kurdistan24.net/en/news/b341be09-9be6-4707-bdfb-dc4d7fd68ed4>
26. Mansour, Renad. (2018). Saudi Arabia's new approach in Iraq. Center for Strategic and International Studies. Retrieved from <https://www.csis.org/analysis/saudi-arabias-new-approach-iraq>
27. Özdemir, Volkan, & Raszewski, Slawomir. (2016). State and sub-state oil trade: The Turkey-Kurdistan regional government deal. *Middle East Policy*, 23(1), 125–135. doi: 10.1111/mepo.12178

28. Riamei, Lungthuiyang. (2015). *The Kurdish question: Identity, representation, and the struggle for self-determination*. New Delhi: KW Publishers Pvt Ltd.
29. Romano, David. (2020). Sub-state actors and foreign policy risk-taking: The Kurdistan Regional Government of Iraq. *Kurdish Studies*, 8(2), 339–369. doi: 10.33182/ks.v8i2.533
30. Rudaw. (2016). Saudi Arabia opens Erbil consulate. Retrieved from <https://www.rudaw.net/english/kurdistan/230220168>
31. Rudaw. (2018). Saudi Arabia eyes Kurdistan as starting point for investing in Iraq. Retrieved from <https://www.rudaw.net/english/business/240720181>
32. Stansfield, Gareth. (2014). *Kurdistan rising: To acknowledge or ignore the unravelling of Iraq*. Brookings Institution. Middle East Memo, 33.
33. The New York Times. (2007). Saudi King is said to be angered by Maliki. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2007/04/29/world/americas/29iht-royal.4.5493662.html>
34. Zeidel, Ronen. (2018). Iraqi-Saudi relations 2017–2018: Expectations and limits. *Middle East Policy*, 2(4), 49–56. doi: 10.1111/mepo.12376
35. Zeino-Mahmalat, Ellinor. (2012). Saudi Arabia's and Iran's Iraq policies in the post-Gulf war era: Re-thinking foreign policy analysis in the Gulf at the intersection of power, interests, and ideas. Universität Hamburg. Retrieved from <https://ediss.sub.uni-hamburg.de/handle/ediss/4606>

The evolution and impact of Boko Haram in the Lake Chad Basin in a Multipolar world.

Awah Jeremaih Acuro

Postgraduate student, Department of Theory and History of International Relations, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 15, sq. 14

✉ acuro96@gmail.com

Xue Furong

Postgraduate student, Department of Theory and History of International Relations, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 21, sq. 3

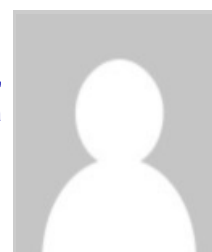
✉ xuefurong111@gmail.com

Ngoye Sophie tatiana

Postgraduate student, Department of Theory and History of International Relations, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 15, sq. 1

✉ sophie.ngoye.sn@gmail.com

Achonwa Ethel Chinwe

Postgraduate student, Department of Theory and History of International Relations, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 3, sq. 22

✉ ethelchinwe@mail.ru

Abstract. The Boko Haram insurgency is a security threat to the countries of the Lake Chad Basin Region made up of Nigeria, Cameroon, Chad and Niger. This article portrays an analysis on the origin and regionalization of Boko Haram. More importantly, this study also attempts to highlight the pivotal role that cooperation with friendly external partners (such as Russia, and China) can play in the fight against terrorist groups such as Boko Haram in Africa. Our analysis argues that, Boko Haram's terrorism in the Lake Chad region is driven by the combination of overlapping and self-complementing factors like political and economic interests, rather than religion, with implications for security and counterterrorism efforts. In the end, recommendations were suggested on how to overcome this terrorist organisation. This article utilizes a combination of social conflict theory and terrorism studies to analyze the origins and impact of Boko Haram. Social conflict theory helps to explain how economic inequality and political instability can contribute to the rise of extremist groups like Boko Haram. Terrorism studies provide insight into the tactics and strategies used by Boko Haram to achieve their goals. This article employs a multidisciplinary approach, drawing on a range of primary and secondary sources, including academic literature, government reports, and media sources. The methodology includes qualitative analysis of historical and contemporary data to provide insights into the origins and evolution of the Boko Haram activities, as well as the impact it has had on the affected communities and the countries of the Lake Chad Basin Region. This analysis gave the opportunity to suggest recommendations on how to overcome the Boko Haram and terrorism in Africa in general.

Keywords: Government response, Islamization, trans-border incursions, military assistance, global theoretical framework, Terrorism, regional security, Lake Chad Basin, Boko Haram, Border conflicts

References (transliterated)

1. Nimely, A.N. Masters Thesis. Boko Haram Insurgency in Nigeria and its Implication on the West African Region, 2023.
2. Ayode, J.A. On the Origin of Boko Haram. African Studies Quarterly, 2016.
3. Umar, N. Boko Haram Insurgency: Causes and Solutions // Journal of Sustainable Development in Africa, 2019.
4. Iyekekpolo, W. O. Political elites and the rise of the Boko Haram insurgency in Nigeria. Terrorism and Political Violence, 2020, 32(4), 749-767.
5. Loimeier, R. Boko Haram: The development of a militant religious movement in Nigeria. Africa Spectrum, 2012, 47(2-3), 137-155.
6. Iyekekpolo, W. O. Boko Haram: Understanding the Context. Third World Quarterly, 2016, 37(12), 2211-2228.
7. Denisova T.S., Kostelyanets S.V. The Split in Boko Haram and Its Impact for the Lake Chad Basin Region. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, 2021, vol. 14, no 2, pp. 214-230 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-12.
8. Agbiboa, D. E. The social dynamics of Nigerian's Boko Haram insurgency: A social identity theory approach. Cegla Working Paper. 2013, (110), 1-28.
9. Okoroafor C.U., Ukpabi M.C. Boko haram insurgency and national security in Nigeria. International Journal of Development and Management Review. 2015, 4(3), 124-131.
10. KOUMA, J.G. Cameroon fighting Boko Haram // Vestnik RUDN. International Relations. 2017. Vol. 17. N. 4.-P. 727-737. doi: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-727-737
11. MacEachern, Scott: Searching for Boko Haram: A History of Violence in Central Africa.

New York: Oxford University Press, 2018.

12. Denisova T., Kostelyanets S. Cameroon: the radicalization of Islam and the expansion of Boko Haram. *Asia and Africa Today* 2021, pp. 40-48 DOI: 10.31857/S032150750016590-1
13. Counterterrorism year book. Australian Strategic Policy Institute. 2017.
14. Olawale, I.A. Rethinking the Functionality of the Multinational Joint Task Force in Managing the Boko Haram Crisis in the Lake Chad Basin. *African Development* 42(3). Special issue on security Regimes in Africa-Prospects and Challenges.pp 119-135. CODESRIA, 2017.
15. Kindzeka, M.E. 'Lake Chad Countries Agree on Military Task Force amid Insecurity', *Voice of America News*, 2014.
16. MNJTF Blog. Origin and History of MNJTF, 2018.
17. Adu, Yao Nikez et al. International Law and Use of Force by States Outside of National Borders while Countering Terrorism: The Case of the Emerging Islamic State (ISIL). *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, [S.l.], v. 8, n. 5, p. 1416-1420, feb. 2018. ISSN 2068-696X.
18. Center for strategic & international studies (CSIS)// Russia is still progressing in Africa. What's the limit? Russia Is Still Progressing in Africa. What's the Limit? (csis.org), 2023.
19. Adam R. G., Samuel Charap, Joe Cheravitch, Russel Hanson, Dara Massicot, Christopher A. Mouton, Jordan R. Reimer. Russia's growing presence in Africa: A geostrategic Assessment. RAND, 2022.
20. Sunday Omotuyi. Russo-Nigerian relation in the context of counterinsurgency operation in Nigeria, *Jadavpur journal of international relations*, 2019. 23(1) 48-68.
21. Taiwo Ojoye, Fidelis Soriwei. Troops kill Boko Haram commander, 18 others in Borno- *Punch Newspapers (punchng.com)*, 2016.
22. Alade, Charles. 'Russian and Chechnya: An Essay in Conflict and War', *Nigerian Journal of International Affairs*, 2009. Vol. 35. No. 1, pp. 141-162.
23. Song, W. Promoting autonomous development: China's governance assistance to Africa under the global civilization initiative. *International Affairs Research*, (3), [Issue No. 215]. Published May 15, 2023.
24. PM NEWS. Act of insurgency is unislamic, says Sultan, "Act of insurgency is unislamic, says Sultan – P.M. News". Retrieved 27 October 2021.
25. BBC News, Who are Nigeria's Boko Haram Islamist group?
26. Daily Maverick. "Advanced into Africa-an audit of Russia's growing economic and military footprint on the continent". 2019.
27. Fahaum Network for social justice. "How Russian arms are helping Nigeria fight Boko haram". 2020.
28. Elwatan News. "Russia provides Niger MI35 helicopters to counter Boko haram". 2019.
29. Russia Today. "Russia and Niger sign a contract to supply them with MI-35 helicopters". 2019.
30. Adamowski, J. "Russia to arm Cameroon against boko haram", *Defense News*, 2024.
31. Karozza, I. Making China increasingly involved in the legitimization of African security: Changes in the continuity of official discourse. *The China Quarterly*. 2021. 248(1), 1174-1199.
32. Xinhua News Agency. Chinese envoy calls on international community to help Africa counter terrorism in a comprehensive and integrated manner, 2020.

33. Xinhua Net. Chinese representative calls on international community to help African countries eradicate the threat of terrorism, 2023.
34. World Food Programme. Life-saving Chinese contribution to WFP's efforts in Niger to support victims of the Boko Haram crisis. 2017.
35. Kovrig, M. China expands its peace and security footprint in Africa. Crisis Group, 2017.
36. China Africa Research Initiative. Data: Chinese loans to Africa, 2019.
37. Xinhua News Agency. China fully implements the commitments of the United Nations Peacekeeping Summit, 2020.
38. Janes news. Nigeria receives Wing Loong II UAVs from China, 2020.
39. Bone, R. M. China and Cameroon's evolving political and military cooperation. The Diplomat, 2020.
40. Denisova T.S., Kostelyanets S.V. The Split in Boko Haram and Its Impact for the Lake Chad Basin Region. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, 2021. Vol. 14, No 2, pp. 214-230 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-1

The Narrative of Oriental Despotism in French Foreign Policy in the first half of the 19th century: connections and analogies with Modernity

Ilyichev Anton Vladimirovich

Junior researcher, Museum of the Heroic Defense and Liberation of Sevastopol

299020, Russia, Sevastopol, General Ostryakov Ave., 250-V, sq. 11

✉ ilichev-toni@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is a comparative analysis of the French narrative of "Oriental despotism" in the first half of the 19th century with the modern political agenda of France in relation to Russia and the Special Military Operation (SVO). The subject of the study is the ideological justification and media coverage of French international campaigns in the first half of the 19th century and today. The object of the study is the narrative of "Oriental despotism" in the ideology of the political elites of France. The relevance of the research topic is justified by the wide spread of historical anti-Russian narratives in the politics of Western powers. The article examines the plot of "oriental despotism" as a justification for the population of the expansionist policy of France in the first half of the XIX century. A study is being conducted on the formation of the narrative of "Oriental despotism" in the political culture of the West and France in particular. The main elements of the narrative are determined, consisting in the dehumanization of the enemy, by constructing the image of his state and population as a barbaric uncivilized world, which needs to bring the benefits of civilization and the Christian faith. The research methodology is based on systemic, geopolitical and civilizational approaches. Both general scientific research methods (analysis, synthesis, comparison) were used in the work so it is specialized. The specialized ones include qualitative content analysis, historical and comparative method. According to the results of the study, it was revealed that the narrative of "Eastern despotism" is a process of creating a dehumanistic image of an enemy or a political regime based on the antagonistic opposition of civilization and barbarism. Given the status of the French state as one of the main protectors of the Catholic faith, which has persisted throughout its centuries-old history, the narrative was supported by a religious component. The general formula of the ideological justification of

the French imperialist expansion was the positioning of the initiation of hostilities by the need to protect the Christian faith and the local population from the despotic regime. In the case of the invasion of Algeria and the Crimean War of 1853-1856, French propaganda used the image of a "crusade", thereby giving the military operation the status of the highest "civilizing mission". At the present stage, France is actively using the narrative of "Oriental despotism" against Russia, which is manifested in a whole range of publications seeking to create in the eyes of the French public a picture of the Russian state as a "despotic, Asian monarchy" with pronounced expansionist aspirations.

Keywords: Second empire, Eastern question, russian-french rivalry, Ideology, Special military operation, Eastern despotism, War in Algeria, French foreign policy, France, Political narrative

References (transliterated)

1. Boesche R. Fearing monarchs and merchants: Montesquieu's two theories of despotism // The Western Political Quarterly. Vol. 43, №4, 1990. P. 741-761.
2. Aristotel'. Politika // Aristotel'. Sochineniya: V 4 t. M.: «Mysl'». T. 4, 1983. S. 376-644.
3. Venturi F. Oriental Despotism // Journal of the History of Ideas. Vol. 24, 1963. P. 133-142.
4. Kaiser T. The Evil Empire? The Debate on Turkish Despotism in Eighteenth-Century French Political Culture // The Journal of Modern History 72, 2000. P. 69-81.
5. Conklin A.L. A Mission to Civilize: The Republican Idea of Empire in France and West Africa, 1895-1930. Stanford University Press, 1997. 384 p.
6. Sessions J. France and Conquest of Algeria. London: Cornell University Press, 2011. 325 p.
7. Thomson A. Barbary and enlightenment. European Attitudes towards the Maghreb in the 18th Century. Leiden: Brill, 1987. 180 p.
8. Volne C.F. Oeuvres completes de Volney. Paris, 1864. 778 p.
9. Jacques Philippe Laugier de Tassy. Histoire des états barbaresques qui exercent la piraterie [Elektronnyi resurs]. URL: https://books.google.com/books?id=TIxY38uPrcC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false
10. Moniteur universel, 20 avril 1830. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.retronews.fr/journal/gazette-nationale-ou-le-moniteur-universel/20-avril-1830/149/1287761/2>
11. Le Chevalier Chatelain Mémoire sur les moyens à employer pour punir Alger, et détruire la piraterie des puissances barbaresques. Paris, 1828 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k425347m/f5.item.texteImage>
12. Jean-Charles-Léonard Simonde de Sismondi, De l'expédition contre Alger, extr. de La Revue Encyclopédique, mai 1830. Paris, 1830. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k54486315/f8.item.texteImage>
13. Nettement A. Histoire de la conquête d'Alger : écrite sur des documents inédits et authentiques (Nouvelle édition revue et corrigée). Paris, 1867. 628 p.
14. Yon J.-C. Le Second Empire. Politique, société, culture. Paris: Armand Coun, 2004. E-book.
15. Hazel C. B. Official Propaganda and the French Press during the Franco-Prussian War // The Journal of Modern History. Vol. 4. №2, 1932. P. 214-230.
16. Spandonis S. La presse du Second Empire vue à travers le Journal des Goncourt, ou le

- Journal comme «document humain» // Cahiers Edmond et Jules de Goncourt. Vol. 9, 2002. P. 125-151.
17. Miquel de la Rosa French Liberalism and Imperialism in the Age of Napoleon III Empire at Home, Colonies Abroad. Cambridge Imperial and Post-Colonial Studies, 2022. 230 p.
 18. Nicault S. The End of the French Religious Protectorate in Jerusalem (1918-1924) [Elektronnyi resurs]. URL: <https://journals.openedition.org/bcrfj/3502>
 19. Khalid EL-AWAISI, Emine YİĞİT Early foreign penetration in the Holy Land during the late ottoman period: the role of Britain // Journal of Islamicjerusalem Studies, 2020, 20(1). P. 1-18.
 20. Airapetov O. Krymskaya voyna. Populyarnyi ocherk. M.: REGNUM, 2017. 208 s.
 21. Babina A. Napoleon III. Triumf i tragediya. M.: Eterna, 2021. 896 s.
 22. Dré villon H. Wiewiorka O. Histoire militaire de la France. Des Mérovingiens au Second Empire. Perrin: Ministère des Armées. 2018. E-book.
 23. Vennes T. Violence, maintien de l'ordre et culture organisationnelle de l'armée coloniale française en Afrique (1830-1914) approche conceptuelle et théorique. 28 p.
 24. Eugène Boré Question des lieux saints. Paris, 1850. 88 p.
 25. Marilin R. L'Opinion franc-comtoise devant la guerre de Crimée, Annales Littéraires de l'Université de Besançon.Vol. 17, 1957. 68 p.
 26. Garrigues J. Lacombrade P. La France au XIX siècle. Armand Colin, 2015. E-book.
 27. Moniteur universel, 3 mars 1854. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.retronews.fr/journal/gazette-nationale-ou-le-moniteur-universel/03-mars-1854/149/2618081/1>
 28. Plessis A. The Rise and Fall of the Second Empire, 1852-1871. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 212 p.
 29. Anceu E. Napoléon III. Paris: Tallandier, 2014. E-book.
 30. Frith N. The French Colonial Imagination. Writing the Indian Uprisings, 1857-1858, from Second Empire to Third Republic. Lexington Books, 2014. 228 p.
 31. Fillipova E.I., Fillipov V.R. Raspad frantsuzskoi kolonial'noi imperi v politike pamyati Pyatoi respubliki // Izvestiya AltGu. Istoricheskie nauki i arkheologiya. №6 (116). 2020. C. 77-80.
 32. Comment Vladimir Poutine orchestre le nouveau despotisme russe [Elektronnyi resurs], Rezhim dostupa: https://www.lefigaro.fr/debats/2007/04/26/01005-20070426ARTFIG90034-comment_vladimir_poutine_orchestre_le_nouveau_despotisme_russe.php
 33. Moïsi D. La Russie et la tentation du «despotisme oriental» [Elektronnyi resurs].URL: <https://www.lesechos.fr/2013/04/la-russie-et-la-tentation-du-despotisme-oriental-320709>
 34. Baverez N. Parier sur la Russie au-delà du despotisme [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.lepoint.fr/editos-du-point/nicolas-baverez/parier-sur-la-russie-au-dela-du-despotisme-16-01-2014-1780758_73.php#11
 35. Kollektiv avtorov. Sovremennaya Frantsiya: mezhdru trevogami i nadezhdami. M.: IMEMO RAN, 2022. 256 s.
 36. Sirois A. Le délire d'un despote [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.lapresse.ca/debats/editoriaux/2022-02-24/le-delire-d-un-despote.php#>
 37. Tenaillon N. Poutine est-il un dictateur, un despote ou un tyran? [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.philomag.com/articles/poutine-est-il-un-dictateur-un-despote-ou-un-tyran>

38. Comment Poutine a détruit la Russie : les infortunes du despotisme éclairé [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.sauvonsleurope.eu/poutine-a-detruit-la-russie/>
39. La barbarie, socle de la guerre russe [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/la-barbarie-socle-de-la-guerre-russe-20220414>
40. La Syrie, le laboratoire de la barbarie guerrière de Vladimir Poutine [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/la-syrie-le-laboratoire-de-la-barbarie-guerriere-de-vladimir-poutine-20220304>
41. Marin S. Les crimes de guerre en Ukraine, des tranchées à la cour [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ledevoir.com/monde/europe/782644/un-an-de-guerre-en-ukraine-crimes-de-guerre-en-ukraine-des-tranchees-a-la-salle-de-cour>
42. Sillah F. Guerre en Ukraine: six mois de conflit émaillés de crimes de guerre [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2022/08/24/ukraine-plus-de-29-000-crimes-de-guerre-presumes-signales-depuis-le-debut-de-l-invasion-russe_6138830_3210.html
43. Genté R. Guerre en Ukraine: les crimes de guerre russes dans le viseur de la justice [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/guerre-en-ukraine-les-crimes-de-guerre-russes-dans-le-viseur-de-la-justice-20221005>
44. Guerre en Ukraine : nombreux crimes de guerre, possibles crimes contre l'humanité... Les enquêteurs de l'ONU sortent leur premier rapport [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.rtf.be/article/guerre-en-ukraine-nombreux-crimes-de-guerre-possibles-crimes-contre-l-humanite-les-enqueteurs-de-l-onu-sortent-leur-premier-rapport-11168627>
45. Guerre en Ukraine : tribunal spécial contre les crimes de guerre, réparations... ce que dit l'UE [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.vie-publique.fr/en-bref/287462-ukraine-un-tribunal-special-pour-juger-les-crimes-de-guerre-russe>
46. Kak ustroena krupneishaya fabrika feikov Ukrainy. Rasskaz iznutri [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ura.news/articles/1036284660?ysclid=lw8ugxc8p4299069382>
47. Fabrika ukrainskikh feikov eshche dyshit. Propagandisty pytayutsya ochernit' Rossiyu, no ikh bystro razoblachayut [Elektronnyi resurs]. URL: <https://360.ru/tekst/obschestvo/fabrika-ukrainskih-fejkov/>
48. «Rossiyan fakticheski raschelovechivayut»: chem opasny feiki o spetsoperatsii na Ukraine i kak ikh raspoznat' [Elektronnyi resurs]. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/969758-feiki-specoperaciya-ukraina>
49. «Zagazhivayut bukval'no vse»: kak rabotayut ukrainskie fabriki feikov [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ntv-ru.turbopages.org/ntv.ru/s/novosti/2700774/>
50. Ukraina – fabrika lozhnykh novostei [Elektronnyi resurs]. URL: <https://inosmi.ru/20220501/ukraina-253985590.html>
51. Protocol on Prohibitions or Restrictions on the Use of Mines, Booby-Traps and Other Devices as amended on 3 May 1996 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://inosmi.ru/20220501/ukraina-253985590.html>
52. Guerre en Ukraine : qu'est-ce qu'un crime de guerre ? Qui peut être jugé, et qui peut juger ? [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2022/03/08/ukraine-qu-est-ce-qu-un-crime-de-guerre_6116654_3210.html
53. «L'horreur» et la «barbarie» de Boutcha en Une de la presse internationale [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.lemonde.fr/international/article/2022/03/08/ukraine-qu-est->

- ce-qu-un-crime-de-guerre_6116654_3210.html
54. Barbarie. Le bizutage, une pratique violente et institutionnalisée dans l'armée russe [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.liberation.fr/international/le-bizutage-une-pratique-violente-et-institutionnalisee-dans-larmee-russe-20220426_GYO4WCMCNRCTNFF3HIBJQLZLWY/
55. Pierre Richard, star en Russie, dénonce les « abominations » en Ukraine russe [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.lepoint.fr/people/pierre-richard-star-en-russie-denonce-les-abominations-en-ukraine-18-04-2022-2472500_2116.php
56. Boutcha, la stratégie du carnage [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.lepoint.fr/monde/boutcha-la-strategie-du-carnage-05-04-2022-2471024_24.php#11
57. Massacre de civils à Boutcha : « Les soldats russes voyaient bien qu'il y avait des enfants », témoigne un habitant [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.sudouest.fr/international/europe/ukraine/massacre-de-civils-a-boutcha-les-soldats-russes-voyaient-bien-qu-il-y-avait-des-enfants-temoigne-un-habitant-10452534.php>
58. French Military Equipment Delivered to Ukraine [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.defense.gouv.fr/en/news/french-military-equipment-delivered-ukraine>
59. Armes occidentales fournies à l'Ukraine: le territoire russe ne doit plus être «sanctuarisé», affirme Jean-Louis Bourlanges [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/armes-occidentales-fournies-a-l-ukraine-le-territoire-russe-ne-doit-plus-etre-sanctuarise-affirme-jean-louis-bourlanges-20240519>

Features of coping strategies and defense mechanisms for 1st and 4th year students with different levels of adaptability

Rostovtseva Marina Viktorovna

Doctor of Philosophy

Professor, Siberian Federal University

660030, Russia, Krasnoyarsk territory, Krasnoyarsk, Visky str., 18a

✉ marin-0880@mail.ru

Smirnaya Anastasiya Andreevna

PhD in Pedagogy

Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogy, MF. Reshetnev Siberian State University of Science and Technology

82 Mira str., Krasnoyarsk, 660049, Russia

✉ nastenasm@yandex.ru

Novopashina Larisa Aleksandrovna

PhD in Psychology

Associate Professor, Department of Human Resource Management, Siberian Federal University

79 Svobodny str., Krasnoyarsk, 660028, Russia

✉ nla@ippd.ru

Tkacheva Anna Vladimirovna

Senior Lecturer, Department of Modern Educational Technologies, Siberian Federal University

79 Svobodny str., Krasnoyarsk, 660062, Russia

✉ av.tkacheva@mail.ru

Vladikin Igor' Vil'yamovich

Postgraduate student, Department of Developmental Psychology and Counseling, Siberian Federal University

79 Svobodny str., Krasnoyarsk, 660062, Russia

✉ vladikin@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the coping strategies and protective mechanisms of 1st and 4th year students with different levels of adaptability.

Successful adaptation of a student is an important condition for successful educational and cognitive activity. Based on this, the problem of studying the adaptation process and determining the factors that affect the success of this process among students is relevant. Significant and important factors influencing the adaptation process of students are coping strategies and the protective mechanism of personality. Students of 1st (30 people) and 4th year (29 people) were examined. Significant differences were obtained in the groups of highly, medium and low-adaptive 1st and 4th year students in terms of psychological defense parameters and coping strategies. The study was conducted using the following methods: the methodology for diagnosing the socio-psychological adaptation of K. Rogers and R. Diamond, the Plutchik – Kellerman – Conte questionnaire "Lifestyle Index", the questionnaire "Methods of coping behavior" by R. Lazarus. The scientific novelty of the study is related to the results obtained in the diagnosis of coping strategies and defense mechanisms of the 1st and 4th year students with different levels of adaptability. 1st and 4th year students with a high level of adaptation have similar mechanisms of psychological protection, namely: rationalization, compensation, as well as similar types of coping strategies: problem solving planning, self-control, taking responsibility. 1st and 4th year students with a low level of adaptation have differences in the mechanisms of psychological protection, namely: 1st year students have such types of psychological protection as: regression; coping strategy – escape- avoidance; 4th year students have types of psychological protection – denial; coping strategy – search for social support.

Keywords: students, education, adaptability, defense mechanisms, coping strategies, personal characteristics, adaptation, Course of Study, confrontation, social support

References (transliterated)

1. Antsyferova L. I. Lichnost' v trudnykh zhiznennykh usloviyakh: pereosmyslivanie, preobrazovanie situatsii i psikhologicheskaya zashchita // Psikhologicheskii zhurnal. 1994. T. 15, № 1. S. 3–18.
2. Belan E. A. Psikhologiya sovladayushchego povedeniya. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 2004. 36 s.
3. Bogdanov R. V. Adaptatsiya studentov k uchebnomu protsessu kak rezul'tat vneuchebnoi raboty // Vestn. Krasnoyar. gos. un-ta. Ser. Gumanitarnye nauki. 2019. № 3/1. S. 106–107.

4. Grigor'eva M. V. Sub'ektnost' adaptiruyushcheisya lichnosti vuza // Lichnost' i bytie: sub'ektnyi podkhod: mat. nauch. konf., posv. 75-letiyu so dnya rozhdeniya chl.-korr. RAN A. V. Brushlinskogo, 15–16 oktyabrya 2008 g. / otv. red. A. L. Zhuravlev, V. V. Znakov, Z. I. Ryabikina. M.: Izd-vo IP RAN, 2020. S. 522–524.
5. Ershova N. G. Metodologicheskie aspekty psikhologo- pedagogicheskogo soprovozhdeniya uchebno-vospitatel'nogo protsessa v period adaptatsii studentov k vysshei shkole // Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury (nauch.-teor. zhurnal). 2020. № 5. S. 18–24.
6. Zhuravlev A. L. «Sotsial'no-psikhologicheskaya zrelost'»: obosnovanie ponyatiya // Psikhologicheskii zhurnal. 2017. T. 28, № 2. S. 44–54.
7. Zotova O. I. Nekotorye aspekty sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii / O. I. Zotova, I. K. Kryazheva // Psikhologicheskii mekhanizmy regulatsii sotsial'nogo povedeniya. M.: Nauka, 1979. S. 219–232.
8. Karpov, A. V. Issledovanie obshchei adaptatsionnoi sposobnosti / A. V. Karpov, A. Yu. Konovalov // Nauchnyi poisk: sb. nauch. rabot studentov, aspirantov i prepodavatelei / pod red. prof. A. V. Karpova. Yaroslavl': YarGU, 2019. – S. 126–130.
9. Kryukova, T. L. Psikhologiya sovladayushchego povedeniya: monografiya. Kostroma: Avantitil, 2004. 344 s.
10. Kryukova, T. L. Chelovek kak sub'ekt sovladayushchego povedeniya // Psikhologicheskii zhurnal. 2008. T. 29, № 2. S. 88–95.
11. Nalchadzhyan A.A. Sotsial'no – psikhicheskaya adaptatsiya lichnosti. Erevan: Izd-vo AN ArmSSR, 1988. S. 10.
12. Povarenkov Yu. P., Smirnov Yu.I. Psikhologicheskaya kharakteristika inertsionnosti i mekhanizmov uchebno-professional'noi adaptatsii studentov vuzov // Yaroslavskii psikhologicheskii vestnik. 2016. № 6. S. 10–15.
13. Runova S.A. Sotsial'no-professional'naya adaptatsiya studentov pervogo kursa k usloviyam pedagogicheskogo vuza: dis ... kand. ped. nauk / Bryansk: Izd-vo BGU, 2001. 184 s.
14. Rostovtseva M.V. Metodologicheskie podkhody k issledovaniyu sotsial'noi adaptatsii lichnosti: monografiya. Krasnoyarsk, 2021. 138 s.
15. Rostovtseva M.V., Shaidurova O.V., Goncharevich N.A., Kovalevich I.A., Kudashov V.I. Uroven' razvitiya adaptatsionnogo potentsiala studentov // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2018. T. 8. № 2. S. 43-61.
16. Smolina, T. L. Adaptatsiya k inokul'turnoi srede: analiz rodstvennykh ponyatii // Psikhologiya cheloveka: integrativnyi podkhod. Sbornik statei. SPb: izd-vo ANO «IPP». 2007. S. 162-167.
17. Hedges P.M. Antecedents and outcomes of international student adjustment: Dis. Doctor of philosophy. University of Western Australia, 2003.
18. Craver C. S. What accounts for students' loyalty? Some field study evidence // International Journal of Educational Management. 2017. Vol. 21, Issue 2. R. 35
19. Helm, S. The Role of Corporate Reputation in Determining Investor Satisfaction and Loyalty // Corporate Reputation Review. 2007. № 10. R. 56-70.
20. Karaosmanoglu, E. Corporate communications, identity and image: A research agenda // Journal of Brand Management. – 2006. – № 14. – P. 196–206.
21. Langer M. F. Modeling and Managing Student Loyalty // Journal of Service Research. 2001. Vol. 3, № 4. P. 331–344.
22. Lasarus R. S. Stress, Appraisal and Coping. N.-Y.: Springer, 1984. 456 p.

23. Lazarus, R. The concept of coping // A. Monat and R. S. Lazarus. Stress and Coping. N.-Y., 1991. P. 189–206.
24. Losoya, S. Developmental issues in the study of coping // International Journal of Behavioral Development. 2018. Vol. 22(2). P. 231–237.
25. Opoku R. Communicating brand personality: Are the web-sites doing the talking for the top South African Business Schools // Journal of Brand Management. 2019. № 14. P. 20–39.

Conflicts in the life of undergraduates: an empirical gender review

Cherkasova Tat'yana Vasil'evna

Doctor of Sociology

TVCherkasova@mail.ru

450071, Russia, Bashkortostan region, Ufa, Mendeleev str., 207, sq. 189

 Cherkasovaty@mail.ru

Abstract. The issues of harmonious or disharmonious life activities of young undergraduates, the future Russian technical intelligentsia, are of particular interest to the external and internal public, since the "mental struggle for intellectual youth" has become actualized. Conflict among educated youth is becoming one of the "markers" of socio-political sentiments. The object of the study is young people with the status of undergraduates. The subject is conflicts of undergraduates. The period of study in the master's degree, in our opinion, is a crucial stage for an individual, which is associated not only with the professional status growth of the applicant, but also with the final civil and patriotic self-determination of the individual, with a fundamental decision of his material and family situation in society. The life of modern youth, combining graduate studies, work and family role responsibility, is accompanied by various conflicts. Research methods: long-term author's sociological surveys of university students, bachelors, undergraduates in long-term dynamics (for 1998, 2018, 2021, 2022). A traditional questionnaire was conducted by groups, continuous surveys of male and female respondents of full-time education, aged 18-30 years (N= 200-400). The novelty is to identify conflict manifestations in the undergraduate environment in the conditions of the beginning of the special military operation and compare it with previous trends. Hypothesis: typical youth conflicts persist in the life of undergraduates, but new situational contradictions also appear. Among the conflict problems faced by undergraduates in their daily activities, the following were noted: combining work and study; a decrease in the material standards of living and the search for earnings; issues related to scientific research and publications. There are new problems in the list: post-teen phobias for the well-being and life of loved ones; military reports from Donbass and strained international relations with NATO. Typical causes of family conflicts (parents-children) have been empirically identified: "getting into the network" of addictions; material and household specifics; deviant-delinquent situations; leisure-intergender confrontations - conflicts.

Keywords: causes of conflicts, contradictions, family conflicts, parents, undergraduates, conflicts, young people, Internet addiction, domestic violence, parasitism

References (transliterated)

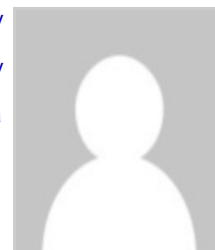
1. Makarova S.N., Reznik S.D. Magistranty rossiiskogo universiteta: sotsial'noe povedenie i kachestvo obucheniya // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2019. T. 28. № 11. S. 9-21.
2. Antonova O.G. Professional'naya motivatsiya i adaptatsiya studentov tekhnicheskikh spetsial'nostei (na materialakh konkretno sotsiologicheskikh issledovaniy v Respublike Tatarstan i Respublike Kazakhstan) / O.G. Antonova, Yu.R. Khairullina, E.V. Shchanina // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki. 2020. № 3. (55). S. 61-70.
3. Kutumova A.K., Neustroeva A.B. Faktorv konfliktogennosti studencheskoi sredy Respubliki Sakha (Yakutiya) // Konfliktologiya / nota bene. 2021. № 1. S. 43-53.
4. Opfer E.A. Transformatsiya rossiiskoi magistratury // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2021. T. 30. № 1. S. 36-48.
5. Kaplan E.A., Eretyan K.Yu. Rabota i ucheba u studentov vuzov: konflikt ili fasilitatsiya? // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2020. № 4. S. 395-423.
6. Kabakhidze E.L. Konfliktogennost' v sfere vysshego obrazovaniya: prichiny, posledstviya, sposoby uregulirovaniya // Konfliktologiya / nota bene. 2021. № 2. S. 28-41.
7. Koshmarov M.Yu. Konflikt globalizatsii mediapotrebleniya: ot ekho-kamer k info-kapsulam // Konfliktologiya / nota bene. 2022. № 2. S. 51-62.
8. Averina K.N. Svyaz' samootsenki so stilyami povedeniya v konflikte u muzhchin i zhenshchin rannei vzroslosti // konfliktologiya / nota bene. 2018. № 4. S. 32-41.
9. Zastavenko V.A. Kommunikativnoe prostranstvo onflikta: teoreticheskii analiz // Konfliktologiya / nota bene. 2021. № 4. S. 81-95.
10. Onegina E.V. Konflikty i solidarnosti LGBTQ stseny v Sankt-Peterburge // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2019. № 1. S. 179-192.
11. Cherkasova T.V. Students predict a post-covid future: ethno-gender results of social research in Bashkortostan // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS // SCTMG 2021 International Scientific Conference "Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism". DOI: 10.15405/epsbs.2021.11.356.
12. Cherkasova T.V. The phenomenon of Russians happiness: studies of Bashkortostan students during the covid-19 // SHS Web of Conferences 122, 02004 (2021). Fundamental Research of the Phenomenon of Happiness. 2020. URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202112202004>.
13. Cherkasova T.V. Trajectories of live self-determination of Russian students of Bashkortostan // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS/ICEST 2021. II International Conference on Economic and Social Trends for Sustainability of Modern Society. DOI: 10.15405/epsbs.2021.09.02.300.
14. Cherkasova T.V. Students of Russian universities at the initial stage of digitalization of higher professional education: empirical analysis of sociological surveys // Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh (NAU), № 85, 2022.

Prevention of interpersonal conflicts in the workforce

PhD in Pedagogy

Associate Professor, Department of General and Social Pedagogy, Siberian Federal University
79 Svobodny str., Krasnoyarsk Territory, 660041, Russia

✉ kop_ipps@sfu-kras.ru

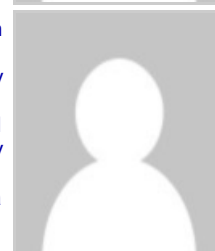

Gudovskii Igor' Vital'evich

PhD in Pedagogy

Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogy, Siberian State University of Science and Technology. MF. Reshetnev
82 Mira str., Krasnoyarsk Territory, 660049, Russia

✉ dogadaev81@bk.ru

Smirnova Anastasiya Viktorovna

PhD in Pedagogy

Associate Professor, Department of English Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev
89 A. Lebedeva str., Krasnoyarsk Territory, 660060, Russia

✉ anastastasyavic@mail.ru

Dulinets Tat'yana Grigor'evna

PhD in Pedagogy

Associate Professor, Department of Developmental Psychology and Counseling, Siberian Federal University
660062, Russia, Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Svobodny str., 82

✉ tadulinec@yandex.ru

Gusarenko Viktoriya Vladimirovna

Senior Lecturer, Department of General and Social Pedagogy, Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenetsky

660062, Russia, Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Partizan Zheleznjak str., 1

✉ gusarenko_w@mail.ru

Abstract. The subject of the study is measures to prevent conflicts in the workforce. Business leaders do not always try to resolve interpersonal conflict at an early stage of development, using methods that will prevent the escalation of the conflict and which would help to find an effective way out of a difficult situation. Many managers do not pay due attention to this aspect, do not have a psychologist, a conflict analyst, or do not invite them to organize and conduct trainings, effective programs for the prevention of interpersonal conflicts. Thus, managers miss the opportunity to resolve contradictions in a timely manner or direct the conflict in a constructive direction.

Many managers do not consider it important and meaningful to introduce psychological programs and recommendations for conflict prevention and resolution into the work of employees.

In this regard, the purpose of this study is to analyze the theoretical foundations of the prevention of interpersonal conflicts in labor collectives and to develop a program for the prevention of interpersonal conflicts in the labor space. The following methods were used in this work: generalization, theoretical analysis. We interviewed the staff of the chamber choir using the author's questionnaire "Conflicts in the team", leading strategies of behavior in a

conflict situation according to the method of K. Thomas (adaptation by N.V. Grishina). An author's questionnaire was developed to assess the effectiveness of the conducted interpersonal conflict prevention program. We have developed and tested a program for the prevention of interpersonal conflicts in the workforce. 13 members of the chamber choir participated in the program. The very implementation of the program involved three meetings. Day 1 – work with the cognitive sphere, awareness and understanding of what conflict is, what causes conflict.

Day 2 – work with the emotional sphere, through familiarization of employees with exercises, techniques, means and methods of conflict prevention.

Day 3 – working with the behavioral sphere – understanding and awareness of which behavioral forms contribute to conflict prevention.

The data obtained generally indicate the effectiveness of the conducted prevention program to prevent interpersonal conflicts for the majority of employees.

Keywords: behavior strategies, reflection, preventive actions, communication, employees, labor Relations, prevention, interpersonal conflict, conflict, interaction

References (transliterated)

1. Averkin D.B. Sovremennye predstavleniya o mezhlichnostnom konflikte [Elektronnyi resurs] // Izmerenie psikhologicheskoi blizosti. Rezhim dostupa: <http://psychologylib.ru/catalog/index.shtml> (data obrashcheniya: 23.11.2023 g.)
2. Bogdanova M. V. Effektivnost' sovladaniya s emotsional'nym sostoyaniem v situatsii mezhlichnostnogo konflikta // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. – Kostroma. 2019 g. T. 22. S. 116-120.
3. Grigor'eva T. P. Sposoby razresheniya konfliktnykh situatsiyakh v mezhlichnostnykh otnosheniyakh // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. Kostroma, 2023 g. T. 19. S. 110-116.
4. Ekimchik O. A. Dinamicheskie aspekty professional'nykh otnoshenii i sovladayushchee povedenie partnerov // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. Kostroma, 2019 g. T. 6. S. 278-283.
5. Kornelius Kh., Feir Sh. Vyigrat' mozhet kazhdyi: Kak razreshat' konflikty. M.: Stringer, 1992. – 215 s.
6. Petrovskaya L.A. O ponyatiinoi skheme sotsial'no-psikhologicheskogo analiza konflikta // Teoreticheskie i metodologicheskie problemy sotsial'noi psikhologii. 2022. №3. S 44-57.
7. Sotsial'nye predstavleniya o konfliktakh v professional'nykh otnosheniyakh i sposoby razresheniya: [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.sudexp.org/publ/21-1-0-959>.
8. Sabirova Z. R. Professional'nye otnosheniya v sovremennom obshchestve // Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva. Ufa, 2010 g. S. 43-48.
9. Semchenko M. S. Strategiya povedeniya v konflikte // Vestnik TGU, vypusk 7 (111), 2012. T. 7. S. 227-230.
10. Skutina T. V. Refleksivnoe upravlenie konfliktom. Refleksivnoe upravlenie konfliktom: vozmozhnosti stanovleniya v podrostkovom vozraste // Refleksivnye protsessy i upravlenie. Sbornik materialov VII Mezhdunarodnogo simpoziuma. M.: Kogito-Tsentr, 2019. S. 245-248.
11. Smirnova E. O. Sootnoshenie strategii povedeniya v konflikte // Vopr.psikhol, 2021, № 1. S. 34-42.

12. Fabirovskaya I. A. Osobennosti razresheniya konfliktnykh situatsii // Psikhologiya, sotsiologiya i pedagogika. 2022. № 11 [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: URL: <http://psychology.snauka.ru/2012/11/1338> (data obrashcheniya: 11.01.2018).
13. Fedoseeva L.A. Vidy i prichiny konfliktov v mezhlichnostnom vzaimodeistvii // Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii. 2020. № 1 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2020/01/91098> (data obrashcheniya: 25.12.2023).
14. Chugui A. A. Osobennosti predstavlenii o lzhiivom povedenii v situatsii konflikta // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. Yuzhnyi federal'nyi universitet , 2022 g. № 7. S. 1-5.
15. Sharov A. S. Ontologiya refleksii: priroda, funktsii i mekhanizmy // Refleksivnyi podkhod: ot metodologii k praktike / pod red. V.E. Lepskogo. M.: Kogito-Tsentr, 2009. S. 112-132.
16. Boulding K.E. Conflict and defence : A general theorie.-N.Y. 1992. R. 33-40.
17. Deutsch M. The resolution of conflict: Constructive and destructive processes. New Haven. 2023. 420 p.
18. Deutsch M. Toward an understanding of Conflict // Conflict and human interaction / Ed. by Cross G.P. et al. 2019. p. 21-33.
19. Homey K. Our inner conflicts. London, 1996. p. 64-68.
20. Smith W. P. Konflikt and negotiation: trend and emerging issues // Journal of Appl. Social Psychology. 1987. v.17, №7. p. 642-677.
21. Ward H. Three Men in a Boat, two must row: an analisis of three-person chicken pregame // Journal of Conflict Resolution. 1990. v.34, №3. p. 372-400.